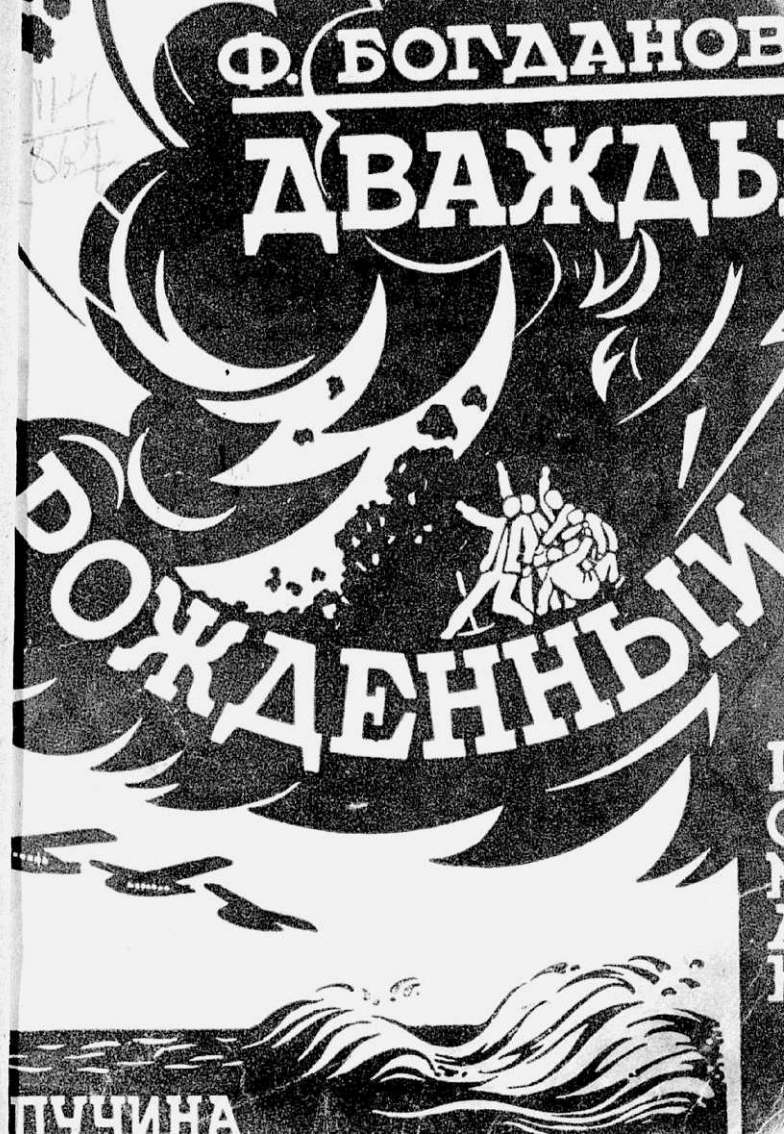

Ф. БОГДАНОВ

ДВАЖДЫ

ВО
Ж
ДЕННЫМ

ПУЧИНА

801-13

678

174

12093

Р 114
868

Ф. БОГДАНОВ

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

813/1034

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„П У Ч И Н А“
МСМХХVIII

1968

28-3211

Главит № 98.763

Тираж 4.150 экз.

Заказ № 182

2011122931

ПРОЛОГ

Два лагеря

К концу XX столетия земной шар окончательно разделился на два враждебных друг другу лагеря: лагерь, где господствовала капиталистическая система, и лагерь, где хозяйство велось на социалистических началах.

Разделение это, разумеется, произошло далеко не сразу, ему предшествовал ряд хозяйственных и политических кризисов, войны то мелкие, то крупные не раз потрясали организмы могучих государств. В конце концов Новый Свет сделался средоточием могущества капиталистов под эгидой Морганов. рядом удачных спекуляций американские Морганы завладели постепенно 70% национального богатства государств С. и Ю. Америки. Эти 70% всех ресурсов Нового Света давали доход, который составлял свыше 80% всех национальных доходов Соединенных Штатов, Аргентины, Бразилии, Мексики и других государств.

Ясно, что должно было получиться в результате сосредоточения в одних руках таких чудовищных богатств: вся политическая власть сосредоточилась тоже в руках Морганов. Вскоре как крупные, так и

мелкие государства Америки перестали существовать в качестве самостоятельных политических единиц, и Новый Свет управлялся наместниками, назначенными Морганом. В центре всеми делами хозяйства и политики руководил Совет Двухсот. В его состав входили все руководители всех видов промышленности.

Новый Свет представлял собой гигантский трест, королем которого был Морган-Старший. Только этот король был могущественнее всех королей земли за последнюю тысячу лет, вместе взятых, ибо большая половина ценностей человечества находилась в его полном распоряжении.

Непосредственно подчинялась Совету Двухсот, кроме Америки, вся Западная Европа от Атлантического океана до Рейна и Балкан, большая часть Африки, все острова Тихого океана, южные части Азии и Австралия.

Все остальное пространство суши представляло собой мощную республику советов, которая носила название Союза Народов. Здесь методы хозяйствования были социалистическими, народы, входившие в состав Союза, наслаждались спокойствием и мирным трудом и медленно, шаг за шагом завоевывали природу: осушали болота, рыли оросительные каналы, возводили здания для высших учебных заведений, институтов, обсерваторий и т. д. К этому времени только что приступили к осуществлению грандиозного проекта орошения и заселения внутренней пустынной Азии.

Напротив, в странах, подвластных Моргану, хотя и обладавших несравненно высшей техникой, более развитой наукой, народы не были свободны. Подавляющее большинство людей были заняты подневольным трудом на фабриках, заводах, копях, и высшие знания и блага жизни им были недоступны. За их счет жило сравнительно незначительное количество людей — средних и высших служащих, техники и инженеры и, конечно, бывшие капиталисты, теперь подчиненные Моргану.

Конечно, там случались частые восстания, которые, однако, жестоко подавлялись. При этом случалось, что вместе с восставшими стирались с лица земли целые ранее цветущие города. Восстания часто провоцировались нарочно с целью испробовать на людях вновь какой-нибудь изобретенный газ.

Столкновения между Союзом Народов и Моргановским трестом происходили часто, но до большой войны не доходило, так как обе стороны сильно нуждались друг в друге. Однако, вражда между ними нарастала, пока не вылилась в открытое столкновение в 19... году.

Началась война, которую земной шар не видел ни до, ни после этого.

Война должна была решить спор о господстве на земле капитализма или социализма. Победит Союз Народов — человечество пойдет вперед к еще невиданным достижениям, победит Морган — человечество надолго попадет в кабалу и, может быть, совсем погибнет.

В горах Кавказа

Это было поздней весной.

Группа исследователей под руководством известного геолога Мартынова остановилась в 50 километрах к северу от истоков речки Ляльвар и здесь устроила свой временный бивуак.

Случайно или нарочно выбрал это место Мартынов, но оно оказалось удивительно удобным. Место это представляло небольшую лужайку с десятком деревьев посредине. С одной стороны ее была какаля-то безымянная гора, а с другой — крутой спуск в долину. Отсюда же открывался великолепный вид на узкие долины и ущелья, прорезывавшие горы. Крошечный ручеек пробегал по лужайке и маленьким водопадом падал вниз.

В горе внизу темнела дыра — вход в пещеру. В этой пещере была наскоро устроена лаборатория для исследования горных пород.

До заката оставалось около двух часов. Все участники экспедиции уже вернулись из обычных ежедневных экскурсий и не спеша приводили свои записки в порядок. Один из геологов старательно готовил шлиф горной породы для исследования под микроскопом, химик в лаборатории возился с анализом.

Понемногу все освободились и собрались около профессора.

— Ну, что? — спросил с добродушным смехом Мартынов. — И сегодня, повидимому, мы не нашли ничего хорошего?

— И сегодня, как и вчера, как и две недели назад, — сердито отозвался студент-горняк. — И куда она, эта проклятая медь, пропала?

— Да, — задумчиво проговорил Мартынов, — кто мог лет пятьдесят назад подумать, что тысячи исследователей в нашем Союзе чуть не круглый год изо дня в день будут искать не что иное, как простую медь? Увы! — человечество понемногу беднеет: почти исчезла нефть, на исходе уголь, мало свинца, еще меньше меди и урана. А медь нам так необходима! Без нее мы умрем, а с ней можем добить еще очень могучие остатки капитализма, а затем двинуть человечество по пути прогресса.

— Мне помнится, что еще во времена Великой Революции говорили о недостатке меди, — отозвался кто-то.

— Да, но тогда это были праздные разговоры, а теперь это — вопрос жизни и смерти большей половины человечества. Трудно сказать, что важнее в обиходе повседневной жизни: медь или радий. Без меди мы шагу не можем сделать в применении электрической энергии, а ведь эта энергия, без преувеличения, одевает нас, кормит и везде заменяет наши мускулы. Благодаря этому мы все имеем теперь столько досуга, сколько не снилось нашим предкам сотню лет тому назад.

— Смешно сказать, — со смехом сказал тот же студент, — мой отец еще работал по семи часов ежедневно, а мне не приходится работать больше четырех. А жаль: на заводе много поучительного.

— А все-таки здесь, среди природы, например, в этих суровых горах, в тысячу раз более поучительного, чем на заводе. Пока вы сегодня ходили и ползали по горам, я покопался немного в пещере. Между прочим, я вот что нашел.

С этими словами Мартынов передал увесистый кусок горной породы своему соседу.

— Несомненно пирит, — определил тот.

Все осмотрели кусок темного камня и большинство решило, что это пирит.

— Совершенно верно, — подтвердил профессор. — Пирит. Разве это ничего не говорит вам?

— Если бы мы искали железо...

— Значит, я плохо вас учил, — меланхолично заметил профессор. — Мне же это говорит вот что: пирит сопровождает медный колчедан. Если, следовательно, мы нашли пирит, то мы в праве ожидать встретить здесь и медь.

— Вы нашли его в этой пещере? — разом спросило несколько человек.

— Именно в этой пещере.

Все посмотрели на гору. Гора небольшая, но лишенная растительности, сплошь состоявшая из мощных слоев известняков, доломитов и песчаников, производила угрюмое, невеселое впечатление. Именно в известняках вековая деятельность проточной воды вымыла эту пещеру. В течение многих тысячелетий просачивалась вода по трещинам, понемногу растворяла известняк и уносила его с собой. Трещины уве-

личились до больших пустот, пустоты, соединившись, образовали пещеру...

— Вы нашли медь? — взволнованно спрашивали профессора.

— Нет еще, но завтра мы возобновим поиски. Пещера может оказаться очень большой, а мы не приспособлены к изысканиям в темноте. Завтра же одному из вас придется спуститься вниз и достать электрические фонари. Без фонарей мы ничего равно не сможем сделать.

Затем профессора вновь засыпали вопросами. У кого-то оказался небольшой фонарь. Человека три не утерпели и теперь же устремились в пещеру. Но через полчаса вернулись разочарованные: свет был слишком слаб, чтобы можно было что-нибудь рассмотреть.

— Не торопитесь, дети, — заметил Мартынов, — успеем завтра. А пока наладьте-ка связь с Тифлисом по радио. Мы уже около двух недель не знаем, что творится на белом свете.

— Я уже пробовал, — мрачно заявил «физик».

«Физиком» он назывался в экспедиции потому, что в изысканиях употреблял не геологические методы, а чисто физические, к этому времени значительно усовершенствованные.

— Уже третьего дня пробовал, — заявил он, — ничего не вышло.

Все стали обсуждать это странное обстоятельство. Отчего бы это могло произойти?

— Вы установку делали верно?

— Не может быть ни малейшей ошибки.

— Странно. Попробуем еще.

При последних лучах заходящего солнца Мартынов сам установил приборы, все тщательно проверил.

Все молчали. Молчали и горы. Чуть слышно падала невдалеке вода. Изредка отрывался от скалы камень и с шумом катился вниз, но потом опять все погружалось в молчание.

— Дело в том, что Тифлисская станция должна подавать сигнал через каждые полчаса. Отсюда до Тифлиса не более 150 километров, слышать мы могли бы отлично. Сколько сейчас времени? У меня 26 минут двадцать первого.

— У меня двадцать семь, — отозвался «физик».

— Подождем.

Но тицетно: ждали непрерывно до двадцать первого часа, но из Тифлиса не долетело ни звука.

— Станция испорчена, — проворчал Мартынов.

Некоторые не придали этому никакого значения, другие, наоборот, сильно встревожились.

— Дело в том, что Тифлисская станция должна литическое положение перед нашим отъездом было весьма ненадежное и со дня на день можно было ожидать бури.

— Вы полагаете, что морганисты разрушили станцию в Тифлисе? — спрашивали скептики и при этом сильно смеялись.

— Сами посудите, — горячо говорил химик. — Ведь и третьего дня станция не работала. Обычно

порчи на станции исправляются в несколько часов, а тут, может быть, несколько суток прошло. Разрушения, по всей вероятности, громадные.

— Дня три назад была большая буря. Не опрокинула ли она мачты?

— Нет, — твердил химик, — в этом случае станция работала бы на другой день. Надо узнать подробно. И зачем ждать утра? Необходимо отправиться сейчас же. Спуститься с высоты в 500 метров — пу-
стыяки.

— Разумеется, если не принимать во внимание таких пустыяков, как шея моего помощника, — заметил Мартынов.

— Ничего, ночь лунная, через час можно спуститься в долину.

Вопрос стал горячо обсуждаться. Говорили за и против. Мартынов все упирался и говорил, что не может рисковать вверенными ему людьми, что днем раньше или позже узнают — не важно, что спуск весьма опасен и т. д.

В конце концов все-таки решили послать человека вниз сейчас. Вызвался итти химик.

Сборы его были не долги: через десять минут он уже бодро шагал по направлению к маленькому водопаду: там начинался спуск в долину.

— Смотри, Митя, — кричал Мартынов, — на середине спуска, у второго водопада, место очень опасное.

— Ничего, Павел Егорыч, не беспокойтесь: завтра к вечеру буду здесь. Не в первый раз мне делать подобные спуски.

Голос химика звучал с минуту, но что он говорил, разобрать было нельзя: он уже был на несколько десятков метров ниже, так как спуск здесь был вначале легкий.

Почему не работала Тифлисская радиостанция

Не день, а целых три томительных дня прошло, прежде чем вернулся назад химик с электрическими фонарями и новостями.

Еще только показалась его голова над площадкой, а он уже кричал:

— Восьмой день идет война!

С ним оказался носильщик — старик-мингрелец с грузом свежих продуктов за спиной.

— Почему я так долго задержался? — заговорил химик, бросая тюки с газетами и фонарями. — И счастье еще, что успел на четвертый день сюда попасть. Наша авиэтка внизу, помните? Бак у нее пробит и в ней не было ни капли бензину. На ней я бы в полчаса добрался до аула, а теперь пошел пешком. Вы знаете, это километров пятьдесят. Хорошо еще, горец попался, дорогу указал, а то совсем бы пропал. В первый же день в лесах запутался, стадо зубров видел, — можете себе представить! Вы знаете, как я им обрадовался! Будто ледникового человека

увидел. А говорили, что зубров уже и на Кавказе нет. Тут-то вот, в этих лесах, и попался проводник. Два дня шел пешком, словно бы я жил этак лет сотню назад. И подумать только, что наши предки здесь всего сто лет назад ходили таким образом — по 20 километров в день. Эгоист, я очень обрадовался, что живу теперь, а не на сто лет раньше. Пришел в селение, еле языком ворочаю и сейчас же спать. И еще недавно встал, всего часов шесть назад.. Да, да, страшно сказать: началась война. Американский флот готов форсировать Дарданеллы, а, может быть, он уже в Черном море. Хотят захватить Кавказ, ибо только здесь единственное место на земном шаре, где есть еще нефть. Нефть им необходима для массового изготовления какого-то страшного газа... Дела, одним словом! Во всем селении осталась одна единственная авиэтка — какая-то старая колымага, лет двадцати от роду: все здоровые люди и авиэтки с ними ушли в Тифлис. Аэроплан старый, помните? Еще мы на нем недели две назад катались. Тоже взяли. Так вот, не будь этой старой машинки, не пришел бы я до сих пор. Лежит бедная теперь внизу: еле довезла нас двоих.

— Позвольте, вы нам не сказали самого главного: отчего не работает Тифлисская радиостанция.

— И верно: забыл. Работает, работает, вот это-то и плохо. Полагают, что это — дело рук морганистов. Откуда-то со стороны Греческого архиепископа все время идут радиоволны и интерферируют с волнами Тифлисской радиостанции. Пробовала станция ра-

ботать на волнах различной длины, но уже через полчаса слышимость ее сводилась к нулю. Теперь выработана целая азбука: 10 м. она говорит — на такой-то волне, 2 м.—на другой, 5 м.—на третьей и т. д. У меня все записано. Кроме того, несколько надо изменить конструкцию приемника. Я узнал, как это надо сделать. Тогда мы будем хорошо слышать.

Стали горячо обсуждать привезенные химиком новости. Несмотря на усталость, последний терпеливо и добросовестно рассказывал все, что сам узнал в селении от людей, недавно вернувшихся из Тифлиса. Он даже вынужден был подробно описать свою встречу с зубрами и обратное путешествие на авиэтке. Некоторые занялись просмотром газет и чтением писем из Москвы.

Вдруг Мартынов издал громкое восклицание.

— Послушайте-ка, что я тут вычитал, в этой газете.

— Что такое? — закричали голоса.

Все обступили профессора. Он медленно и аккуратно сложил газету и посмотрел на всех.

— Павел Егорыч, не мучайте, говорите. — сказал кто-то.

— Лет десять назад,—начал он,—я был в Америке. Официальная командировка моя была в Филадельфию для изучения тамошней минералогической коллекции. На самом деле я по возможности должен был проникнуть в тайну изобретенной элек-

трической пушки. Как вы знаете, изобретение это принадлежит директору знаменитого института в Филадельфии. Признаюсь вам, я мало узнал об этой пушке. Знаю только одно: от места, где она стоит, она может в радиусе в 100 километров создавать чудовищные грозы без дождя, перед которыми бледнеет самая пылкая человеческая фантазия. Но зато я узнал нечто в тысячу раз более опасное: в окрестностях Филадельфии работал маленький таинственный заводик. Он производил газ — самый страшный изо всех газов, когда-либо выдуманых человеком. Для его изготовления необходимы главным образом нефть и ртуть. Да вот прочтите в газете, там он довольно верно описывается.

Химик прочитал следующее:

«Гидрарген».

«Уже в течение десяти последних лет со столбцов нашей прессы не сходили сообщения о попытках разгадать тайну страшного газа, изобретенного в Филадельфии. С открытием враждебных действий против Союза Народов сразу же вошел в широкое употребление и этот газ. Сами американцы зовут его «гидраргеном», что указывает на ртуть, как на главную, повидимому, составную его часть. Действия этого газа ужасны. Константинополь, первым подвергшийся нападению американских воздушных флотилий, почти наполовину разрушен. Под губительным действием «гидраргена» гибнет все живое. Где разрывается гидраргеновая бомба, через полчаса замолкает всякий живой звук. Железо и медь подвер-

гаются быстрому разложению. Уцелевшие очевидцы рассказывают, как падали двери с железных петель, балконы домов, рушились стальные балки и сами многоэтажные дома со стальным остовом, медные провода, крыши и т. д. После пятиминутного действия газа аэропланы распадаются на части.

Любопытная особенность: трупы людей, умерших от «гидрагена», точно консервированные, не разлагаются.

Химический институт в Москве усиленно работает над изобретением противогаса».

— Ко всему этому я могу вот что еще добавить,— сказал профессор. — Вскоре после того, как был изобретен «гидраген», случайно разорвалась готовая бомба. Пострадало около десятка лиц. Это было лет пятнадцать назад. В прошлом году я имел сообщение, что два из этих трупов еще не разложились. Один из них был вскрыт. Все органы были в целости, даже нервы оказались целы. Казалось, стоит только влить кровь в жилы, и он оживет. А между тем со времени смерти этих несчастных прошло полтора десятка лет. Высказывалась даже смелая мысль, что эти трупы могут лежать тысячи лет и все же не разложатся, даже не высохнут, как это произошло с египетскими мумиями. Представляет большую загадку, почему одни умершие от «гидрагена» разлагаются скоро, а другие могут лежать целыми неопределенно долгое время.

Тайна пещеры

Мартынов и два его помощника медленно двигались в узкой пещере. Почва в ней была неровная, слегка покатая к одной стене. У этой именно стены тек маленький ручеек с холодной водой, — наверное, тот самый, что протекал и по лужайке перед пещерой. С потолка свешивались конусообразные сталактиты, но не бесчисленными сосульками, как в некоторых пещерах, а лишь изредка: очевидно, вода проникала сюда весьма слабо. Может, поэтому и пещера была небольшая.

Мартынов внимательно всматривался в стены пещеры, изредка останавливался, ловко отбивал кусок какой-нибудь горной породы и долго потом рассматривал его при свете электрического фонаря. Породы, слагавшая стены и пол пещеры, всюду была твердая, местами казалась отполированной вековой деятельностью воды и красиво отражала свет фонарей.

Исследователи шли уже около часу, скудный дневной свет, проникавший сквозь вход, давно исчез, исчезли всякие звуки, даже слабый шум ручья вдруг прекратился. Оказалось, что он ушел под стену, как в этом убедился один из помощников Мартынова, пройдя из любопытства шагов с полсотни назад. Видимо, исследователи попали в сердце горы: исчезли светлые известковые породы и отовсюду глядел черный блестящий массивный камень.

Мартынов остановился у одного выступа и стал его внимательно рассматривать. Каждому из троих одновременно пришла в голову мысль о беспредель-

ности времен, перед которой бессильны даже человеческая мысль и воля. Сколько тысячелетий прошло с тех пор, как вода капля за каплей стала точить этот темный камень, имевший твердость стали, и, наконец, выдолбила этот туннель! А этот крошечный ручеек, глубиной всего в двадцать сантиметров, должен был крупинка за крупинкой вынести весь этот материал и скатить туда, в долину. Сейчас он может нести на себе всего только спичечную коробку, а вот в течение миллионов лет вынес миллионы тонн камня! Изумительна сила времени! Только бы время, и капля воды, казалось, может пробить насквозь весь земной шар.

А ведь уже давно, очень давно вода перестала просачиваться по каплям сюда. Как ни вслушивались исследователи, нигде не слышно было ни одного звука от падения капли, царила могильная тишина. Чувствовалась целительная сухость и чистота воздуха. Казалось, здесь не может быть ни одного микроба.

— Смотрите-ка! — закричал один из помощников профессора, поднимая с полу медно-красный кусок породы, — разве это не самородная медь?

— Да, это кристалл самородной меди, — согласился профессор. — Этот кусок потянет не меньше двух килограммов. А какая красота! Что же, где-нибудь рядом есть и залежи меди. Я вот уже минут десять смотрю на этот выступ, и если мне мои старые глаза не изменяют, то эта глыба не что иное, как медный колчедан.

У всех вырвалось громкое восклицание: глыба при ближайшем осмотре действительно оказалась медным колчеданом. Колчедан залегал здесь в виде громадного штока. Трудно было сейчас сказать, как далеко этот шток уходил вверх и вниз, но размеры его вдоль стены пещеры были громадны.

Профессор несколько раз сам лично измерял шагами расстояние от начала и конца штока и не мог притти в себя от восхищения: уж очень велики должны были быть запасы меди здесь.

— Никак не меньше 15% чистой меди, — говорил он. — Хорошая находка, великолепная! Наверное тут есть не один шток этого колчедана: это один из многих.

Он уселся на камень, поставил на выступ фонарь и вытер лицо платком. Не меньше его были взволнованы и его спутники: ведь это какая честь — найти такие залежи необходимого продукта!

— Итак, — сказал профессор, — тайна пещеры, хранящая в сердце горы в течение тысячелетий, раскрыта. И мы ее раскрыли. А сколько еще тайн хранится в недрах гор и пучинах морей! Но это — для грядущих поколений. Кстати, молодое поколение зарисовало вход пещеры?

Помощники Мартынова должны были смущенно признаться, что это ими было упущено. Один из них быстро пошел к выходу пещеры, чтобы оттуда начать съемку плана.

Через четверть часа он уже был на лужайке и с удовольствием снова увидел солнце, горы, долины.

— Уф! — вздохнул он. — Как ни заманчиво там, в пещере, а все-таки здесь лучше.

В этот самый момент он заметил в небе к югу отсюда черную точку, которая стала быстро расти, и уже через пять минут можно было сказать, что эта точка не что иное, как аэроплан.

Он быстро несся прямо на гору, но не по прямой, а по чрезвычайно кривой линии. Получалось такое впечатление, словно машиной никто не управлял: она «ныряла» и несколько раз пыталась взять то в одну, то в другую сторону.

Молодой человек с ужасом увидел, что это был тяжелый бомбовоз не совсем знакомой конструкции.

— Неужели американский? — прошептал он. — И управляется по радио, может быть, с Черного моря? А вдруг на нем десяток баллонов с этим проклятым «гидрагеном»?

Не успел он как следует вдуматься в эту последнюю мысль, как гигантская птица с шумом и свистом грохнулась перед самой пещерой.

Вслед затем наступил хаос, который, может быть, походил на тот, которым сопровождалось образование первозданной коры земли. Раздался чудовищный гул, треск, шипение — целое море звуков, которые звучали здесь только во время вздыбания гор. Гора была потрясена до основания, почти половина ее обрушилась, поднялась туча пыли и мелких обломков, глыбы и камни засыпали пещеру, заполнили всю площадку перед ней, погребли под собой де-

ревя и большой лавиной скатились вниз. Образовались вихри во всех направлениях, которые подхватывали большие камни и бросали их точно бомбы. Грохот и свист был подхвачен эхом ущелий, тысячу раз отражен и мощной волной разнесся по окрестностям.

Если бы здесь было землетрясение, то разрушение не могло бы быть больше.

Такова сила нескольких тонн взрывчатых веществ.

Невольный свидетель этой катастрофы, помощник Мартынова, был подхвачен воздушным вихрем, несколько раз перевернут и затем сброшен с площадки. Задыхаясь от воздушного давления, теряя последние проблески сознания, он на один короткий миг видел, как белесные клубы газа с силой устремились в пещеру, затем действительность от него скрылась.

Последней его мыслью было:

— А как же профессор? Неужели заживо погребен? Отравлен «гидрагеном»?

□□

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ПОДВОДНОМ ДВОРЦЕ

Странный сон в не менее странном месте

Он медленно приходил в себя. Неясные образы, коротенькие обрывки мыслей появлялись на миг в его голове и затем исчезали.

Надолго осталось у него в голове впечатление о бесконечных, уходящих в даль зеленых блестящих стенах и таком же зеленом сводчатом потолке, терявшемся где-то вверху, в зеленом полумраке.

Над ним склонялись какие-то странные человеческие лица с громадными немигающими глазами, и вновь он впадал в забытье.

Особенно запомнилось ему одно слегка сморщенное лицо, вытянутое вперед, с косо поставленными глазами.

— Какой-то китаец, — мелькнула в его голове первая мысль.

Это лицо чаще других склонялось над ним, все же другие, которые удержала его память, удивительно были похожи одно на другое, вытянутые, с непомерно большими глазами.

— Это не люди, это рыбы, — резюмировал он как-то в просыпавшемся сознании свои впечатления от них.

Третьей его мыслью была следующая:

— Где я и что со мной?

Как велики были промежутки между этими тремя мыслями, появлявшимися последовательно, он не мог восстановить даже впоследствии. Сопоставив ряд обстоятельств, он спустя долгое время решил, что эти три конкретных мысли вышли из его сознания на протяжении трех-четырех месяцев.

Затем просыпание мозговых клеток началось несколько быстрее, мысли стали задерживаться в голове на более долгие промежутки времени, впечатления об окружающем стали тверже и отчетливее.

Следующим осязаемым, оставшимся у него на всю жизнь впечатлением, был страшный шум и стук в нем самом.

— Как будто паровоз идет в груди, — подумал он.

Но спустя некоторое время он перерешил:

— Это всего только бьется сердце. Повидимому, я был долго без сознания.

Мартынов сделал, как ему показалось, движение рукой, и вновь улетучились проблески его сознания.

Затем он пришел в себя с ощущением голода. Ему страшно хотелось есть, он делал движения конечностями и затем открыл глаза.

Вверху, очень высоко, зеленел красивый сводчатый потолок. Насколько профессор мог видеть, стены тоже были зеленые и вообще все, что у него было перед глазами, было окрашено в зеленый цвет. Из каких-то неведомых источников лился чрезвычайно

мягкий свет. Уж не он ли и окрашивал все в цвет выколашивающейся ржи?

Профессор сделал движение рукой: она ему повиновалась легко. То же он проделал и с ногой. Но головы он повернуть не мог: ее удерживал какой-то металлический колпак. К груди его была плотно прижата беловатая металлическая пластинка, от которой шел металлический же шнур.

Затем профессор почувствовал вдруг удивительную легкость в теле, все члены его могли двигаться легко и свободно, голову он тоже мог вертеть по своему желанию.

Он приподнялся.

Сзади его стоял старик с тем самым лицом, которое профессор часто видел во время своего странного состояния.

Грезы кончились, начиналась непонятная действительность.

— Какой странный сон был, — тихо проговорил профессор и сам удивился своему глухому, едва слышному голосу.

Оглянувшись, профессор увидел, что он лежал до сих пор на весьма сложном аппарате в виде кушетки, от которой во многих направлениях шли гибкие металлические провода.

Странный старик с лицом, лишенным всякой растительности, только что снял руку с рычажка у оригинального прибора, который напоминал несколько Уитстонов мостик.

— Это не меня ли он электрическим током будил? — подумал профессор.

На странной кушетке лежала металлическая сетка в форме колпака, от которой тоже шел провод. Профессор решил, что именно этот странный колпак сжимал его голову словно в тисках. Где это он находится? Что это — клиника, больница, лаборатория? А кто этот старик — ассистент, профессор, лаборант?

Мартынов еще раз молча оглядел все: пол, стены, потолок. Странно, нигде не видно ни одного окна, ни одной двери, нет ни одной лампы, а между тем здесь не так уж темно. Свет, следовательно, сюда проникает. Но откуда?

Насколько Мартынов мог заметить, все помещение представляло собой бесконечную амфиладу комнат, разделенных полукруглыми арками. Везде виднелись круглые или восьмиугольные столики с инкрустацией из странного металла, кресла и подобия кушеток, на одной из которых только что лежал профессор. Насколько он мог заметить, в стенах всюду темнели огромные ниши.

По знаку старика Мартынов последовал за ним. Походка этого странного человека была очень неуверенной и нетвердой, он неловко цеплялся одной ногой за другую, казалось, ноги его были лишены костей. Тут только профессор заметил, до чего у этого старика были коротенькие руки, но с необычайно широкими кистями.

Они остановились у одной из ниш. Проводник профессора, попрежнему безмолвный, нашел в полумраке какой-то рычаг, повернул его, и ниша осветилась мягким зеленоватым светом.

Пока рука старика была на рычаге, Мартынов заметил с неприятным ощущением, что между короткими пальцами старика натянута перепонка.

— Весьма любопытный экземпляр, — почему-то вслух подумал Мартынов и с ног до головы оглядел старика. Старик был ниже среднего роста, с массивным торсом, короткими, но толстыми руками и с весьма жиденькими ногами, словно это был последний потомок поколений рахитиков. Лицо было бесстрастно, глаза, очень большие и выпуклые, почти не мигали. Впоследствии профессор имел возможность убедиться, что этот старик хотя и был представителем этого странного ответвления человеческого рода, но далеко не типичным.

— Как вас зовут? — попробовал заговорить профессор.

— Ио, — ответил старик и взял профессора за руку.

Тот быстро ее отдернул: он ощутил прикосновение чего-то холодного и неприятного.

Но старик вновь осторожно взял профессора за руку, а другой рукой провел по его груди и животу, приговаривая каким-то булькающим голосом:

— Ио, Ио.

Тут профессор осмотрел себя и заметил, что был совершенно голый; им овладело чувство неловкости.

ему даже стало холодно. Профессор подумал: как это странно, что он всего несколько мгновений назад совсем не ощущал холода, а вот, когда увидел себя голым, стал дрожать.

На старике было странное одеяние белесого цвета, шершавое и плотно облегавшее все тело, оставляя открытым только конечности и голову.

Старик нажал рычажок в стене, прямоугольный кусок стены бесшумно ушел вверх и обнаружил такой же формы отверстие. Старик нагнулся и вынул оттуда такое же одеяние, какое было на нем, и подал его профессору, который сейчас же и облачился в него.

Верно, как и ожидал профессор, этот странный наряд был шершавый снаружи, но очень мягкий изнутри. И еще одно странное качество своего наряда заметил профессор: была разница температуры в наружном и внутреннем слое ткани — наружный слой был значительно холоднее внутреннего.

— Странный человек, странная обстановка, — пробормотал профессор.

Вновь двинулся старик, а за ним по его знаку и профессор.

— Где я и что со мной? — в десятый раз думал между тем профессор, шагая за стариком. — Что за удивительное место, что произошло? Или мир изменился, или мыслительный процесс в моей голове проходит странными путями?

Пройдя около десятка комнат, они вновь очутились в одной из ниш. Нажатием одного рычага ста-

рик выдвинул из стены столик с плоскими блюдами и одной чашкой.

— Ии, — сказал старик.

— Благодарю вас, — почему-то по-немецки сказал Мартынов и сразу сел за стол: он догадался, что его хотят накормить.

Он взял с блюда палочку и начал ее жевать: вкус у нее был слегка горьковатый, от нее отдавало запахом разложения; несмотря на все старания профессора, палочка величиной в два пальца исчезла только через полчаса. Профессор хотел взять еще одну палочку, но старик решительно отодвинул палочку в сторону и указал на чашку.

В чашке оказалась какая-то беловатая жидкость, которая слегка пенилась.

— Уж не кумыс ли? — спросил профессор и залпом выпил содержимое чашки, которое оказалось удивительно вкусным.

— А впрочем, чего я с ним говорю? — пробормотал профессор. — Он, повидимому, меня совсем не понимает. Однако, странно, почему здесь нигде нет ни одной кнопки? Везде только одни рычаги и рычажки.

И он опять протянул было руку за палочками, но старик взялся за рычаг, и столик исчез в стене.

— Ти, — сказал он.

— «Ти», — повидимому, значит, нельзя, — сказал профессор. — Они полагают, что для меня достаточно этой цепухи... Может быть, для этого рыбо-

человека одной палочки достаточно, но я взрослый человек...

Вдруг профессор почувствовал, что его охватывает какое-то сонливое состояние.

Чем это его накормили? Как это он вообще отился здесь и что с ним будет дальше? Что это заколдованный дворец? И этот молчаливый стаг с почти немигающими глазами — кто он такой? неотступно смотрит на профессора и точно изучает его: трогает его волосы, лицо, руки, ноги, с удивлением смотрит на его глаза, которые часто то закрываются, то открываются.

Профессор борется со сном, но, наконец, не держивает и погружается в крепкий сон.

Последней мыслью его было:

— Это не человек, это — рыба. Неужели я, в этом Зеленом дворце? Не странно ли, что я не вижу здесь ни одной двери? Но какой-нибудь выход есть здесь...

Зеленый дворец

Кругом царствовал все тот же знакомый зеленый полумрак, когда Мартынов проснулся. Он теперь чувствовал исключительную бодрость и легко во всем теле.

— Чорт возьми! — обрадовался он. — Будто я вовсе не пятьдесят, а всего только двадцать пять лет. Однако, во что я наряжен?

Мартынов провел рукой по шершавому кафтану и сразу все вспомнил: странного старика, обед и свой быстрый сон.

Подумать только, что он, всеящий около восьмидесяти кило, съел какую-то палочку, моментально уснул и теперь не чувствует ни голода, ни своих пятидесяти пяти лет. Удивительное место, удивительное меню! Однако, чего же сидеть на этой дурацкой кушетке, когда можно поразмять ноги и катать познаться с этим «Зеленым дворцом», как профессор мысленно окрестил это странное здание.

Опять эти бесконечные комнаты, отделенные одна от другой арками, ниши и рычаги, рычаги... Приглядевшись пристальнее, Мартынов заметил, что под каждым рычагом есть надпись, но как ни старался он разобрать ее, из этого ничего не выходило.

И удивительное дело: рассматривая эти надписи, он немедленно вспомнил, что на свете все еще существует много языков. Вспомнил, что существуют языки немецкий, французский и много других, но на каком языке он мыслил сам, он сначала долго не мог припомнить.

— Что за чорт! На каком же языке эти надписи под рычагами, желая бы я узнать? А вот, кажется, латинская буква L. Здесь же вот какая-то чепуха. Э-э! Смотри-ка ты: русская фита! Кто бы мог поверить, что она еще сохранилась на свете! Но не ее ли сотню лет назад уничтожили? А, впрочем... Ба!

Профессор вдруг энергично хлопнул себя по лбу. Вспомнил! Он думает несомненно на русском языке. Теперь он в этом убежден. Однако, до какой степени неведомы пути человеческого мышления: увидев одну, давно уничтоженную букву старого русского алфавита, он вспомнил по удивительной ассоциации про свой родной язык. Спустя долгое время он приходил в неописуемое изумление по этому поводу и по поводу сохранности человеческой мысли.

Но какое значение имел этот факт при данных условиях? Все равно это маленькое открытие не разрешало всех его недоумений, и он долго еще должен был бродить ощупью в темноте перед лицом невероятной обстановки и перед последовавшими затем невероятными событиями.

Воспринимая фантастическую действительность, как не что, только наполовину существующее, профессор продолжал ходить по амфиладам дворца. Он двигался и двигался, словно это была единственная цель, которую он преследовал, словно хождение могло разрешить все его сомнения.

А неотвязчивые картины, туманные, но почему-то близкие и понятные, лезли в его голову, но исчезали они так быстро, что ни на одной из них он не успевал сосредоточиться.

Иногда он останавливался около какого-нибудь предмета, трогал его и вслух произносил его название, иногда даже целых четыре названия, и сам удивлялся этой странности. Но чаще всего он вовсе

не знал названия предмета, хотя и знал, что это такое и для какой цели.

А что это за существа глязуют на него? Что им надо? Не узнает ли он чего от них? Но что это за люди? Это не люди, а чорт знает, что такое! В одной из ниш стоят человек пять: лица безволосые, глаза по яблоку, руки короткие, пальцы с перепонками... Или это ему снится? Мыслимы ли такие существа на земле в наши дни? Смотрят на него немигающими глазами, трогают его лицо, особенно бороду, издают невнятные звуки. Что за кошмар! Нет, надо выяснить, где он, что с ним, иначе можно с ума сойти.

Опять арки и комнаты, уходящие в полумрак. Опять мягкий зеленый свет. За ним идет толпа любопытных, все в одинаковых шершавых одеяниях, плотно облегающих фигуры и ноги до колен, с голыми руками, на хилых ногах. Рахитики! У многих из них пальцы на руках стянуты перепонкой. Какие уроды!

Профессору стало не по себе.

Но вдруг над головой профессора серебряной мелодической трелью зазвенел колокольчик. Тотчас ему ответили другие, невидимому, такие же колокольчики.

Казалось, эта негромкая трель наполнила собой каждый атом воздуха и неслась отовсюду: сверху, снизу, с боков. Одно время профессору показалось, что это сами стены звенят.

Этот трезвон продолжался не более минуты.

И сейчас же вслед за этим громадный зал начал наполняться странными существами, на первый взгляд очень схожими между собой.

— Несомненно, это мне кажется,—подумал Мартынов, — на самом деле у каждого из них есть свои индивидуальные отличия.

Люди разошлись по нишам; послышался легкий порох: это тысячи рычажков были приведены в движение. Стены точно живые зашевелились, зашумели, почти моментально автоматически выдвинулись из стен столы, стулья, а вслед затем — горы «палочек», подобных той, что перед сном ел профессор.

— Обед!—сообразил профессор.—Но какая масса людей! Здесь по меньшей мере двадцать тысяч. И в то же время порядок изумительный. Что за сказочная обстановка! Нет, это положительно выше моего понимания...

Вот, повидимому, сидит целая семья: мужчина постарше, два подростка и две женщины. Ну, да, надо полагать, что это женщины, судя по их полным и почему-то совсем открытым грудям. Во всем остальном они похожи на мужчин: та же голова с нестриженными редкими волосами, то же лицо, то же одеяние. Руки и ноги ниже колен обнажены, величина их одинакова как у мужчины, так и у женщины. Одна из женщин держит на руках годовалого ребенка, который тоже усердно сосет «палочку».

Дальше сидит другая семья, а там еще, еще... без конца. Обед проходит молча.

Профессор пошел дальше. За ним устремилась большая толпа любопытных.

— Кто вы, чорт вас подери! — заорал он вдруг.

Странные люди остановились, послышались отдельные восклицания, и затем они медленно разошлись, оставив профессора одного.

Еще пять минут ходьбы, и Мартынов очутился посредине громадного зала с высоким сводчатым потолком. Здесь как будто было светлее. На стенах было нечто, напоминающее живопись: какие-то сцены, отдельные фигуры во весь рост и в полроста, машины, в одном месте была нарисована лужайка, залитая солнечным светом, а на переднем плане смеющаяся девочка с игрушечным аэропланом.

Профессор долго стоял перед этим изображением, и вереница полужнакомых, казалась, давно забытых картин восстала в его просыпавшейся памяти. Ему припомнились то покрытые голубой дымкой земляные леса, то темно-синее небо, в необъятных просторах которого реют точками аэропланы и авиатки... На несколько мгновений представился его воображению пестрый луг, вот такой, какой здесь изображен, залитый ярким солнцем, струящийся кверху воздух... Где он видел все это? И что за странное у него состояние, как будто ему жаль этих мимолетных видений, как будто он никогда больше не увидит их в действительности? А, впрочем, что за глупости! Лучше всего ему последовать своему обычному правилу: познавай вещь не созерцанием, а анализом ее.

Впрочем, откуда это он все знает? Почему в его голове много абстрактных понятий и в то же время ему сейчас вот так трудно вспомнить (мучение!) название предмета, на который можно сесть? А, впрочем, черт с ним!

Посредине зала было возвышение и на нем темно-красный длинный стол, блестящий от лака, как зеркало, а также несколько темно-красного же цвета стульев.

Отсюда в шести разных направлениях шли такие же «проспекты», по одному из которых сюда пришел профессор. Эти длиннейшие залы мягко терялись в зеленых сумерках.

Но что это за живопись? Неужели эти дикари — а иначе их нельзя назвать — умеют рисовать? Нет, этого не может быть! А, впрочем, что он знает о них? Вот какая-то сцена, как будто какой-то праздник. И странно: нарисованные здесь существа не похожи на обитателей этого дворца. Вот у этого молодца голая нога с здоровенными икрами. Уж этот не был рахитиком во всяком случае. И руки у него как руки: пальцы не стянуты перепонками.

Но не изумительно ли? Во всей зале нет ни одного рисунка, ни одной сцены, где бы было изображено хоть одно насекомое, хоть одно животное.

И вновь по стенам рычажки и рычаги, со многими рядами стульев. Для какой цели этот зал? И чем это облицованы его стены? Розоватый минерал, блестящий, подобно зеркалу, выглядывает в промежутках между картинами, пол выложен плитками

такого же минерала. Что за минерал? Повидимому, он однороден и несомненно из породы тяжелых минералов: вот в нем под гладкой поверхностью можно отличить прекрасно образованные кристаллы.

А дверей все-таки нет нигде. Но есть же копец этим дворцовым «проспектам»? Выход из этого заколдованного дворца тоже должен быть...

Профессор долго блуждал по бесконечным залам дворца. По пути ему попадались его обитатели, толпами и в одиночку, все также с хилыми ногами, часть из них с перепончатыми руками, одеты в одинокые, плотно охватывающие все тело куртки. Несколько раз его внимание останавливали совершенно круглые гладко отполированные башни, вершины которых поднимались, казалось, на недосягаемую высоту. Стенки этих башен сильно дрожали, внутри раздавался сильный гул. Повидимому, башни были полые внутри. Мартынову показалось, что это — гигантские вентиляторы.

Сколько здесь людей? Какое пространство занимает дворец? Чем здесь занимаются? Встречавшиеся ему люди безмолвно глазели на него, изредка только слышались отдельные восклицания.

В одной огромной нише он увидел нечто, похожее на мастерскую. Здесь стояли две машины: одна перерабатывала сероватую массу, которая постепенно превращалась в какую-то плотную ткань, другая же ткань отделявала, а из нее выходила точь в точь такая же материя, в которую был наряжен профессор. Около десятка человек сустилось около

машин. Машина же складывала готовый материал на маленькую платформу, которая поднятием и опусканием рычага то уходила беззвучно в отверстие в стене, то появлялась вновь, но уже пустая.

— Странный дворец, в котором живут, повидимому, тысячи людей, работают фабрики, мастерские, может быть, заводы, — подумал Мартынов, вновь очутившись в знакомом шестигольном зале. — Не менее странное молчание господствует здесь, точно это — роскошный погреб, а не дворец: молчат люди, молчат машины, молчат стены. Чего-то все-таки здесь нет. Чего же?

Мартынов вдруг обернулся: перед ним стоял уже знакомый старик с косыми глазами. По знаку старика Мартынов послушно последовал за ним.

На положении пленника

Время шло. Не было ни дней, ни ночей, ни тепла, ни холода. Всегда лился сверху мягкий зеленоватый свет, постоянно стояла ровная температура.

Первоначально вся интеллектуальная жизнь профессора сводилась к восприятию окружающего: он узнавал предметы, их назначение, людей, с которыми встречался. Он был подобен ребенку. Но была и разница между ним и ребенком: всякий раз, когда он узнавал, что за предмет перед ним, в его сознании неизменно вставало сочетание иных звуков, которыми обозначался этот предмет. Таким образом вся-

кая вещь запоминалась ему под двумя или даже не сколькими названиями.

Часто против его воли восставали в его памяти картины, которых здесь, во дворце, он не мог видеть. Особенно часто смотрел он на картину в зале с изображением лужайки и девочки. Эта картина казалась ему особенно понятной и именно такие картины часто возникали в его мозгу.

— Я знаю, чего здесь нехватает: красного света, который вот на этой картине, — однажды подумал профессор.

Отсюда начинались его экскурсии в прошлое, сначала, правда, весьма туманные, неясные, но с течением времени образы и картины, когда-то запечатлевшиеся в его памяти, начали вырисовываться рельефнее и отчетливее.

Постепенно он свыкся с мыслью, что окружающая его обстановка — нечто чуждое ему, что он из иного мира.

Особенно часто припоминались ему слова и фразы, за которыми неизменно восставали образы, сцены, картины и которые в то же время были весьма отличны от слов и фраз, которыми обменивались между собой обитатели дворца.

Мартынов с помощью знакомого старика довольно комфортабельно устроился в одной из ниш. Постелью ему служила странная кушетка, обитая не менее странной материей.

Он научился пользоваться рычагами и по своему желанию заставлял кушетку то прятаться в сте-

ну, то выходить из нее. Так же выдвигались столы, стулья, пища. По использовании вся мебель нажатием рычага отправлялась на место — в стену, так что обычно в зале совсем не видно было мебели.

В определенное время проходил обед в этом зале, на время сна все ниши тоже переполнялись. Профессор обратил внимание, что для сна сюда сходились главным образом молодые существа обоего пола и никогда не видел здесь детей. Но подростков было много, изредка попадались старики.

Мартынов тщательно изучал язык этих странных обитателей Зеленого дворца. Язык был, по его мнению, слишком беден и на редкость односложен и прост. Он не напоминал ни один из известных профессору языков, как будто лишен был корней и состоял лишь из одних приставок и частей. Наиболее сложные слова состояли не более как из трех слогов, но большая часть слов была односложна.

Трудно было узнавать профессору отвлеченные понятия, и запас их был у него очень ограничен: то ли их вовсе не было у диких существ, то ли ему не хотели их сообщить.

Знакомого старика, оказалось, звали Чоном. Мартынову это показалось странным: не только внешность старика, но и имя его оказывается китайским. Когда Мартынов спросил, не китаец ли Чон, тот с недоумением возрился на вопрошавшего. Тогда Мартынов принялся объяснять ему, что такое расы и племена, даже коснулся понятия о государстве, но Чон непонимающе смотрел на собеседника и говорил:

— Не понимаю. Здесь живут только гоми.

— А, гоми! Стало быть, обитатели дворца носят это странное название?

С самого начала профессор испытывал большое неудобство от того, что не мог измерять своего времени. Затем он вспомнил, что здесь отсутствовали день и ночь, и подумал, что часы были бы, пожалуй, лишними.

Только, когда он вместе с другими обитателями дворца ложился спать, свет уменьшался; во все остальное время свет был ровен — не слишком яркий, не слишком тусклый. Но сколько часов он спал? Час, два? Или сутки?

Постепенно профессор ознакомился с жизнью этого странного жилища. Это жилище было громадно: общая его длина была никак не меньше двух километров, ширина была такая же. По крайней мере, каждый из шести длинных «проспектов», как прозвал профессор длинные залы с бесчисленными нишами, достигал длины одного километра. А самый главный зал, куда сходились все шесть «проспектов»? Он занимал площадь по крайней мере в половину квадратного километра.

Профессор никогда не мог потом припомнить, чтобы он где-нибудь видел подобное грандиозное здание. Это был не дворец, а целый сплошной город в несколько этажей! Жителей в этом дворце было, по мнению профессора, около двухсот тысяч. Так оно впоследствии и оказалось.

Жители Зеленого дворца занимались работой на фабриках и в небольших мастерских. Каждый гоми работал определенное количество времени или на пищевой фабрике, приготовлявшей съедобные «мелки» и питье, или на фабрике по выделке удивительной материи, или смотрел за ходом машин и т. д. Были тут заведения, которые профессор определил, как сборочные цехи, а также ремонтные мастерские, но нигде он не видел ни одной фабрики, ни одного завода, где бы изготовлялись новые части машин или целые машины. Части эти лежали готовыми на складе; они были, повидимому, изготовлены очень давно и теперь понемногу расходовались.

Но чаще всего аборигены дворца ничего не делали и с явным любопытством ходили за профессором. Профессор тоже не чуждался их, подолгу рассматривал их курьезные фигуры, заговаривал с ними, а в голове меж тем неотступно вертелась мысль:

— А интересно бы их анатомировать: нет ли у них также каких-нибудь иных аномалий?.. Череп у них в общем удовлетворителен, но лоб мог бы быть выше...

Никаких школ у гоми, как оказалось, не было, не было никаких книг, и они не знали, что значит читать. При всем том взрослые гоми обладали иногда солидными знаниями в различных научных областях.

Однажды профессор был свидетелем того, как взрослый гоми объяснял четырем подросткам законы сопротивления материалов. Объяснение было довольно

удовлетворительное, но подростки явно не понимали своего учителя, что, впрочем, не выводило его из себя.

— Вот каким образом набираются они знаний! — сообразил профессор. — Немного же можно так достигнуть! А где лаборатории, научные кабинеты? Нет этого здесь.

И все-таки странный народ! Нравы здесь были весьма просты, гоми ссорились редко и вообще были существами в высшей степени невозмутимыми, как это заметил профессор с самого начала. «Рыбы нравы», как он выражался, желая высказать этим свое презрение к ним. Мужчины и женщины, как оказалось потом, никогда не жили подолгу вместе. Чаще всего случалось, что женщина покидала своего мужа, но по этому поводу не было ни слез, ни горя, ни отчаяния ни с одной стороны. Вообще гоми никогда не плакали, так же как, положим, никогда и не смеялись.

Когда мужчина и женщина сходились для совместной жизни, они говорили ближайшим соседям, что «идут наверх». «Итти наверх» значило переселиться в верхние этажи, где жили исключительно семейные гоми. Это выражение равносильно было слову «жениться».

Так знакомился профессор с этим странным миром.

Меньше всего нравились профессору «палочки», которые составляли, повидимому, твердую пищу гоми, ибо всегда они неизменно издавали запах, при-

сущий разлагающейся животной ткани. Как изготовлялись эти «палочки»? Что за смесь представляют они собой? Ничего этого профессор не знал, но от этого брезгливость к пище рыбо-людей у него не уменьшалась.

Но случилось так, что любознательность его в этом вопросе однажды была удовлетворена, при чем профессор весьма сожалел об этом.

Однажды гоми, необычайно здорового вида, пришел в нишу к профессору и бесцеременно потащил его куда-то, ухватив за руку, при этом профессор имел неприятное удовольствие убедиться, что перепончатая лапа гоми обладала, вероятно, силой железных клещей.

— Вот, — буркнул гоми, привел профессора в большую комнату. — Делай то, что делают другие.

Он добавил еще что-то, но профессор скорее догадался, чем понял, что это «что-то» означало:

— Довольно лодырничать.

В комнате стоял тяжелый запах разложения. Профессор быстро ориентировался: комната представляла собой фабрику тех самых «палочек», которые вызывали такое отвращение у него.

Обязанность профессора заключалась в том, что он вместе с другими людьми разрубал на части туши рыб, главным образом акул, и бросал их в машину. Машина подхватывала начинавшие разлагаться куски и перемалывала их. Что с ними дальше было, профессор так и не видел ни одного разу, да и ни-

когда не пытался этого сделать, ибо боялся увидеть собственными глазами, как из воющего полуразложившегося теста машина выдавливает «палочки».

— Хорош шоколад, нечего сказать, — не раз думал профессор. — Так вот он откуда, этот противный запах разложения!

Очевидно, приготовление пицци считалось самым неприятным занятием, ибо работали здесь на редкость хилые и забитые гоми, работали тупо, равнодушно, не принося почти ни одного звука. Только мерный шум машин нарушал молчание, но и он был столь монотонен, что действовал не менее угнетающе, чем молчание людей.

Но самым любопытным здесь было то, что в числе гоми было несколько существ, совершенно непохожих на гоми. В зеленом полумраке их трудно было рассмотреть, но профессор видел, что это были стройные люди с красивыми прямыми ногами и с благородным выражением лица. Профессор пытался заговорить с ними, но ни один из этих странных людей не ответил ему, повидимому, не понимая его. При ближайшем рассмотрении их лиц профессор поразился их большой худобой. Похоже было на то, что этих людей не сытно кормили.

— Это пленные — рабы, — подумал как-то профессор. — Такие же, как, положим, и я сам. Повидимому, из меня тоже решили сделать вьючное животное. Ах, эти проклятые твари!

Но любопытство ученого взяло верх над его настроениями, и, как ни тяжело было работать на этой

фабрике, он начал делать попытки узнать, откуда берутся рыбы туши. Рабочие неизменно доставали их из небольшого бассейна, наполненного грязно-бурой водой, но как мертвые рыбы попадали туда, профессор не знал, а меж тем часто случалось, что в бассейне не оставалось ни одной туши, и тогда машины приостанавливались и люди расходились. Но на другой день (по крайней мере, часов через двадцать, как заметил профессор) бассейн неизменно заключал в себе рыб.

Однажды профессор пришел сюда на несколько часов раньше обыкновенного. В комнате слышался шум от падающей воды. Вглядевшись пристальнее, профессор увидел круглое отверстие на высоте двух метров над бассейном; из отверстия лилась вода. Вдруг вода забултыхла и вслед за тем, блеснув чешуей, из темного отверстия в бассейн шлепнулась большая туша рыбы. Затем опять пошла тоненькая струйка воды и через минуту — новая туша.

Откуда-то давно пойманные рыбы вталкивались сюда, повидимому, струей воды или сжатым воздухом. Но откуда?

Люди-рыбы

Нельзя сказать, чтобы профессору нравилась роль мясника, но то, что он наблюдал, было столь интересно, что ради этого стоило потерпеть.

В свободное время он любил бродить по дворцу, тем более, что в этом ему никто не чинил препят-

ствий. Во время одной из таких прогулок он натолкнулся на любопытную картину. Когда он стоял в одной узенькой нише, послышался вдруг топот босых ног, и вслед затем мимо него прошли гоми. Они шли по четыре человека в ряд. Каждый крайний в ряду нес в руках желтую палочку длиной в полметра, а другие несли какие-то мешки. С одежды этих гоми стекала вода.

— Это шествие рыбо-людей похоже на возвращение дикарей из военного набега, — прошептал профессор. — Но почему они все мокрые? Их тут по крайней мере около тысячи.

Из одного мешка нечаянно выпал круглый шарик и покатился к ногам профессора. Когда прошел последний ряд гоми, профессор поднял шарик. Он был светло-коричневого цвета и издавал приятный ароматичный запах. Профессор не мог впоследствии объяснить, как это произошло, но вдруг он начал этот шарик есть. Шарик оказался на редкость вкусным и питательным и несколько не напоминал вонючие «палочки», которыми профессор пробавлялся до сих пор.

— Еще одна загадка, — вслух заметил он. — Какие-то шарики... Повидимому, те мешки, которые несли гоми, были наполнены этими шариками. Но сами гоми не умеют готовить этих шариков, поэтому, если мое предположение о военном набеге верно, то эти перепончаторукие твари где-то произвели грабеж и принесли с собой странные плоды.

Хотя какие это плоды? Нет, шарики, похоже, искусственного происхождения.

Как бы то ни было, любопытство профессора было возбуждено до крайних пределов. Где были гоми? Чем объяснить их шествие рядами? Что за палочки были у каждого в ряду? Не был ли это военный отряд? Какова социальная организация у гоми вообще?

Надо было все это так или иначе вырешить. Теперь профессору показалось, что работа на лицевой фабрике не будет столь тяжела: как же, ведь ему предстоит освещение ряда исключительной важности вопросов, которые не могут не интересовать культурное человечество!

Обозрение того коридора, из которого вышел виденный профессором отряд гоми, ничего ему не дало. Оставалась надежда на Чона, который, казалось, благоволил к профессору, но и он в ответ на настойчивые расспросы и предположения профессора ограничился ответом:

— Гоми вынуждены искать себе пропитание часто далеко от своих жилищ.

Понидумому, придется ему самому разбираться во всем. Ну, что же, в таком случае он подумает, что все это значит и где он. Если все, что он видел до сих пор, не сон (а всего вероятнее, что это не сон), то несомненно, что он живет в исключительные времена. Может быть, он на другой планете? Нет, это предположение, разумеется, абсурдно... Однако что же это за странный мир, в котором судьба заставила

его играть столь презренную роль — роль обыкновенного мясника?

Он долго и сосредоточенно думал. Глубокие складки изрезали его лоб, глаза ушли.

— Нет, это выше моих сил, — пробормотал он. — Не могу... Тогда начнем с того, что мы имеем перед глазами. Может быть это даст мне ключ к разгадке тайны. Странный заколдованный дворец невиданной мной архитектуры. Обстановка его слишком далека от места и времени, которые живут в моем воображении. Значит, этот дворец — один из неведомых уголков земли. Сюда не только ученый, но даже простой смертный, может быть, не заглядывал от сотворения мира. Может быть, люди эти представляют собой особый вид отряда приматов? Не от них ли берут свое начало люди и обезьяны? А вдруг именно мне суждено разрешить мучительную загадку о происхождении человечества?

Мартынов даже вдруг поднялся от такой мысли и радостно уставился в полированную стену своей ниши.

Нет, ему положительно надо познакомиться со странными насельниками этого дворца. Да, только они ему могут дать ответ на ряд мучительных вопросов. Правда и то, что гоми уклонялись от тесного общения с ним, но другого выхода не было. Может быть, случай поможет ему.

Понемногу прошлое начало воскресать в его памяти, он вспомнил множество людей того мира, из которого он оказался каким-то образом исторгну-

тым, давно забытые имена и названия, и чем дальше, тем более чуждым казался ему этот странный мир, этот неизведанный еще уголок земли.

Правда, все прошлое приходило ему на память урывками, беспорядочно, в памяти зияли, профессор это чувствовал, громадные пробелы, но таинственная мыслительная работа все же делала свое дело. В конце концов он отчетливо поставил себе вопросы: что это за Зеленый дворец, в котором он находится, что за существа населяющие его люди и что такое он сам?

Он отчетливо помнил только одно: он был профессором, у него были ученики, он вел исследовательские работы. Но где, при каких обстоятельствах это происходило, что за работы он вел, этого он не мог припомнить. Странно, он даже долго не мог припомнить свое собственное имя, но твердо знал, что он вовсе не Токи, как его звали в Зеленом дворце.

Однажды профессор забрел в самый отдаленный, как ему показалось, угол дворца. Неожиданно перед ним раздвинулась стена, и в образовавшееся отверстие вошло около трех-четырех десятков молчаливых, сосредоточенных людей. Все это, судя по росту, были, очевидно, дети, но среди них не было того оживления и шума, которые привык профессор видеть среди обыкновенных детей.

Когда толпа детей скрылась, профессор сделал попытку открыть отверстие, через которое они вошли. Он трогал рычаги, шарил, нажимал на стену, но все безрезультатно. Случайно, как ему показалось, он

задел что-то ногой, и тут же перед ним открылось, наконец, отверстие, и он смело шагнул в него. Не оглядываясь, пошел он по узкому коридору. Чувствовалось, что коридор слегка покат и извилист. Затем он начал подниматься вверх. Профессор плутал по коридору, заворачивал, шел назад и вперед и в конце концов, сильно захывавшись, очутился на ярко освещенной площадке. Свет, как и всюду в этом дворце, шел сверху. Площадка с той стороны, откуда поднялся профессор, ограничивалась темной стеной, а с другой окаймлялась зеленоватым, казалось, прозрачным барьером. Площадка эта напоминала веранду с темной крышей. Моргынов сделал несколько шагов и стукнулся лбом о барьер, за которым начиналась какая-то странная зеленовато-темная среда. Что там дальше? Опять новый «проспект»? Или что-нибудь иное? Но что это? Как будто там дрожат и двигаются тени... Вот они ближе, ближе, становятся яснее и рельефней.

Да, теперь это для него не подлежит сомнению: это все те же рыбы-люди, обитатели Зеленого дворца. Но не странно ли, что профессор видит только их головы? Ах, нет, вон изредка мелькает позади каждой головы и туловище. Похоже, как будто они лежат и лежа двигаются прямо на профессора. Да, вот теперь видно, как они «загребают» руками, как это делают ящерицы в время бега. Всего видны четыре головы.

Профессор протер глаза, но люди двигались на него непонятным образом, словно по воздуху. Когда

они придвинулись довольно близко, профессор заметил, что у каждого из них на носу прикреплен небольшой аппаратик. Рот также закрывался им.

— Намордник! — не мог удержаться Мартынов. — Собачий намордник! Может быть, эти несчастные кусаются, поэтому им закрыли рот...

Вдруг этот странный квартал круто, под прямым углом повернул, и пораженный до ужаса профессор увидел, что четыре человека, вытянувшись в горизонтальной плоскости, шеveled слегка сжатыми вместе ногами и загребая руками, медленно «прошли» мимо него и скрылись в зеленоватой мгле.

— Плывут! — прошептал профессор. — Ясно, они плывут! Значит, за этой стеной вода?! Ведь плавать можно только в воде!

Разноречивые мысли вихрем закружились у него в голове, он долго не мог сосредоточиться, ибо очевидность казалась ему чересчур целепой. Казалось сначала, что или он сам лишился рассудка и все, что он видит, — пляска большого воображения, картина с Броккенской горы, или все окружающее сошло с ума, лишилось своей твердой основы, перевернулось вверх дном. Где хаос: у него в голове или в природе?

Медленно начал профессор припоминать и сопоставлять. У очень многих из этих тварей перепончатые руки. Откуда этот признак, свойственный только существам плавающим? Повидимому, он выработался у этих насельников Зеленого дворца в течение длинного ряда поколений путем приспособле-

ния: здоровой перепончатой и широкой лапой легче загребать при... плавании?! Да, именно при плавании, а не при лазаньи и беге. Плавать также помогают ноги, которые могут складываться в виде... чего? Неужели «хвоста»? Да, именно в виде рыбьего хвоста. Как ловко эти балбесы работают своим «хвостом»! Именно потому ноги их слабы при ходьбе: они приспособлены больше для плавания, чем для ходьбы. А большие, немигающие глаза? Не покрыты ли они особой прозрачной перепонкой, как у рыб?

Да, теперь несомненно: это — изумительная порода людей, ветвь человеческого рода, это — рыбы-люди.

Но что же из этого следует? Конечно, сходство этих существ с рыбами не случайное, оно явилось в результате жизни многочисленных поколений в воде.

У профессора при этой мысли мелькнула в голове чудовищная, жуткая догадка:

— Не в воде, не в океане ли он?

Он постарался отогнать от себя эту мысль, но неумолимые факты вновь и вновь доказывали ее непреложность. В самом деле, он до сих пор еще не видел солнечного света, не видел смены дня и ночи, всюду господствовал странный покой.

Значит, этот зеленый дворец подводный?! Может ли это быть? А почему бы нет? Откуда бы знать об этом человечеству? Оно занято вечной распрей, убийствами, войнами, между тем океанские глубины все еще не исследованы, даже и малодоступны для

исследований. Возможно, что где-нибудь в глубинах Тихого океана и живет это ответвление человеческого рода.

Так рассуждал профессор, неподвижно уставившись в сказочную бескрайнюю, казалось, темноту.

Но каким образом он сам попал сюда? При всем напряжении памяти ему удалось восстановить в своем воображении многочисленные здания неведомого «дворца», вернее, целые дворцы, залитые ярким светом, темный длинный туннель, по которому на него несется страшное белое облако. Туннель и облако — вот что он отчетливо мог припомнить.

Пока профессор думал и делал усилия вызвать в памяти картины прошлого, сверху по кривой линии быстро метнулась одинокая фигура рыбы-человека, усиленно рассекая воду «хвостом».

— Да, несомненно, мы под водой, — решил теперь профессор. — Но где? В каких глубинах и какого океана? Почему весь дворец не раздавлен тяжестью воды?

Он тихо двинулся назад.

— Пройдет не мало времени, пока я изучу основательно язык этих людей, — думал Мартынов. — А изучить его надо, иначе никогда мне не узнать, что это за существа и каким путем я очутился среди них. Мой долг — поведать людям о их странных родичах, живущих на дне моря и имеющих культуру, по видимому, не ниже нашей.

Профессор делает ряд открытий

Профессор потом с трудом припоминал, как он шел назад, то спускаясь вниз, то поднимаясь по узким коридорам. Путь этот был во всяком случае не короткий и отнял у него много времени. В его воображении часто вставали виденные им диковинные люди-рыбы, смотревшие на него немигающими большими глазами, и профессор при этом испытывал странно неприятное ощущение, словно бы ему было холодно. Наиболее неприятное впечатление осталось у него от маленького аппарата на лице рыбоподобных людей или «намордника», как его определял профессор.

Неотступно вертелась в голове у него мысль:

— В каких местах земли или в какие времена я живу? Когда-то думалось, что немного уже тайн осталось в природе, которые бы человечеству надо было еще разрешить, а вот налицо изумительный факт: где-то в морских глубинах существуют высококультурные люди, похожие на рыб. Но как я сам попал сюда и почему этот дворец не расплюснулся в лепешку, если он глубоко в воде? Ведь тяжесть воды должна быть колоссальна!

Разумеется, при первой возможности профессор закидал Чона вопросами, составленными весьма нелепо из-за плохого знания им языка рыбо-людей.

— Скажите мне, наконец, что вы за существа?

— Мы — гоми...

— Гоми... Гм! Это, пожалуй, похоже на правду. Не является ли слово «гоми» остатком латинского слова homo? Значит, «гоми» можно перевести, как «люди».

— А живем мы на горе За.

— На горе?! Скорее в глубине океанических вод.

— Нет, именно на горе. У нас никаких глубин нет. Есть горы и долины, но долины пустынные, там нет гоми: они населяют горы, близко к свету, где слабое давление.

— А как давно живут гоми на этих горах, как вы их называете?

— Как можно счесть песок на горе За? Бесчисленные поколения наших предков жили здесь. Были времена, когда горы были слабо заселены, а наши предки — еще столь дикими и мало приспособленными, что гибли массаами. Потом мы научились изготавливать особую одежду, которая защищала нас от холода и сырости, перестали умирать массаами от кашля, как это было раньше, научились долго и хорошо передвигаться в воде без лицевого аппарата...

— А дворцы ваши? Их, стало быть, много у вас?

— Их много, очень много. Но не мы строили их. Они построены тысячи поколений назад... Не знаю когда. Давно, очень давно.

— И они не разваливаются?

— Бывает и это, но очень редко. Тогда мы переходим на другую гору, и, если на ней есть пустое «племя», мы его занимаем.

— Что это за «племя»?

— Мы так зовем наши жилища.

— Вероятно потому, что гоми живут все-таки племенами. Живущие в этом дворце, например, являются не случайными людьми, а родственно связанными между собой.

Чон, казалось, это предположение не совсем понял, а потому ничего не ответил.

Осторожно стал выспрашивать профессор, что знают гоми о земле вообще, о суше, о солнце, о звездах. Оказалось, что у старика были очень смутные понятия обо всем этом. Солнце у него смешивалось с понятием «очень светло» и было где-то там, над горой, где живут странные существа, похожие на гоми, но относящиеся к последним враждебно.

Профессор ничего не понимал. Мрак в его мозгу не рассеивался.

— Скажите, как я попал сюда?

— Наши дети ревелись на самой верхушке За. Вдруг из надводного мира упал гром, верхушка разлетелась вдребезги и в середине ее открылся длинный ход. Дети устремились вслед за водой, которая хлынула по этому ходу, и там нашли тебя. Ты был немного мягче нашей горы За. Дети большей частью погибли.

— Ничего не понимаю. Отчего погибли дети?

— Воздух был полон яда. В долинах, особенно глубоких, у нас иногда случается, что гибнут не только дети, но и взрослые гоми.

— Вы хотите сказать: яд был в воде? Ибо какой же здесь воздух?

— И в воде есть воздух. Иногда гибнут целые экспедиции, попадая в отравленные области. Но это бывает редко. Когда наши предки переселялись на гору За, они попали в такую область и почти все погибли. Уцелело только пять гоми, из них всего одна женщина. А главное, погиб наш транспорт, который вез больных детей и питание. Но пять гоми выжили и размножились.

— А давно это было?

— Очень давно: двенадцать слоев назад.

— Какие это слои?

— Сразу видно, что ты не из наших. Слои — это наши часы, по ним мы измеряем наше время, продолжительность жизни гоми. Когда-нибудь я покажу тебе их.

— Я догадываюсь, что это за часы. Ну, а давно ли гоми нашли меня в таком виде?

— Это было двадцать наибольших давлений назад.

— Что за «наибольшие давления»?

— По неизвестным причинам вода на нас давит сильнее, то слабее, при чем максимумы давлений правильно чередуются между собой. Есть давление наибольшее, есть давление наименьшее. Это открыли еще наши предки.

— Ага! Понимаю. Повидимому, наибольшее давление бывает во время полнолуния и новолуния, когда центры земли, луны и солнца совпадают, т.е.

лежат на одной линии. Это — момент наибольшего притяжения, момент наивысшего прилива, следовательно, наибольшего давления для гоми. Наибольший прилив повторяется два раза в месяц, следовательно, двенадцать наибольших давлений равны шести месяцам. Итак, я был отыскан шесть месяцев назад?

— Месяцы? — удивился старик Чон. — На языке гоми этого нет. Шесть наибольших давлений ты был в небытии: не дышал, не говорил, не двигался, ткани твоего тела были жестки, руки и ноги сгибались с трудом. Но ты не был совсем мертв, я это сразу заметил, и так как ты не похож ни на гоми, ни на разрушителей машин, то я вернул тебе жизнь. А теперь скажи, кто ты и откуда?

— Милый Чон, я сам не знаю, кто я и откуда. Дай мне подумать и поразмыслить над всем, что я увидел и услышал. А не нашли ли чего-нибудь со мной?

— Нашли какие-то странные предметы. Ты их можешь увидеть хоть сейчас, если желаешь.

— Еще одну минутку, Чон. Ты сказал, что упал гром и разрушил вершину За. Что это за гром?

— Изредка случается, что из воздушного мира падает к нам нечто, что производит гром и разрушение.

— Бомба?

— Я не знаю, о чем ты говоришь... Мы видели, что гром бросали разрушители машин.

— Ты второй раз говоришь про разрушителей машин. Кто это?

— Они живут над нами, боятся воды и несколько похожи на тебя. Они разрушают наши машины там, на поверхности воды. А без машин мы не можем жить — это наши источники силы.

— Гоми, стало быть, враждуют с ними?

— Они богаты и сильны, владеют светом и вкусной пищей, но они же и жадны. Иногда мы пробуем доставать пиццу у них, но они гонят нас и даже убивают. Гоми тоже не остаются в долгу. Тогда «разрушители» бросают гром, и наши машины перестают действовать. После этого наступает гибель целого «племени», и гоми должны переселиться, чтобы не умереть. Сейчас у нас есть несколько этих «разрушителей», работают на пищевой фабрике.

— А! Теперь я понимаю. Однажды я видел много гоми, которые возвращались, повидимому, с набега и шли по четыре в ряд. Они также несли мешки с вкусными шариками. Значит, гоми попросту занимаются грабежом. И грабят «разрушителей машин»? Эх, Чон, Чон! А не лучше ли самим заняться настоящей продуктивной работой?

— Токи ничего в этом не понимает.

Дальше, несмотря на расспросы, профессор ничего не мог добиться, старик уклонялся от ответов, и вообще было видно, что Чон вовсе не желает посвящать неизвестное существо в отношения, существовавшие между гоми и какими-то «разрушителями машин». Для профессора было ясно только

одно: кроме гоми есть еще какие-то существа, которые не живут в воде. Но откуда они взялись? Знаем ли мы о них? Не он ли сам также — «разрушитель машин»?

— Если Токи желает, я покажу ему предметы, которые были найдены одновременно с ним, — прервал Чон размышления профессора.

— Что? Гоми зовут меня Токи?

Профессор рассмеялся, ибо слово токи означало: известковый человек.

— Да, — возразил Чон, — ибо, когда тебя нашли, ты был покрыт легким слоем извести с примесью неизвестного вещества. Этот-то слой и предохранил тебя от окончательной смерти.

Профессор держал дрожащими руками геологический молоток, сделанный из нержавеющей стали, и легкое волнение охватило его с ног до головы. Мозг его работал усиленно, просыпалась память... Когда-то он держал, стало быть, этот молоток в руке и отбивал им куски горных пород?.. А вот золоченая ручка с золотым пером. Она потемнела почему-то, тогда как железный молоток остался таким же блестящим, как и раньше. Не удивительно ли, что химически чистое железо оказалось прочнее золота? А это что? Череп? Человеческий череп, действительно, только как испорчен! Он был, следовательно, в соседстве с этим черепом? Но как долго?

На несколько мгновений память профессора прояснилась, и он с изумлением вспомнил длинную и

узкую пещеру. По краю ее чуть слышно шумит ручеек... Он движется вдоль пещеры. С ним кто-то другой, но как он выглядит, профессор никак не может вспомнить. Свет электрических фонарей ярко отражается от кристаллов горных пород, которыми выложены стены пещеры. Профессор и его спутник что-то ищут: вот он слышит восклицание своего спутника, и в его мозгу проносится «медь!» Они нашли медь! Но что это?.. Слышится гуд, грохот, какой бывает во время землетрясений, свод пещеры колеблется и одновременно к ним врывается белесый густой газ... Молнией пронзила его сознание мысль: гидрарген! Погибли... Он знает этот газ! Выход завален... Наверху, над головой — каменные массы стометровой мощности. Вот она, смерть! Вот она, чудесная могила! Почти в сердце горы...

Мартынов ясно представил себе эту картину. Холодный пот выступил у него на лбу, дыхание стало прерывистым, как некогда, когда он вдыхал ядовитый газ.

И снова мрак окутал прошлое.

Что он в самом деле переживал это или он спит, грезит? Но тогда зачем здесь этот старикашка с жидкими ногами? Он уверяет, что его, профессора, нашли в пещере. Пещера вскрылась благодаря случайному взрыву, туда хлынула вода, а вслед за ней и люди-рыбы. Но при чем здесь вода?

Несомненно, он тогда погиб от гидраргена. Он был в пещере, его нашли в пещере. Значит, он долго пролежал в состоянии смерти? А теперь? А нынеш-

нее состояние, не похоже ли оно на состояние, именуемое жизнью? Он говорит, движется, дышит, испытывает голод и жажду, слышит биение своего сердца, наконец, он мыслит. Повидимому, все признаки того, что именуют жизнью, у него налицо. Однако, все мыслительные процессы совершаются у него как бы окутанные туманом, редко бывают его мысли отчетливы и ясны, и если сопоставить с этим фактом невероятную фантастическую обстановку, в которой профессор живет вот уже многие месяцы (а, может быть, только недели или, наоборот, годы?), то получается такое впечатление, как будто он спит или, вернее, вот-вот проснется, но продолжает все еще грезить перед просыпанием.

А это что? Кусок горной породы, вероятно, медный колчедан. Да, конечно, вот здесь можно рассмотреть характерную для него спайность. Но откуда взялся рядом с колчеданом кусок урановой руды, ибо это несомненно уран?

Чон уверяет, что все это нашли вместе с ним. Странно, почему его память не удержала вместе с пещерой, спутником и медью так же и урановую руду. Не потому ли, что он, Мартынов, совсем не подозревал о присутствии этой руды?

Все говорит за то, что профессор находился очень долго без сознания, повидимому, годы. Возможно ли это с научной точки зрения? Память его удержала, что он был отравлен гидраргеном в пещере, в которой им были когда-то открыты залежи меди. Профессор, еще будучи в Америке, хорошо

узнал запах и страшный белесый цвет гидраргена, чтобы ошибиться. Он вспомнил смутно, что некоторые из тех, которые случайно были отравлены этим газом, не разлагались ни на каплю в течение десятиков лет.

Да, но профессор совершенно не помнит, чтобы кто-нибудь из отравленных гидраргеном воскрес. А, меж тем, он, профессор, повидимому, жив. Не поддерживалась ли жизнь в нем каким-нибудь образом?

— Скажи, Чон, — обратился профессор к старику, — долго я лежал там, в пещере, по-твоему?

— Трудно сказать наверное. Гоми рассказывают много невероятного о тебе... «Разрушители» закрыли все выходы нам к свету, уничтожили машины, которые сами собой мчались в трубах к свету и мчали с собой гоми. Да, эти времена безвозвратно прошли. Но придет, придет Сильный... Он спасет гоми, и вновь мы будем через каждые двенадцать давлений садить на поклонение свету.

— Что ты там рассказываешь? Какое поклонение? Что вы, солнцепоклонники или что хуже?

Оказалось следующее.

Это было очень давно, еще в незапамятные времена, когда не было вражды, всюду были гоми и совсем не было «разрушителей машин». В поисках за богатством и дешевой хорошей одеждой проникли гоми в недра земли, под самое морское дно, изрыли землю ходами. Стало хорошо жить, всего было вдоволь и не надо было работать. Но откуда-то

взялись «разрушители». Чон не знает, откуда они явились, но они вдруг стали враждебно относиться к гоми, если последние выходили из-под воды. Но гоми не могли жить без света, и вот было достигнуто соглашение: каждый гоми не меньше одного раза в течение двенадцати наибольших давлений выходил на свет. Гоми устраивали праздники с пением, играми, танцами, играла музыка, и все это в честь великого духа света. Но гоми позволялось это делать всего только раз в двенадцать наибольших давлений, не больше. А затем «разрушители» совсем закрыли входы и перестали пускать гоми туда, на их торжественные праздники, замерли дороги, перестали работать экипажи на них...

— А что это за дороги были?

— Это были такие большие трубы. В экипаж ложился один гоми и мгновенно был на поверхности. Но мы верим: придет наш Сильный и покажет нам путь к свету.

— Ты рассказываешь мне какую-то легенду. Лучше скажи мне вот что: допустимо ли, чтобы мертвый человек воскрес?

Оказалось, что Чон не понимал значения слова «воскрес», и профессор должен был препеждать ему длинное объяснение.

— Ты был не совсем мертвый, — возразил Чон. — Ткани твоего тела сохранились, и мне нужно было сделать только две вещи: удалить известь, которая покрывала тебя снаружи и выстилала некоторые внутренние органы, и заставить

сердце вновь работать. У меня многолетняя практика среди гоми, но, признаться, ты — единственный в своем роде случай. У нас гоми долго не разлагаются после того, как сердце приостановит работу, но, чтобы это продолжалось в течение хотя бы одного слоя, — этого не было еще. Ты — загадка для меня, а особенно для остальных гоми.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Чон — в своем роде глава всех гоми, живших на горе За, врач, немного физик, немного химик.

Но все-таки насколько бедны познания Чона и в физике, и в химии, и в медицине! В этом профессор имел возможность убедиться не раз.

И на этот раз научный багаж Чона казался профессору на редкость скудным, детским лепетом, и он никак не мог добиться, каким же образом все-таки Чон оживил его.

Старик рассказывал, что сначала он окунул профессора вот в тот раствор, затем — в этот, потом подверг его воздействию ряда сил — сперва из-под одного рычага, потом другого и т. д. А что за растворы были, каков их химический состав и действие, что за физические силы действовали на профессора, — этого последний так и не мог добиться ни теперь, ни спустя долгое время.

Наиболее замечательным открытием, сделанным в это время профессором, была уверенность, что он был без сознания несколько лет. Сначала весьма робкая догадка об этом, потом перешла постепенно в уверенность.

— Смешно, — думалось ему. — Неужели я сделался героем Уэльса? Тот проспал сотню лет... Но ведь то был вымысел! А вместе с тем обстановка, в которой меня нашли, говорит как будто в пользу подобного предположения. Не понимаю только одного: при чем здесь вода?

На один короткий миг у него мелькнула мысль, мысль «геологическая», как он впоследствии объяснил ее, но он отогнал ее, как чудовищную и абсолютно недопустимую.

Иногда профессор часами созерцал своих молчаливых спутников, немых свидетелей катастрофы, случившейся с ним в сердце горы: череп, молоток, ручку и два куска горной породы.

Череп, — это, несомненно, все, что осталось от его спутника. Почему только череп? А где другие кости скелета? Возможно, что их не нашли, или они разрушились. Странно, профессор никак не мог вспомнить ни лица, ни имени того, чей череп лежал в его нише. Капризна человеческая память: удерживает сложные сцены, картины на десятки, а может быть и на сотни лет, а вот некоторые вещи совершенно исчезают. Однажды профессор отчетливо вспомнил ряд сцен каменного века, непосредственным участником которых он, казалось, являлся, а меж тем он знал, что этот век был во всяком случае тысячи лет назад. А вот имени и лица человека, который с ним, профессором, разделил смерть и затем десятки лет делил могилу, он не мог вспомнить.

И опять удивительная деталь: профессор остался как будто жив, а его спутник погиб, хотя они находились оба, повидимому, в одинаковых условиях в момент смерти. А, может быть, эти условия были и не совсем одинаковы?

Часы подводных жителей

— Пусть меня унесут черти, если это не самое идеальное напластование в земной коре, какое я когда-либо видел, — бормотал с нескрываемым удовольствием профессор Мартынов.

В сопровождении Чона он медленно поднимался по узкой лесенке, стоявшей в наклонном положении под углом в 45°. Около лесенки в горизонтальной плоскости под толстым, очевидно, но идеально прозрачным стеклом виднелся ряд бесконечных, казалось, слоев. Слои чередовались с изумительной правильностью. Начиная снизу, сначала виднелся песчаный слой в полметра мощностью, который прикрывался слоем тонко отмученной глины, затем шел белый слой известняка, и вновь начинался ряд: песок, глина и известняк.

Опытный глаз профессора подметил, что при поднятии вверх глинистые слои делались все тоньше, наоборот, каждый последующий песчанистый слой был немного толще предыдущего. Это увеличение мощности всякий раз не превышало, может быть, одного сантиметра, но уже десятый песчанистый слой был заметно толще первого, самого нижнего.

— Так вот какие у вас часы! — воскликнул профессор, не скрывая своего восторга. — Идеальные часы! Чудесные часы для измерения вечности!

— Да, таким путем мы измеряем время.

— Ах, вот время-то, доступное охвату человеческой мысли, вы вряд ли можете измерить. Эти часы годятся для измерения длительных промежутков времени, но, например, для измерения жизни отдельного гоми, пожалуй, не подходят. Ведь жизни десятка поколений гоми, пожалуй, недостаточно, чтобы наблюдать начало и конец формирования одного какого-нибудь пласта.

— Ты прав, Токи. Мы и наши бесчисленные поколения предков живем на горе За в течение тридцати слоев. Но для измерения отдельной жизни гоми их можно не употреблять: для этого у нас есть наибольшие давления. Однако, взглядишь хорошенько в края стекла, прикрывающего слои.

— Странно: тут, как на термометре, написаны деления. Я, пожалуй, догадываюсь, для чего это сделано.

— Я не знаю, о каком таком термометре говорит Токи, у гоми такой вещи нет, но здесь каждое такое деление соответствует определенному промежутку времени. Деления над песчаным слоем в четыре с половиной раза шире, чем над известковым слоем, и в шесть без малого шире, чем у слоев глины,

— Понимаю: образование песчаного слоя идет быстрее, чем известняка, а образование известняка — быстрее образования глинистого слоя.

— Совершенно верно, и вот эти-то деления насчитываются несколько раз в течение жизни одного гоми.

— Любопытно, сколько же делений в среднем можно нанести от момента рождения до смерти гоми?

— В среднем семь — восемь делений.

— Ого! Голова кружится от такого количества поколений, которые жили здесь. По меньшей мере их были тысячи. Но все-таки эти деления для меня — звук пустой, ибо я все же не знаю средней продолжительности жизни гоми. А каким количеством наибольших давлений измеряется продолжительность жизни одного гоми?

— 700—800 давлений.

— То-есть, считая по двадцать четыре давления в год, это составляет 30—40 лет. Век, меньше лошадиного.

Вновь старик не понял профессора: он не знал, что такое лошадь, и профессор добился только того, что Чон стал считать лошадь за нечто, похожее на него самого. Он почему-то вышел немного из своего обычно невозмутимого спокойствия и с сомнением качал головой.

— Наши дети рассказывают подобные небылицы, но вообще мы не помним подобных существ. За всю мою жизнь я вижу впервые существо, не похожее

ни на одного гоми, и это существо — ты. В долинах, намного слоев ниже нас, живут низшие существа, которые умеют передвигаться, но лишены дара слова. Их осталось немного, и они идут нам в пишу. Когда-то их было много, они встречались на каждом шагу и в наших высотах, но теперь их мало, очень мало: исчезли.

— Мне все еще надо привыкать к языку гоми. Повидимому, вы и время, и пространство измеряете слоями. Неужели вы ничего не слышали про километры?

Чон отрицательно покачал головой.

— Ну, а сколько этих слоев до ближайшей долины? — продолжал профессор.

— О, мы этого не считали. До ближайшей — половина наибольшего давления, а там много, много слоев вниз.

— Ага! Вы, повидимому, слоями измеряете только вертикальные расстояния, а горизонтальные — давлениями. Пожалуй, так вернее. Но меня интересует одна мысль, которая пусть не покажется гоми обидной. Я очень часто от тебя и других слышу выражение «много», словно гоми неизвестен счет.

И профессор очень скоро выяснил, что Чон, действительно, счет знал плохо и почти совсем не знал математики.

— Зачем нам? — наивно спросил Чон. — У нас есть давления и слои, но к чему подсчитывать их? Мы не можем изменить течения и частоты наиболь-

ших давлений, так же, как и рост слоев. Что бы дало нам уметь подсчитывать их и вообще счисление?

— Странно, — бормотал профессор. — Смотришь на них и удивляешься: не то это — дикари, не то даже я перед ними — ценнок. То они знают неизменно много, то не представляют себе величины больше тысячи и говорят просто: «много». То они управляют сложнейшими машинами, извлекают откуда-то невидимую и непонятную энергию, которая их кормит, согревает, то они не знают, что такое солнце и лошадь. Нет, повидимому, я раньше помру, чем что-либо узнаю здесь про себя и про гоми.

Так думая и задавая время от времени вопросы Чону, поднялся профессор на самый верх. Всмотревшись внимательно, профессор воочию убедился в процессе формирования последнего песчаного слоя. Известковый слой давно уже, вероятно, образовался, и на него оседал теперь песок; это был последний, еще незаконченный слой, над ним было свободное водное пространство.

Профессор стоял в благоговейном молчании. Он видел, как совершалась великая тайна природы — момент ее творчества, и молчал, словно боясь нарушить ход геологического процесса. Профессор не видел, чтобы падал песок, вероятно, этому мешала мощность стекла, но белые ракушки время от времени поблескивали и тихо опускались на дно, смешиваясь с песком. Над этим слоем песка вверх свободно торчал конец стекла, которым прикрывались слои.

— А что, Чон, ты не заметил никакой особенности в верхнем песчаном слое? — на всякий случай спросил Мартынов.

— Он как будто толще всех других песчаных слоев в этом ряду.

— Совершенно верно, но это не главное. Главное то, что песок в этом последнем слое грубый. Это значит, что берег моря стал ближе, чем много веков назад.

Чон ничего не возразил на это, словно бы это его совершенно не касалось.

— Странный человек он, — подумал опять профессор. — То ли он ничего не знает, то ли притворяется, что не знает. А, ну-ка, пощупаем его насчет геологии. А что, не знает ли Чон, почему имеет место такое странное чередование слоев в ваших часах: песок, глина и известняк? — вслух спросил он.

Старик ответил односложным и равнодушным «нет» и, переступая дрожащими хилыми ногами, стал спускаться вниз.

Повидимому, ему, профессору, придется сделать еще более разительные открытия в этом бесподобном мире. Но теперь он не мог отделаться от охватившего его презрения к гоми: эти рыбы-люди настолько неразвиты, что даже не знают, как решается квадратное уравнение. Существо, как бы высоко оно ни стояло во всех других отношениях, было существом низшего порядка, по мнению профессора, если оно не умело манипулировать с интегральными величинами.

нами, а тем более, если оно не знало азбуки математики.

Как же в таком случае гоми делают свои вычисления при гидроэлектрических сооружениях, при расчетах мостов, домов, судов, при установке всевозможных турбин и т. д.? Оказалось очень просто: ничего этого у гоми нет. Разве Токи видел где-нибудь подобные сооружения? Ничего такого странного, о чем он говорит, у гоми нет, в этом Чон может его уверить.

— Гоми делают себе пищу, одежду, — добавил Чон, — починяют и смазывают машины, делают лицевые аппараты, необходимые для плавания в воде, вот и все. Все необходимое дают им недра земли, и незачем делать им какие-то странные вещи, о которых ты говоришь.

Это был, повидимому, ленивый народ, живший только настоящим.

Весь свой досуг гоми использовывали для любовных утех, казавшихся профессору омерзительными из-за их холодности и частой повторяемости. Гоми, не «ходивших наверх», старше пятнадцати лет не было.

Только изредка случалось, что в надводный мир посылались небольшие экспедиции, которые обычно возвращались с запасами пищи и странной, казалось, древесной массы, шедшей на выделку аппаратов для лица. Принцип устройства этих аппаратов, как заметил профессор, был тот же, что и у рыбьих жабер.

Профессору казалось странным, почему гоми до сих пор не наладили правильного товарообмена с надводными жителями.

— Стоит только гоми заняться продуктивным трудом, — говорил он Чону, — и у них будет избыток изделий, тогда вы могли бы этот избыток променять.

— Нет, «разрушители машин» не желают с нами мира. Им ничего не нужно от нас, а нам — от них. Они закрыли все входы, лишили гоми светлых праздников. Наши предки заповедали нам остерегаться «разрушителей». Это — безжалостные существа.

— Однако же, гоми все-таки совершают экспедиции туда, во враждебную страну?

— Это не имеет значения.

— А как вы все-таки выходите на поверхность, раз все выходы закрыты?

— У нас есть машина, которая может подниматься и опускаться в воде...

— Ага, понимаю: субмарина.

— Кроме того, гоми сами могут хорошо «ходить» в воде, им не надо машины.

— Это — сброд странных дикарей, — бормотал Мартынов, — и вместе с тем гоми управляют сложными машинами, делают изумительную, хотя и сильно воющую химическую пищу и не менее изумительное едеание. То ли они не дошли до того, что знаю я, то ли они утратили многое, удержав у себя минимальные познания, которые им необходимы.

Они словно подавлены, им чуждо стремление к лучшему... Удивительные вещи придется мне поведать людям!

И профессор впервые за все время пребывания здесь ощутил ясное желание оставить гоми и перебраться к людям, — к настоящим людям, к солнцу и небу, память о которых жила в его мозгу.

Зеленый дворец в опасности

Последующие события произошли с головокружительной быстротой.

Неизвестно, кто первый из гоми заметил несчастье, — может быть, многие одновременно, а, может быть, никто. Во всяком случае еще задолго до суматохи профессор проснулся от ощущения холода на лице, руках и ногах, то есть, именно на тех частях тела, которые не прикрыты удивительной одеждой гоми.

Ощущение холода показалась профессору страшным явлением, ибо никогда этого раньше он не испытывал здесь. Раздумывая над этим, он нажал рычажок с намерением получить свой завтрак, но, к его изумлению, за нажатием рычажка ничего не последовало: стена оказалась наглухо закрытой. Он попробовал ряд других рычагов на стене, но все безрезультатно: электрическая энергия, которая до сих пор действовала здесь бесперебойно, отказывалась служить теперь.

Единственное, что еще профессор мог делать по своему усмотрению, это — регулировать освещение. Ни один из многочисленных других рычагов не соглашался служить больше.

— Странная забастовка, — подумал профессор не без тревоги.

Ему чудилась за этим чья-то таинственная злая воля.

Вдруг мимо него пробежало несколько десятков гоми. Они очень неуклюже болтались на своих хилых ножонках и нелепо «загребали» руками, как это они обычно делали в воде во время плавания. Профессор успел прочесть на лицах многих из них тревогу и даже страх — чувства, которые, казалось, совершенно были несвойственны ни одному из обитателей Зеленого дворца.

Вслед затем по тому же направлению, производя глухой шум, поспешно толпами и в одиночку прошли многие другие гоми, по меньшей мере тысячи, и опять-таки на лицах многих из них ясно читалась тревога.

Профессор тоже пошел вслед за ними и через несколько минут очутился в знакомом шестиугольном зале, теперь переполненном встревоженными гоми. Только теперь увидел профессор, что вверху вдоль стен зала шли бесконечные галереи, которые терялись у сводчатого потолка. Галереи были сплошь заполнены толпами гоми так же, как и все места внизу.

Никогда еще профессор не видел одновременно такого скопления людей здесь. Тут были люди всех возрастов и полов, но тем не менее не слышно было ни говора, ни шума от множества ног и стульев, ни детского крика: все было молчаливо и сосредоточенно.

На возвышении за длинным столом заседал «совет шести». Это была законодательная и исполнительная власть в Зеленом дворце. Постановления «совета шести» были обязательны к исполнению всеми обитателями Зеленого дворца. Нежелавших подчиниться этим решениям и вообще неуживчивых подвергали изгнанию, давали ему недельный запас пищи, оружие и вышвыривали из дворца навсегда.

Но к таким мерам приходилось прибегать редко, ибо гоми легко, без усилий подчинялись законам, которыми управлялась жизнь в Зеленом дворце. К тому же эти законы почти не менялись в течение длинного ряда веков и были весьма просты.

«Совет шести» вел учет запасов пищи, предметов одеяния, смотрел за состоянием жилища, машин, мастерских, а глава его, Чон, был еще к тому же врач и ученый; по крайней мере он, по мнению профессора, знал больше других. Только выдающиеся события заставляли «совет шести» собираться на заседание, обычно же два члена или даже один решали все текущие дела. Видел, например, кто-нибудь один из них, что иссякает запас сырья для выделки материй, — он тотчас давал распоряжение, и отряд гоми уходил за сырьем. Все распоряжения были словес-

ные, и никто из членов «совета шести» не злоупотреблял своей властью. Только некоторые основные законы были записаны на одной стене зала, но едва ли каждый десятый гоми умел прочитать их.

Между тем Чон сердито допрашивал одного маленького человечка, который смешно раскачивался слева направо и давал односложные ответы.

— Ты знаешь, что нам всем грозит смерть от голода здесь или при переселении в другое племя?

— Знаю.

— Так почему же ты пренебрег своими обязанностями?

— Так случилось.

Этот раскачивающийся человечек не проявлял ни тревоги, ни раскаяния — он был спокоен не в пример многим другим.

В конце концов профессор понял, что составляло вину этого гоми. На его обязанности лежало смотреть за головной башней, — одной из тех, что профессор видел вскоре же после того, как проснулся от своего странного сна. Всех башен было пять, из них четыре проводили в Зеленый дворец свежий воздух и выводили испорченный, а пятая доставляла энергию извне, которой двигались машины и вообще выполнялась всякая механическая работа, изготовлялась пища, одежда, ремонтировались части машин и приборов, вырабатывалось необходимое тепло и т. д.

И теперь эта главная башня не работала: она была залита водой. Старший смотритель, техник, не

досмотрел повреждения, а когда он обнаружил его, башня на треть уже была полна водой. Исправить это все еще можно было, потому что дыра была высоко над водой в башне, но техник не сумел справиться с этим.

— Что же ты не сказал другому, кто сумел бы это сделать?

— Так случилось.

Этот частый тупой ответ псевдо-техника «так случилось» из себя выводил профессора, ему казалось невероятным, чтобы мыслящее существо могло относиться так равнодушно к катастрофе, по его вине постигшей тысячи гоми. Но это было так.

И даже больше: профессор заметил, что в зале немало было таких, которые относились с удивительным равнодушием к происходившему. А между тем не могли же они не знать, что означало бездействие главной башни для всех гоми, населяющих Зеленый дворец.

Что за странные тупые существа!

Профессор внимательно осмотрел собравшихся в зале, и его впервые осенила мысль:

— Погибшие, обреченные существа! Не сейчас, нет, а давно, еще за тысячи поколений до этого они были обречены на вымирание. К чему было тысячелетнее приспособление, к чему усилили многих поколений! И лица у этих тварей тупые, неодоухотворенные. Где у них творчество? В каждом человеческом существе заложена частица гениальности, пытаясь к лучшему, а тут что? Погибшие, обреченные!

Гоми говорят, издают восклицания, расспрашивают тупоголового смотрителя, но ничего не предпринимают, как будто не знают, что делать. Никто из членов «совета шести» не сделал дельного предложения, даже Чон, несомненно умнейший среди гоми.

— У нас есть запасные жилища, — сказал Чон, — расположенные в более высоких горизонтах. Но только в одном из них действует силовая башня. Кроме того то «племя» слишком тесно для нас. Однако же, ничего не остается, как перебраться туда. Что касается тебя, — обратился Чон к виновнику, — то приготовься оставить гоми. Дайте ему все необходимое и пусть он уходит.

— Это все-таки справедливо, — подумал профессор. — Поистине это — вреднейший член общества.

Но этот гоми принял приговор из уст Чона довольно равнодушно, и ничто не выдало его волнения или огорчения. Он прошел на своих хилых ножках мимо профессора, бесстрастно смотря себе под ноги и никого не замечая.

Затем в гробовом молчании прошла церемония изгнания. Виновному гоми дали новый «намордник», оружие — желтую палочку, которую профессор не раз видел, но силы действия которой еще не подозревал, и затем десять человек во главе с одним членом из «совета шести» повели несчастного к выходу. У него была семья: жена и двое ребят. Проходя мимо, он бросил на них равнодушный взгляд, получив взамен такой же. Только мальчик лет шести

попытался было бежать вслед за отцом, но затем, точно устыдившись своего поступка, затерялся в толпу. Группа в одиннадцать человек скрылась в конце одного из зал.

Между тем заседание «совета шести» продолжалось. Но тут произошло событие, перевернувшее все вверх дном.

Неожиданно гоми пришли в движение, послышались восклицания, и вслед затем профессор увидел, что пол одного «проспекта» покрыт водой. Неужели под напором воды лопнула «машинная» башня? Тогда всем грозит неминуемая гибель!

Несколько минут достаточно было, чтобы убедиться в справедливости этого предположения: на башне, на высоте метра над полом шла косая трещина в сантиметр шириной, через которую вливалась вода.

Теперь даже гоми поняли, как следует, грозившую им опасность и беспорядочно заметались по дворцу с возгласами: «Гуах! Гуах!»

— Ага! — не без злорадства сообразил профессор. — Инстинкт жизни даже у гоми сильнее их рыбьих нравов. Все же это нечто человеческое, знакомое.

Затем он все свое внимание сосредоточил на трещине. Заклепать, забить ее! Но где соответствующие инструменты? И как они, эти инструменты, называются на их чортовом языке? Тут был необходим молоток, лист железа. Но никто не понимал профессора, ибо в Зеленом дворце не было железа: оно

давно стало заменяться здесь идеальной прочности сплавом.

Впрочем, Мартынов узнал об этом после.

В руках профессора очутился довольно увесистый аппарат.

— Это аппарат для паяния, — объяснили ему.

Не сообразив, профессор очень обрадовался, но тут же наступило разочарование: а где взять высокую температуру? И тут же слышится шум, треск, аппарат отчаянно колотится о стенку башни... Гоми молча смотрели на профессора. Чего это он в самом деле? Зачем понадобилось ломать аппарат этому странному существу? Профессор вдруг быстро пришел в себя и, устыдясь своей вспыльчивости, отбросил испорченный аппарат.

Не странно ли, что на стене башни, где профессор только что с остервенением лупил аппаратом, нет ни одного изъема, ни одной царапины? Материал, следовательно, из которого вылиты стены башни, отличается неслыханной твердостью. Иначе чем объяснить подобное обстоятельство? Очень может быть, что нет такой температуры, при которой этот изумительный сплав мог бы плавиться. Тогда напрасны все его усилия.

Меж тем вода попрежнему понемногу прибывала: уже около силовой башни ступни ног прятались в воде, и в зале слышалось шлепанье по воде многочисленных босых ног. Профессору показалось, что гоми как будто успокоились. По крайней мере пре-

кратились беготня и странные гортанные возгласы, которые перед этим наполняли весь дворец.

Мартынов задумался. Неожиданно на губы ему упало несколько капель воды, которая была из трещины тонкой, но широкой струей. Он слизал воду.

— Чорт возьми! — не удержался он от возгласа удивления. — Соленая! Соленая вода! Настоящая противная морская вода! Впрочем, что же тут удивительного? Я и раньше был убежден, что Зеленый дворец под водой, в море.

Он несколько раз повторил слово «соленая», а затем...

...Дальнейшие его действия были тверды и методичны. Он перестал изумляться и спрашивать, ибо вспомнил старую истину: не вопрошай, а действуй.

Это было очень трудно, но ему удалось в громадной комнате, бывшей чем-то в роде музея древностей или редкостей, разыскать совсем маленькую динамо, несколько десятков метров старых-престарых проводов, прочный асбестовый ремень.

В вентиляционных башнях вращались гигантские вентиляторы. Несомненно, умный человек был строителем этого изумительного дворца под водой! Он предусмотрительно вентиляционную систему отделил от «машинной» башни, и даже каждая из четырех башен, приспособленных для вентиляции, являла собой отдельную систему: если бы испортилась почему-либо одна башня, то остальные не перестали бы действовать от этого.

Профессор с помощью десятка гоми, весьма вяло ему помогавших, приладил к гигантскому вентилятору одной из башен динамо, провел провод к месту разрыва, откуда била вода, и стал ждать. Через десять минут пошел легкий пар, башня стала накаляться! Значит, она была изолирована!!!

— Она сама себя закупорит, — бормотал профессор, — сама себя: ведь вода соленая. Вода будет испаряться, а соль осядет.

Пар повалил клубами. Гоми с явным недоумением смотрели на это явление. Чем казался им профессор?

Вода стала горячей, она обжигала руки профессора, державшего раздвоенный провод у щели. Надо придумать, чтобы провод сам держался у стенки башни.

Принесли несколько тяжелых предметов. Готово! Ах, чорт! Зачем этот тщедушный гоми возится там у щели? Он, повидимому, не знает, что такое электричество. Профессор издает предостерегающий возглас, но очевидно поздно: гоми вдруг скорчился и шлепнулся в воду.

Его подхватили. Он был черный и казался еще меньше, чем был на самом деле. Гоми был убит током. Значит, напряжение очень высокое. Надо объяснить этим рыбам, чтобы они были осторожны и не трогали ни проводов, ни динамо.

Пар висел в воздухе густой пеленой. Динамо работала с перебойми: очевидно, была какая-то неисправность. Но башня все же нагревалась. Профес-

сop шагaл от динамо к «мaлпинной» башне, а зa ним вceгдa шлo oкoлo дecяткa гoми, бoязливo нa нeгo пocмaтpивaвшиx.

Вoдa в зaлe былo пoчти пo кoлeнo.

Нo вдpуг пpoфeссop cтaл зaмeчaть, чтo бившaя cтpуйa вoдa из ширoкoй рaзбилacь нa тpи мaленькиx cтpуйки, из кoтopых oднa вcкope coвceм пpeкpaтилacь.

— Кpичитe уpa! — зaopaл пpoфeссop. — Тeпepь вaшe «плeмя» cпaceнo.

Нo гoми тoлькo oтcтупили шaг нaзaд и ничeгo нe вoзpaзили.

— Ну, и чopт вac пoдepи! — выpугaлcя пpoфeccop и нaчaл вoзитьcя у щeли.

Емy вce xoтeлocь уcкoрить пpoцeсс oceдaния coли, a для этoгo нaдo былo пpикpыть тpeщину, oстaвив oтвepcтиe для пapa и вoдa. Этo удaлocь eму пocлe вecьмa дoлгих уcилий и вoзни.

— Дoвoльнo, — пpoгoвopил пpoфeссop. — Тeпepь я xoчy eсть. Эx, xopoшo бы тeпepь куpицу c pиcoм, тaкую пoджapеную, румяную! A, впpочeм, чтo тaкoe куpицa и чтo oнa coбoй пpeдcтaвляeт? Ничeгo я этoгo нe знaю, a тeм бoлee нe знaют этoгo эти лyди-pыбa. Дaвaйтe cюдa вaши «мeлки».

Нeoбxoдимo здeсь зaмeтить, чтo Мapтынов дaвнo ужe химичecкую пищy гoми в видe пaлoчeк звaл «мeлкaми», тaк кaк и пo фopмe и пo цвeтy эти пaлoчки пoxoдили нa извecтныe учeничecкиe мeлки.

Он двинулся в глaвный зaл. Тaм eмy пoпaлcя Чoн.

— Нa югo-вocтoк oтcюдa eсть мaлoнaceлeннaя гopa c двyмя «плeмeнaми», — cкaзaл Чoн. — Пpи нaимeньшeм дaвлeнии мы вce oтпpaвимcя тyдa.

Пpoфeссop удивлeннo ycтaвилcя нa Чoнa.

— Дa, пpoдoлжaл cтapик, — здeсь pиcкoвaннo oстaвaтьcя дaльшe: вoдa пpoниклa ужe вo вce yгoлки жилищa.

— Дa вeдь cкopo вoдa coвceм пepecтaнeт тeчь! — вocкликнул пpoфeссop. — Зaчeм жe пepeceлeниe?

Чoн oтpицaтeльнo пoкaчaл гoлoвoй.

— Дaжe, eсли бы и тaк. A пoтoм чтo?

— Пoтoм мы пpoникнeм в бaшню и зaдeлaeм дыpy, выкaчaeм вoдy, мaшины cтaнут дeйcтвoвaть...

— Гoми нe вepят в этo и peшили пepeceлитьcя.

— Пepeceляйтeсь, a я здeсь oстaлyсь.

— Нeльзя. Тoки дoлжeн cлeдoвaть зa гoми.

Тoн Чoнa был cпoкoeн и твepд. Мapтынов ycтaвилcя нa нeгo.

— A eсли я нe жeлaю?

— Гoми нe мoгyт жить бeз Тoки, и ты дoлжeн cлeдoвaть зa ними.

— Нo я cвoбoдный чeлoвeк, чopт вoзьми! Нe пoйдy!

— Тoки пoйдeт!

И Чoн cпoкoйнo ушeл.

— Чopт вoзьми! Вoт этo зaдaчa! Впpочeм, я дaвнo был yбeждeн, чтo я нe бoлee, кaк плeнник этих пepпoнчaтыx твapeй. Ну, нeт, этo мы eщe пocмoтpим. Впpочeм, чтo этo oн cкaзaл? «Гoми нe мoгyт жить бeз Тoки»... Чтo oн xoтeл cкaзaть этим?

Профессор прошел к водяному термометру. Вода в левом колене поднималась, следовательно, началось «наибольшее» давление. Когда началось? Повидимому, судя по отметкам, дней десять назад. Через пять дней будет максимум давления, да дней семь-восемь придется ожидать минимума давления. О! Этого ему достаточно, чтобы освободить башню от воды! Через двенадцать дней он им покажет себя!

Нет, он, профессор, положительно выше этих рыбо-людей. Гоми — это какой-то странный, недоразвитый тип человеческой расы, может быть, они даже совсем отдаленное отношение имеют к человеческой породе? Кто знает! Во всяком случае они лишены волевых импульсов, у них нет, повидимому, целевых стремлений. Инстинкт жизни и тот развит слабо. Положительно надо показать им превосходство человеческого существа, одаренного наивысшим качеством — волей!

Да, при условии, конечно, если ему удастся его идея: закупорить трещину солью, если его динамо будет работать. В противном случае его куда-то поведут. Куда-то на юго-восток... Куда это, впрочем, загнала его судьба? Нет, с ним творится что-то изумительное! Сперва странный сон, затем странное пробуждение, Зеленый дворец... Когда-то он уснул или погиб в пещере от газа, а теперь принужден переживать странные события.

Где он, этот несчастный, убитый током? Посмотреть, что ли, на него?

Профессор вздохнул и с затуманенным сознанием отправился разыскивать труп убитого гоми. В го-лове все время неотступно вертелась мысль:

— Для чего мне эта сгоревшая рыба?

Одновременно с возвращением к Мартынову ясности мышления его часто посещали странные видения прошлого, при этом сознание его теряло свою отчетливость, окружавшая его обстановка расплывалась, мысль делалась туманной, непоследовательной. Повидимому, эти приступы были довольно продолжительны, и всегда после них он чувствовал сильную усталость, ослабление пульса, испытывал потребность в немедленном сне.

Это была несомненно болезнь, — таково было убеждение профессора, но он тем не менее всегда с удовольствием впадал в это странное состояние, в этот «транс» по выражению его самого: уж очень большое наслаждение доставляли ему эти видения! Правда, пробуждение от этого «транса» было всегда тяжелым, неприятным, настроение у него было в этих случаях подавленное, но до чего были оригинальны картины, которые рисовались его воображению во время подобного странного состояния!

В такие периоды полужизни, полусна Мартынов точно раздваивался: в то время, как его «подсознательное я» витало в оригинальном мире с яркими красками, голубым небом, с животными, лесами и т. д., он продолжал делать свое обычное дело в Зеленом дворце, то-есть, работал, ходил по мастерским, беседовал с гоми, заглядывал во все самые укромные

уголки дворца и всегда при этом отыскивал что-нибудь новое, ранее им невиданное здесь.

Полусознательное состояние наступало для него всегда после усиленной мозговой работы, после волнений и нервных напряжений.

Так было и на этот раз.

Бродя по залам, он во втором ярусе наткнулся на Чона. Что это он говорит ему? Странно, что теперь профессору надо делать большие усилия, чтобы уловить смысл слов, сказанных Чоном. Как, однако, не похожа речь Чона на то море звуков и слов, которые наполняют профессора в это время! Да, Чон что-то бормочет, как будто выражает свое крайнее изумление. С таким же изумлением смотрит он на профессора.

Чон заботливо переворачивает убитого током гоми, внимательно осматривает его. Наконец, профессор догадывается, что хочет сказать Чон: он удивляется, что нервная ткань разрушена совершенно. Не объяснит ли Токи ему, что это за силу провел он к башне? Да, конечно, он объяснит с удовольствием. От динамо получилась электрическая энергия, которая разрушает органическую ткань. Понимает ли теперь Чон? И этот гоми погиб теперь навсегда от этого тока, и напрасно Чон старается: ему не воскресить убитого, ибо важнейшая для жизни ткань — нервная — разрушена, сгорела. А зачем тут лежат другие гоми? Ах, мертвые, но еще неразложившиеся трупы... Значит, он попал в мертвецкую?.. Да, не удивительно, что вот там, на суше, лю-

ди после смерти почти тотчас начинают гнить. Ему помнится, что Чон что-то говорил по этому поводу, но он забыл. Не поедет ли Чон к нему? У него есть дом в Москве, лаборатория, университет. К чорту Зеленый дворец! Он им не нужен, не правда ли? Чон не понимает, о чем Токи говорит? Странно, он, кажется, говорит ясно. Там они не будут ходить — к их услугам будет аэроплан. Такая, знаешь ли, машина, что мчится в воздухе. Ну, да, по воздуху. Чон не верит? А вот посмотри. Только... Да, только он должен сделать что-то здесь, а потом можно будет подняться отсюда. У него есть еще обязанность, долг... Ну, да, необходимо остановить воду. Ну, прощай, Чон!

Совершенно верно: как он и полагал, теперь осталась одна маленькая струя, и вода почти не прибывает. Ура! Теперь он очень доволен: надо полагать, дворец будет спасен! Вот, что значит человек с сильной волей!

Дальнейшее совершилось, как в тумане.

Однажды он испытал сильную радость: вода совсем перестала течь через трещину. Затем он видит себя в круглой башне, заполненной сложными машинами, приборами, проводами и водой. Он карабкается и возится у отверстия. Отверстие громадно! Надо его забить. Он сует туда разный металлический хлам. вновь прилаживает динамо... Масса спаивается...

Вот он наверху башни. Перед ним раскинулись всевозможные сооружения. В просветах между ними он видел то, что теперь переживал в своих грезах:

темную даль моря, темное небо, усеянное звездами. Ну, да, так оно и должно быть: ведь все это он видел много раз... Но прежде всего надо выкачать воду. Что, гоми разве уже теперь сами могут? Что ж, очень хорошо! Он чортovski устал от всего этого! Ему следует отдохнуть. К чорту этот собачий намордник! Он будет спать на этой лестнице и дышать свежим морским воздухом. Но гоми настойчиво тянут его вниз, вновь наряжают его в «намордник». Профессор не сопротивляется. Ну, пусть качают воду сами, чорт с ними! Только бы они действовали так, как он им указал.

Во дворце уже не было воды. Куда она девалась? Если ее выкачали, то какими силами?

А, милый Чон, здравствуй! Ты хочешь что-то показать Токи? Что ж, показывай. Что это за сооружение? Лодка! С иллюминаторами, узкая, гладкая лодка... Ну, несомненно это—субмарина, только уж очень велика. А какой в ней двигатель? Нет, профессор этого не понимает, таких двигателей у них на суше нет. А почему Чон ничего не сказал про этот двигатель? Может быть, он дал бы высокую температуру.

—Нет, — говорит Чон, — сплав, из которого построены наружные стены дворца и башен, пуждается в температуре в тысячу градусов, чтобы быть расплавленным. Каждый квадратный сантиметр (Чон выразился иначе, но профессор догадался, что речь идет о величине, равной квадратному сантиметру), — каждый квадратный сантиметр этого сплава легко

выдерживает давление столба воды над ним, равно по длине нашему дворцу.

— То есть свыше двух километров, — соображил профессор, — ибо дворец имеет в длину не меньше двух километров.

— Эта субмарина, как ты ее называешь, повезет слабых и детей, продовольствие и машины с горы За, если не удастся привести машины в действие. Остальные гоми последуют около.

— Надеюсь, Чон, что этого не понадобится теперь.

И опять профессор ушел. Он ощущал холод, но еще сильнее была усталость.

Он не помнил, где и как он заснул.

Неудачная попытка

Профессор сидел и раздумывал над тем впечатлением, которое у него осталось от пребывания наверху головной башни. Он слабо представлял себе поверхность моря, усеянное звездами небо, но у него крепко засела в голове мысль:

— Гоми ни в коем случае не могли быть творцами этих грандиозных сооружений.

Профессор и теперь еще видел перед собой грандиозные платформы, подобно волнам, вздымающиеся ритмично на поверхности моря, какие-то провода и гигантские цепи, чудовищные трубы, сложные вышки, напоминавшие ветряные двигатели, рычаги, винты, многочисленные остроконечные мачты и т. д.

Все это мерно и послушно двигалось, шумело, дрожало и в общем производило впечатление сложного и могучего сооружения.

Не может быть, чтобы рахитичные, без проблеска гениальности рыбы-люди могли создать что-нибудь подобное! А вместе с тем не люди же на земле, не его же сородичи строили все это! Если бы это было так, то невозможно, чтобы он, профессор, не знал или даже не слышал об этом. Не может быть! Разговоры в печати или в обществе об этом были бы. Даже если он и очень долго был без сознания, то и за это время не успели бы люди настроить столько чудесных дворцов: ведь Чон уверяет, что их много. А геологические часы? Гоми, по всей вероятности, живут в этом дворце тысячелетия... Нет, ему, должно быть, не выбраться из этого лабиринта сомнений! В самом деле, ведь даже и сотню лет назад не умели возводить подобных сооружений не только под водой, но и на поверхности земли, а тут, повидимому, прошли тысячелетия с тех пор, как впервые возник этот дворец.

Но не гоми же виной всему этому! Ведь это — дети. С каким страхом смотрят они на него теперь после того, как ему удалось подвинуть их на подвиг их собственного спасения!

Машины заработали, башня вновь задрожала от их сотрясения, вновь действовали все рычаги...

Дворец был спасен!

Гоми, должно быть, помнили об этом! Помнили также и о том, кому они были обязаны этим.

При встрече с профессором они почтительно давали ему дорогу и даже как будто склонялись перед ним.

— Чорт возьми!—восклидал часто профессор.— Они принимают меня за важного барина. Это интересно.

Профессор уже больше не ходил на лицевую фабрику и был предоставлен самому себе.

Даже Чон, и тот стал почтительнее с ним.

— Скажи, Чон, чем объясняется эта странная перемена отношений ко мне всех гоми? — спросил как-то профессор.

— Токи не похож на гоми, он не родился здесь, происхождение его для всех непонятно, даже для меня... Он сильный — заставил машины действовать, спас «племя»... Умеет из ничего создавать силу, которая превращает воду в пар, плавит металлы и даже может внезапно пресечь жизнь.

Профессор рассмеялся.

— Ты, Чон, умнейший среди гоми. Неужели ты никогда не слыхал об электричестве? Разве ты не знаешь, чем двигаются у вас машины?

— Нет, я ничего такого не знаю.

— Чему же вас учат в школах таким образом?

Чон опять не понял профессора. После длинных объяснений Чон возразил:

— Школы... Таких вещей у нас нет, и я не понимаю, что это такое. Но каждый гоми что-нибудь знает. Когда гоми достаточно подрастет, он сам по своему выбору изучает то, что ему хочется: изгото-

влять пищу, одежду, смотреть и управлять машинами, приборами. Он сам выбирает себе соответствующего учителя, и тот охотно посвящает его во все, что знает сам.

— Если вам неизвестно электричество, то какая же сила по-вашему заставляет двигаться ваши машины?

Чон стал старательно и толково объяснять, но девять десятых из того, что профессор слышал, было для него непонятно. У профессора осталось такое впечатление, что вряд ли сам Чон много знал о том, о чем рассказывал.

— По крайней мере объясни мне, — сказал профессор, — почему свет не потух во время катастрофы?

— У потолка между стеклами пустое пространство, и там заложен источник света, не связанный ни с чем.

Понятно, Чон не мог объяснить, что это за источник света.

Ну, конечно, так оно и есть! Как профессор и предполагал, гоми были похожи на рабочих, приставленных к сложным машинам: они умели ими управлять, могли сделать несложную починку, но чертежа машины они не могли сделать, а следовательно не могли собрать и целой машины — это знал только инженер.

Но инженера профессор так и не нашел среди гоми: откуда бы ему взяться, если у гоми не было ни школ, ни лабораторий?

— Итак, предо мной темный лабиринт сомнений, — медленно поднимаясь по какой-то слабо освещенной галлерее, думал профессор, — разрешение которых, может быть, никогда не последует. Рабочий, приставленный к сложной турбине, ничего не скажет мне о ее конструктивных деталях. Поскольку невероятно, чтобы надводные обитатели строили подводные дворцы для своих расовых врагов, ибо я не мог бы не знать об этом, надо предположить, что их строили сами же гоми. Но не нынешние поколения, а их отдаленнейшие предки. Следовательно, я случайно попал в вымирающий подводный мир, о котором люди совершенно не знали до сих пор. Но так как подобных дворцов много, то возможно, что в других дворцах есть университеты, лаборатории, профессора, инженеры, но тогда чем объяснить тупость и инертность перепопчатых гоми?... Нет, положительно природа и сейчас еще полна неразрешимых тайн!

Что это за бассейн? Самое странное сооружение, которое профессор когда-либо видел: длинный канал, который постепенно суживался вдаль и сводчатый потолок над ним чем дальше, тем спускался все ниже. В конце бассейна расстояние от его поверхности до потолка было не больше двух метров. Над водой было полукруглое отверстие, через которое вода бассейна сообщалась с каким-то другим водовместилищем. При ударе о стену последняя издавала звенящий звук. Значит, там над водой пустота, как и здесь. А не пробраться ли туда? Где он

сейчас находится? Он все время поднимался вверх, следовательно, бассейн этот находится в самых верхних частях дворца. Для какой цели служит бассейн? Ага! Позади слышатся возгласы. Сейчас он узнает это. Хорошо бы спрятаться: что подумают о нем гоми, когда увидят его одного в таком странном месте? Вот какая-то ниша. Авось сюда никто не заглянет.

Мимо прижавшегося в углу профессора с возгласами и шумным плеском проплыли десятка три гоми. Один за другим скрылись они в полукруглое отверстие. У всех на лице были маленькие аппараты для дыхания. Не в открытое ли море они поплыли? Иначе к чему бы им «намордники»? — сообразил профессор.

Мартынов быстро юркнул в отверстие вслед за гоми.

— Вот он, выход из Зеленого дворца! — прошептал профессор. — Ишь черти, все отмалчивались! Теперь я и сам знаю дорогу к выходу.

Как профессор и ожидал, за стеной оказался канал, но значительно шире первого, тоже с отверстием в противоположной стене, но вдвое меньшим, чем то, которое вело сюда. Профессор смело проплыл через это отверстие, которое вывело его в третий бассейн. Дальше, казалось, выхода не было; все стены были глухие.

— Но так как гоми проплыли сюда, — рассуждал профессор, отдуваясь и тяжело дыша, — а теперь их здесь нет, то ясно, что они куда-то вышли. Зна-

чит, должен быть выход. Все эти бассейны — своеобразный шлюз.

Там, где должно было быть, повидимому, отверстие, не ясно обозначался полукруг. Но ни нырянья профессора, ни отчаянные стуки не могли его обнаружить.

Профессор обратил внимание, что этот третий бассейн представляет собой трубу: подпрыгнув, он мог достать рукой потолок.

— Надо полагать, — подумал профессор, — что здесь не так глубоко, как в тех первых бассейнах.

Он остановился и сразу достал до дна. Поверхность дна была слегка шероховатая и правильно вогнутая, как у трубы. Отдых для профессора был кстати, ибо пловец он был плохой и теперь сильно устал.

Над входным отверстием сюда было какое-то сложное с трубами сооружение и только один большой рычаг. Профессор быстро сообразил: повидимому, этот рычаг может открыть ему выход, ибо три десятка гоми куда-то вышли отсюда. Но что же ждет его по выходе отсюда? Пловец он не важный, а вдруг до берега далеко? Кроме того, могут оказаться акулы, электрические скаты, а он между тем безоружный.

— А, впрочем... Эх, была, ни была! Когда еще представится подобный случай? Гоми же, повидимому, совсем не намерены со мной расстаться.

С этой мыслью профессор положил руку на рычаг, но тут же послышался плеск, и у ног профес-

бора один за другим выплыли из соседнего бассейна три гоми.

Почтительно, но решительно предложили они профессору последовать за ними во дворец.

— Но я хочу на волю! — кричал профессор. — Что я вам за пленник дался, чорт возьми!

— Мы не понимаем, о чем говорит Токи, но гоми желают, чтобы ты всегда был с ними.

— Наплевать мне на вас! Мне надоел ваш желтый свет и вы сами до отвращения. Довольно! Не желаю больше!

И профессор с решительным видом схватился за рычаг, но один из гоми предупредил его попытку: он схватил одну из труб и повернул ее на угол в сто восемьдесят градусов. Профессор не заметил этого маневра или не обратил на него внимания и с остервенением давил рычаг, но его усилия не повлекли за собой никакого видимого результата.

Трое гоми, спокойные и молчаливые, держались на воде и смотрели на профессора.

— Ах, чорт вас подери! — заорал профессор. — Вы мне откроете, если я захочу!

Он схватил ближайших двух гоми и швырнул их, но они перекувырнулись и опять лежали на взволнованной воде почтительно и спокойные.

— Они, должно быть, эти твари, следят за мной, — пробормотал профессор. — Ну, пойдем, что ли! — закричал он и решительно полез в отверстие, через которое только что приплыл сюда.

Неожиданный союзник

Уже давно занимал профессора вопрос о том, где живет Чон. Казалось, что Чон был везде, ибо профессор встречал его в самых разнообразных уголках дворца, но профессору казалось, что и у Чона, как у очень многих гоми, должна быть своя домашняя интимная обстановка.

Следуя по пятам за Чоном в течение довольно длинного времени, профессор вскоре после общего обеда попал в верхнем этаже в комнату. Эта комната была во много раз меньше шестиугольного зала внизу и напоминала собой гигантскую трубу, вернее, — цилиндр, прикрытый сверху куполом.

— Повидимому, эта комната находится как раз над залом внизу, — обратился профессор к Чону.

— Да, это самая верхняя часть «племени». Подойди-ка сюда, Токи. Ты что-нибудь понимаешь в этом?

— По-моему, это радиотелефон.

— Радиотелефон? Не знаю, не слышал такого... Только этот аппарат уже давно не работает.

— Так... Можно посмотреть. Я не физик, но кое-что соображаю в этом деле. Но где же тот гоми, который должен был смотреть за этим аппаратом?

— О! Он умер много поколений назад.

Профессор не мог не рассмеяться и затем добавил:

— Какой вы наивный народ! Неужели же среди сотен тысяч гоми не нашлось ни одного, кто бы посвятил себя этому делу?

— Никто не понимает этого.

— А школа для чего тогда?

— Я уже говорил, что школ у нас нет.

— Вот видишь, Чон, все горе в отсутствии школ.

Если бы вы учились, вы бы все знали.

— Мы и без школ знаем все, что нам надо знать. Только несчастная случайность унесла того гоми, который следил за этим аппаратом, а с ним и пять его учеников.

— А имей вы соответствующие познания, вы бы легко могли заменить их. Теперь же гоми даже забыли и название этого аппарата.

— Это было очень давно — много слоев назад. С тех пор мы не знаем, что делается в других «племенах».

— А! Значит, посредством этого аппарата Зеленый дворец сносился с другими населенными подводными пунктами?

— Совершенно верно. Каждое такое «племя», как наше, находится в связи по крайней мере с двумя соседними «племенами».

— Так что Зеленый дворец уже в течение столетий не знает, что делается в соседних подводных жилищах?

— Нет, не так давно, перед тем, как мне родиться, наша субмарина делала продолжительную экскурсию. Тогда-то и было обнаружено, что на се-

веро-восток отсюда есть свободное «племя»; гоми, населявшие его когда-то, выехали по неизвестным причинам. Впрочем, это жилище не было совсем соседним с нами: соседнее было залито.

Профессор задумался и затем начал осматривать аппарат. Он был в жалком состоянии: покрыт каким-то налетом, контакт во многих местах был нарушен, батареи, повидимому, были совершенно лишены зарядов. Не в лучшем состоянии были и лампочки. Достаточно было беглого взгляда на все это, чтобы убедиться, что разговора по этому аппарату вести совершенно нельзя, починка очень трудна или даже совсем невозможна. Конструкция аппарата была профессору совершенно незнакома.

Профессор высказал все это Чону. Тот безнадежно посмотрел на радиоаппарат и без вдоха пошел прочь. В вогнутой стене оказалась совершенно незаметная дверь. В нее и скрылся Чон. Но через несколько мгновений профессор увидел через открытую дверь несколько фигур гоми.

Ага! Вот где твоё жилище! Ладно же, старый плут. На стене висело нечто, что при первом же взгляде несказанно обрадовало профессора; это был, повидимому, план Зеленого дворца. Теперь-то он сможет ориентироваться! Теперь ему не нужны проводники, не страшны шпионы. Хорошо бы этот план перерисовать. Но где взять бумаги и чернил?

Он стал внимательно изучать план, на котором узнал много знакомых уголков дворца. Вот шести-

угольный зал, вот пять башен, вот «проспекты», ведущие в зал, ниши которых обыкновенно заполняются только во время обеда и сна. А это что? Чорт возьми! Это похоже на подземный ход, на туннель! В него ведет, повидимому, шахта. Вот она! Но для какой цели нужен гоми этот туннель?

Долго всматривался профессор в план, стараясь запомнить все его подробности. Мысль о туннеле не покидала его. Надо его обследовать!

Сзади профессора кто-то дышал; перед ним стоял гоми, повидимому, женщина. Общий ее облик был человечен и даже не лишен приятности. Она в упор смотрела на профессора. Профессор заметил, что руки ее были лишены перепонки.

— Кто ты? — спросил профессор. — Я тебя уже много раз видел.

— Чон мой дядя. Я тоже все смотрю на Токи. Давно уже.

— А что, Токи тебе нравится?

— Нравится, только он какой-то странный: большой, весь зарос белыми волосами. Гоми не такие.

— Они слабые, не правда ли?

С этими словами профессор продемонстрировал свою силу: схватил стоящую перед ним женщину, одной рукой подбросил ее кверху и затем мягко поставил ее на пол.

— О! Ты очень сильный. Ни один гоми не может поднять меня одной рукой. А я вовсе не боюсь.

— Как твое имя?

— Нифе.

— А сколько лет тебе? Я хочу сказать: как долго ты живешь на свете?

— Очень много: четыреста пятьдесят наибольших давлений.

— Значит, девятнадцать лет. Принимая во внимание, что гоми живут 30—40 лет, ты прожила уже половину жизни. Ты уже замужем?

— Теперь нет.

— Почему же теперь?

— Потому что мне очень нравится Токи: он такой сильный.

— Но ведь ты до сих пор не знала, что я сильный.

— Все равно, ты мне нравился, а теперь я знаю все, что мне надо знать: ты будешь моим мужем, если захочешь.

Профессор рассмеялся. Он знал, что отношения мужчин и женщин здесь до смешного примитивны, но ему никогда не приходило в голову, что вопрос этот может так легко разрешаться. Во всяком случае это было исключительное «объяснение в любви».

— А как же твой муж? — спросил он, все еще улыбаясь.

— Он уже десять наибольших давлений не муж мне.

— О, это очень много. И в течение всего этого времени я тебе нравился?

— И в течение всего этого времени я любила Токи.

Эта наивность тронула профессора. Вдруг у него мелькнула мысль. Показывая на план дворца, он спросил:

— Это ваш дворец?

— Наше «племя».

— Можешь ты, Нифе, проводить меня туда?

Профессор указывал на изображение туннеля.

Нифе подумала сначала, внутри ее происходила, повидимому, борьба; наконец, она сказала:

— Туда нельзя, но все равно, раз ты этого хочешь...

И Нифе посмотрела на профессора глазами, в которых светились, казалось, доверие и нежность. А, может быть, это профессору показалось? Как могут быть у этих рыболодей такие чувства. Ведь это не люди, а бесстрастные чурбаны! А, впрочем, что он знает о них?

Профессор и Нифе спустились вниз и направились по одному из шести длинных зал, освещенному очень слабым зеленоватым светом.

— Разве уже время отдыха? — негромко спросил профессор.

— Да, видишь, все ниши заняты.

— Нифе, объясни мне одну странность; в зале спят только молодые люди, стариков очень мало и совсем нет маленьких детей.

— Ты не знаешь разве? У кого есть семья, тот живет в одном из верхних зданий дворца. Здесь, внизу спят гоми, еще не имеющие семьи или уже потерявшие ее. Когда детям минет восемь лет, их тоже отправляют сюда.

— А, понимаю, здесь, значит, царство холостяков. Ясно, что интимные отношения в семье требуют уединения. Я, однако же, заметил, что гоми вообще не стесняются проявлять свои чувства также и в присутствии других. В этом отношении они напоминают мне обезьян, которые в зоологическом саду в присутствии публики проявляют всякие свои эмоции...

— Как всегда, я очень слабо понимаю тебя. Ты говоришь о вещах, которые гоми совершенно не известны. А вот и спуск в туннель.

Но как раз перед входом на трап как из-под земли выросли три фигуры гоми и загородили дорогу.

— Ах, чорт! Когда же кончится эта слежка?

Профессор был взбешен и готов был ринуться и разорвать этих ненавистных ему рыболодей.

— Не надо, — тихо проговорила Нифе, мягко взяв руки профессора в свои.

Профессор вдруг остановился пораженный: руки Нифе были теплые, тогда как у большинства гоми они были всегда холодные, точно гоми были лишены крови.

Теперь уж он, а не женщина, держал ее руки в своих и с удовольствием их ласкал.

Меж тем Нифе что-то сказала, и трое гоми исчезли.

— Напрасно ты меня остановила, — с сожалением заметил профессор. — Я бы с удовольствием свернул всем троим их дурацкие шеи.

— Увы, Токи, один из них был вооружен. А ты еще не знаешь, какое это страшное оружие.

Оба замолчали и пошли по туннелю.

От высокого и просторного туннеля шли в обе стороны коридоры меньших размеров, от них, в свою очередь ответвлялись другие, и все они извивались и пересекались между собой, образуя на редкость сложный лабиринт.

На полу коридоров лежали рельсы, которые слабо поблескивали в зеленом полумраке. Иногда попадались громадные пространства, сплошь выработанные и походившие на бесконечные пещеры.

— Здесь уже давно идет добыча минеральных масс для выработки одежды, — объяснила Нифе. — Отсюда же брали, как рассказывают, и материал для постройки нашего жилища.

По главному туннелю шла массивная металлическая труба, имевшая в диаметре около метра. По поводу этой трубы Нифе рассказала легенду. Поставили ее когда-то могучие надводные слуги света, духи и подарили в пользование гоми. Гоми могли лететь в трубе со сказочной быстротой. Два раза в год каждый гоми выходил в надводный мир и видел много, много света. Говорят, что этот источник света вечно висит сверху в виде громадного круга и

смотреть на него нельзя. Один гоми забыл поклониться однажды свету, и за это духи лишили их возможности пользоваться этой трубой. С тех пор гоми редко видят свет, и еще ни один смельчак, отважившийся идти в трубе, не вернулся назад. Но должен притти Сильный. Он-то и вернет гоми возможность пользоваться трубой.

Нифе крепче прижалась к профессору, и последний без слов понял ее тайные мысли: она, как, может быть, и другие гоми, склонна видеть в нем этого Сильного. Некоторые намеки Чона и всеобщее почтение как будто подтверждали правильность подобного предположения.

— Бедная Нифе! — тихо воскликнул профессор. — Это всего только пневматическая дорога, а, может быть, и электро-магнитная. И строили ее простые люди, а не духи. Куда она ведет, эта труба?

— Туда, в надводный мир.

— Значит, и туннель ведет туда?

— Не знаю... Нет, не думаю.

— Знаешь, что? Давай попробуем выбраться по туннелю!

— Ой, нет, нет, Токи! Я очень боюсь... Там духи, там «разрушители машин». Никто не возвращается назад...

Профессор теперь, как и до этого, лишний раз убеждался в том, насколько еще грубы, суеверны гоми. Как странно, что наряду с этим гоми обладают также и изумительными познаниями во многих научных областях!

— Пойдем, я больше не могу здесь оставаться,— сказал он и смело зашагал вперед. — По крайней мере убедимся, есть ли отсюда выход.

— Нет, Токи, не надо, не ходи... Там смерть. Не ходи... я боюсь...

Но профессор, не оглядываясь, широкими шагами двинулся вперед.

— Подожди, Токи, — слышался голос Нифе. — И я с тобой!

Они шли долго. Свет делался все слабее и слабее. Уже с трудом можно было различать трубу, стены туннеля давно слились с темнотой.

Меж тем, конца туннелю все еще не было.

Свет совсем замер, и оба путника были окутаны темнотой.

Нифе начала дрожать и не выпускала руки профессора.

— Не надо дальше, Токи: я боюсь.

— Пройдем еще немного.

Профессор почти тащил Нифе за собой. Вдруг впереди он ощутил преграду и стал пробираться ощупью. Скоро он наткнулся рукой на острый каменный выступ. Шаря руками, он прошел от стены до стены поперек туннеля.

Дальше путь был загорожен.

— Да, — бормотал профессор, — но труба идет в эту стену и, повидимому, идет дальше. Значит, и туннель идет дальше. Кому-то понадобилось завалить этот туннель. Чорт возьми! Горсточка динамита — и путь на поверхность открыт.

Он горько вздохнул.

— Пойдем, Нифе!

— Я очень устала, Токи.

— Тогда давай отдохнем.

И оба опустились на трубу, здесь наполовину скрытую в почве туннеля.

Профессор начал думать о странной судьбе этого народа, какими-то неизвестными путями попавшего под воду, на дно морское. Сколько их, дворцов этих! Что, если бы обследовать боковые второстепенные туннели? Там запасные дворцы, о которых когда-то говорил Чон. А какие массы горных пород извлечены здесь! Ведь он со своей спутницей шел долго — не меньше двух часов. Десять километров! А боковые коридоры! Профессор только на одной стороне насчитал их не меньше трехсот.

Загадочный мир, загадочный народ! Да и народ ли это? Дети у этого народа предоставлены с восьми лет сами себе, в тринадцать лет они женятся, изучив к этому времени какое-нибудь не хитрое ремесло. Нет школ, нет наук. Погибшие существа!

— Не пойдем ли обратно? — обратился профессор к Нифе, сообразив тут же, какого важного союзника приобрел он в ней.

Новый пленник

Мартынов стоял у знакомой прозрачной стены, за которой он впервые увидел рыб-людей в «намордниках» плавающими в воде. Повидимому, стена была необычайно прочна, раз она могла противостоять

напору океана. Трудно было только объяснить и ее одновременную прозрачность, ибо эти два качества — твердость и прозрачность — никак не вязались вместе. Прозрачностью обладает стекло, но оно одновременно и хрупко, наибольшей прочностью обладает сталь, но она же и наименее прозрачна.

Повидимому, стена эта была из стекла, но только такой прозрачности, о которой химия, известная Мартынову, могла только мечтать. Но какой мир кроется за этой преградой? Вот он уж сколько раз был здесь, часы летели в созерцании им этой безмолвной прозрачной среды, но, казалось, ничто не нарушало этого безмолвия.

Профессору часто припоминалась его экспедиция, которую он в молодости совершил в заполярные области. Белое безмолвие вечной северной ночи было менее удручающе, чем то, которое он теперь наблюдал в глубине моря. На севере хоть мерцали звезды, такие необычайно яркие и трепетные, а тут — изумительная тишина, ни одного движения, ни одной посторонней тени.

Только он, Мартынов, стоит, прильнув лицом к холодной преграде, стоит один со своими думами, напрасно стараясь пронизать бескрайнюю водяную стену. Ах, нет, наверное, он не один: поблизости где-нибудь стоят два-три гоми, два-три рахитика с мигающими глазами, которые караулят его. А вон и за стеной в воде появились тени. Это плывут гоми. А он только что сожалел о безмолвии! Вот они, его спутники до самой его смерти!

Гоми были чем-то заняты. Вглядевшись пристальнее, профессор заметил, что эти жалкие рыбо-люди сустились вокруг какого-то темного предмета, который беспрерывно вертелся во всех направлениях. На несколько мгновений Мартынов увидел, что этот предмет по крайней мере в три раза превышает по длине любого гоми. Вот многочисленная группа с таинственным предметом в центре приблизилась, засуетилась в полосе света, почти в непосредственной близости к стене.

— Акула! — вскричал изумленный профессор. — Настоящая акула! А я-то думал, что вода пустынна в этой части моря. Конечно, удивительно, почему я до сих пор не видел обычных морских обитателей — звезд, офиур, скатов, медуз, мелких рыб, но этому есть какое-нибудь разумное объяснение. Ведь не может же быть правдой уверение Чона, будто все живое население моря отеснено в большие глубины, будто планктон отсутствует. А вот и доказательство: акула. Но что это они делают с ней? Чорт возьми! Неужели едят?!

Это было так: гоми в числе многих десятков, ловкие и увертливые, давя и отесняя друг друга, рвали руками и зубами бока акулы и тут же пожирали куски кровавого мяса. Многие из них по этому случаю были совсем без «намордников». Это было всего изумительнее для профессора: как они дышат?

Картина пожирания акулы была отвратительна: гоми здесь напоминали насекомых, копошившихся вокруг павшей собаки. Профессор не мог смотреть на

это зрелище без отвращения. Какая мерзость! Химическая пища и одновременно — пожирание сырого мяса акулы. Человеческая организация и одновременно — ухватки шакала... Нет, все это выше его понимания.

— А, впрочем, — стал раздумывать профессор, — ведь едят же на севере эскимосы сырую оленину! Да, но они зато не знают химических палочек, их одежда — звериная, а не изумительная одежда гоми, которая, кажется, так же, как и их дворцы, совсем не подвергаются разрушению. И тем не менее налицо пожирание только что добытой акулы. Несомненно, это — атавизм. После этого не будет удивительно, если я однажды увижу гоми пожирающих себе подобного.

Так прошло около десяти минут. Вдруг пиршество было нарушено самым неожиданным образом. Вода кругом к этому времени сильно помутнела, — повидимому, от крови, но профессор все-таки отчетливо видел, как сверху камнем свалился на пирующих какой-то предмет; гоми рассыпались в стороны, обглоданный скелет акулы, перевертываясь, стал падать вниз, вслед за черным предметом и сейчас же исчез из поля зрения профессора. Несколько мгновений спустя мимо профессора стала падать вниз человеческая фигура: ноги были расставлены, голова свесилась на плечо. Человек падал боком.

Мартынов был сильно взволнован. Он еще не пришел в себя от зрелища пожирания акулы, мысли

о гоми-выродках еще волновали его, а тут вдруг человек, падающий на дно моря! Откуда он? Мертвый или живой? Один из этих жалких тварей или такой же, как и он, Мартынов?

Но тут профессор вновь сделался свидетелем исключительного зрелища, перед которым пожирание акулы было сравнительно невинным развлечением.

Не успел еще утопленник войти в освещенную полосу моря, как один из гоми молнией кинулся к нему и впился зубами в его руку. Другие гоми бросились за ним. Профессор видел, как вырывали они мертвую руку из зубов людоеда, колотили его, кусали, били «хвостами», но тот стойчески выдерживал пинки и удары и все глубже запуская зубы в руку.

— Не так-то легко, не так-то легко, — бормотал, волнуясь, профессор. — Шакал только что был возбужден свежей кровью акулы и теперь силен, как тигр. Ага, вот, кажется, выпустил! Но... что за ужас!

Гоми-людоед умчался, выпустив руку, но Мартынов увидел, что он держал что-то во рту. Это «что-то» оказалось кистью руки неизвестного человека: гоми начисто отгрыз руку немного повыше локтя. И при этом он работал только одними зубами, профессор это ясно видел! Ужасно: у этой твари не только нрав, но и челюсти волчьи. При этой мысли у профессора пробежал холодок по спине.

Мартынов быстро оставил свой наблюдательный пост и сошел вниз,

— Где этот утонувший? — спросил Мартынов первого попавшегося ему навстречу гоми, который был весь мокрый, — признак, что он только что из моря.

Тот сначала не понял профессора, а затем сказал, что ему ничего неизвестно. Аналогичный ответ получил профессор и от нескольких других аборигенов Зеленого дворца.

Он стал бродить по дворцу, поднимался по лестницам, прислушивался к отдельным звукам и голосам, но ничего такого ему пока не встречалось, что его в данный момент интересовало. Почему-то только теперь профессор ясно представил себе, что Зеленый дворец имеет по крайней мере три этажа, а в средней своей части, повидимому, над центральным шестиугольным залом даже шесть или семь.

Прошло уже много времени, но профессор все еще ничего не нашел. Вдруг в одном из поворотов из беззвучно открывшейся двери вышел Чон. Профессор рассказал ему, чему он был свидетелем на крайней галлерее.

— Иногда гоми делают непонятные вещи, — сказал Чон, при этом он, как показалось пораженному профессору, даже вздохнул. — Им не было нужды терзать акулу, как ты называешь это безногое существо из морских долин.

— А что же сделалось с тем... с другим? Что, это был гоми?

Чон несколько помолчал, прежде чем ответить:

— Нет, это был не гоми,

— Значит, оттуда, сверху, из надводного мира?! Где он, дай мне на него посмотреть.

Опять Чон несколько заколебался и нехотя указал ему на дверь, из которой он только что вышел.

В небольшой прозрачной ванне лежал совершенно голый человек. Одна рука его оканчивалась какой-то серой «культышкой». Забинтована, — подумал профессор. — Это та самая рука, которую тот изверг откусил в воде.

Со всех сторон — снизу, сверху, с боков — на труп лился фиолетовый с розовым оттенком свет. Свет отражался от системы выпуклых и вогнутых зеркал и был, повидимому, поляризован.

Перед профессором лежал прекрасный экеземпляр человеческой породы, самый совершенный, который он когда-либо видел: с небольшими, но красивыми мышцами, с изумительно пропорциональными конечностями и круглой головой. Лоб был высок и широк, профиль лица прямой и строгий. Но что всего изумительнее было для профессора, так это живот неизвестного: он был поразительно мал в сравнении с общей величиной тела. Когда Чон перевернул его спиной кверху, профессор увидел, что живот почти не касался гладкого дна ванны.

— Да, это, конечно, не гоми, — с удовольствием констатировал профессор.

— Разрушитель машин, — буркнул Чон.

— Будто он желал когда-нибудь зла гоми?

— Они все только и думают о том, чтобы нам повредить.

— Что ты хочешь сделать с этим трупом?

— Он скоро придет в себя. Он нам нужен. Надеюсь, что он будет умнее своих сородичей.

— Для какой цели нужен вам этот человек?

Чон промолчал, и Мартынов не считал нужным настаивать.

— Почему ты думаешь, что он придет в себя?— спросил он.

— Он пробыл в воде не долго — едва ли больше одной двенадцатой «обычного давления».

— То-есть, считая давление, иначе — прилив, равным шести часам, — не больше получаса? А что думает Чон относительно того, как попал в воду этот несчастный?

— Утонул. А всего вероятнее, что он пытался разрушить наши машины.

— А мне кажется, что гоми сами их разрушают своей беспечностью и своим неумением.

Чон ничего не возразил на это. Профессор заинтересовался, что это за странный свет, которым он надеется привести «разрушителя машин» в себя.

— С помощью этого света сердце его должно начать работу.

— На меня этим светом тоже действовали?

— Да, но без всякого результата. Токи — совсем другой.

— Повидимому, другой, хотя меня тоже нашли в воде. А все-таки Чон не сказал мне, что это за свет.

— Смесь раскаленных газов.

И опять профессор не мог скрыть своего удивления: гоми умели манипулировать с газами, пользоваться их поляризованным светом с медицинскими целями не хуже, чем известная профессору «надводная» медицина, и в то же время, не знали, казалось, основ химии и медицины.

Появились двое гоми и, молчаливые и сосредоточенные, остановились около ванны с трупом утонувшего.

Любопытство удержало профессора здесь, несмотря на настойчивые приглашения уйти. Чон отдал какие-то распоряжения оставшимся здесь гоми и вышел, но еще до его возвращения профессор вдруг заметил, что человек, бывший, казалось, совершенно мертвым до этого, начал обнаруживать ясные признаки жизнедеятельности: делал судорожные движения конечностями, головой, началось подергивание мускулов на груди и вслед затем послышался слабый вздох. Профессор следил за этим чудом воскресения из мертвых с нескрываемым удивлением, смотрел, как беспорядочные толчки где-то внутри лежавшего перед ним сделались спокойными и грудь начала ритмично подниматься и опускаться, и верил и в то же время сомневался в правдивости происходившего перед ним изумительного физиологического процесса.

Пришел Чон, спокойно приладил металлический колпак к голове «разрушителя машин», выключил фиолетовый свет и стал молча ждать.

— Когда-то и на мне был подобный колпак, — вспомнил Мартынов. — Он, повидимому, призван разбудить деятельность мозговых клеток, воскресить сознание. Сердце работает, надо, чтобы и мозг работал. А все-таки невероятно!...

Изумительна способность у гоми к молчанию! Профессор часто видел, как они группами или в одиночку сидели и молчали бесконечно долгое время. Иногда это тупое бдение или сон (профессор затруднялся сказать, что это было) продолжалось в течение двух обыкновенных приливов и двух отливов, то-есть, не меньше суток и даже еще больше!

Так и теперь все три гоми с Чоном во главе сидели и молча ждали. Мартынов пытался нарушить молчание, но без успеха. Рыбы, настоящие рыбы! Сидят и молчат, даже не шелухнутся, точно рыбы, прикрывшиеся речной водой в жаркий день. Не может быть, чтоб у них мозг не работал! А, впрочем, что известно профессору об их внутренней организации? Какими путями шло развитие этих существ? Ведь это все-таки не совсем люди, которых профессор знал... Ага! Вот он, кажется, просыпается, открывает глаза. Так, сознание этого странного утопленника дома. Ну-ка, «разрушитель машин», скажи нам, откуда ты? Что? Он не понимает, повидимому, профессора? Чорт возьми! Он не говорит ни на одном из известных профессору языков!

Мартынов вновь и вновь пытается заговорить, до конца использует все свои лингвистические по-

знания, но странный субъект только качает головой и произносит одно и то же слово, которое ни Мартынову, ни гоми, кажется, непонятно. Откуда же этот человек в таком случае? Это не дикарь, а раз так, то безусловно хоть один из культурных языков он должен был знать, а меж тем он, повидимому, совсем не понимает профессора, хотя смотрит на него с явным интересом и нескрываемым любопытством. Он скользнул взглядом по гоми, и Мартынов заметил в этом взгляде оттенок презрения, и вновь глаза пришедшего в себя остановились на профессоре. Он, казалось, понял усилия профессора казаться понятным, но широко улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Нельзя ли его вниз, ко мне? — спросил Мартынов Чона.

— Нет, «разрушитель машин» останется здесь

— Странно, почему нельзя туда?

— Он еще плох и нуждается в лечении.

— Ах, да, в самом деле: его рука... Ну, и звери же твои гоми, Чон.

— Гоми делают часто непонятные вещи...

— Да, да, я уж это слышал. По крайней мере, ты позволишь мне приходить сюда?

Чон ничего не ответил, и профессор медленно удалился. Уходя, он старался хорошенько запомнить дорогу сюда.

— Ах, так вот для какой цели он был вам необходим! — почти вслух проговорил профессор. — Понимаю! Эти идиоты, оказывается, не могут управлять своей единственной субмариной.

Мартынов стоял на краю широкого бассейна, в котором темным исполинским животным темнела громадная подводная лодка, та самая, на которой гоми во время опасности затопления их жилища собирались совершить великое подводное переселение. Борты лодки почти вплотную подводили к краям бассейна и возвышались над ними метра на два. Большой боковой люк был открыт, и профессор ясно видел, что делалось внутри лодки. Перед ним было, вероятно, сердце субмарины — ее машинное отделение со множеством рычагов, колес и небольших блестящих цилиндров.

Там стояли шесть человек: пятеро гоми во главе с Чоном и тот самый пришелец из надводного мира, который, как мы видели, явился во дворец самым неожиданным образом, едва не будучи растерзан по пути ошалелым людоедом. Звали его Эйс, как узнал профессор после того, как он был приведен в себя.

Чон говорил и довольно энергично жестикулировал руками перед носом Эйса, который презрительно молчал и ни на кого не глядел. Профессор понял две вещи из слов и жестикуляции Чона: Эйс не понимал языка гоми, Чон хотел, чтобы Эйс научил трюх гоми управлять субмариной или что-то сделал с ней. Чон

выразительно показывал на рычаги, указывал затем на гоми, стучал кулаком им в лоб, но Эйс, казалось, не понимал. Трое гоми тоже принимали участие в жестикуляции и увещевании, но все без успеха.

Наконец, пятый гоми, который не принимал никакого участия до сих пор в разговоре, вдруг сердито зарычал и поднял желтую трубочку в палец толстой, направив ее на Эйса. Эйс, повидимому, знал действие этой трубочки, потому что слегка вздрогнул и посмотрел на Чона, но не промолвил ни слова.

Вновь Чон начал свои объяснения, но вдруг профессору показалось, что Эйс сделал отрицательное движение. Сейчас же вслед за этим гоми с желтой палочкой отступил на два шага, поднял ее на Эйса и что-то нажал. Действие этой палочки было поразительно: профессор не услышал ни звука, не увидел какой-либо световой вспышки, но страдание и боль вдруг исказили черты лица Эйса до неузнаваемости, все его тело стало подергиваться в конвульсиях.

— Что сделала эта тварь? — зарычал в свою очередь профессор и моментально очутился в машинном отделении субмарины. Удар кулаком по руке гоми — и желтая палочка отлетела в сторону. Все смотрели на профессора с изумлением.

— Чон, что делал этот гоми? — закричал он громко.

— Дело в том, что мы просили Эйса исправить субмарины и научить нас лучшему обращению с ней, а он, повидимому, не желает этого.

— Я запрещаю вам мучить беззащитного человека! Ты ведь знаешь, Чон, что он не знает языка гоми.

— Но он уже понял, чего мы от него добиваемся.

— Давай я с ним поговорю.

Уже несколько недель прошло с тех пор, как Эйс появился в Зеленом дворце. Профессор успел убедиться, что он совершенно не понимает гоми, как те в свою очередь не понимают его. Но профессору удалось узнать несколько десятков слов из языка, на котором говорил Эйс, и он с грехом пополам мог с ним объясняться.

— Эйс понимает, чего хотят от него гоми? — спросил профессор.

— Да... не совсем.. Машина, повидимому, испорчена...

— Так исправьте ее, объясните им, как надо обращаться с этой машиной.

— Я не знаю ее конструкции. Как же я могу обучить других? Сначала я должен ознакомиться с машиной сам.

Профессор передал это Чону. Тот с сомнением покачал головой, а затем стал уверять профессора, что Эйс говорит неправду.

— Он знает, — уверял он, — только не желает. Но пусть... мы согласны подождать два обычных давления.

— Но я надеюсь, Чон, что ты не будешь прибегать дальше к этому...

Профессор указал на желтую палочку в руках гоми.

— Кстати, что это такое? — спросил он.

Чон назвал одно слово, что профессор перевел как «револьвер». Он вспомнил страдальческие гримасы Эйса и заметил, что действие этого револьвера должно быть не совсем приятно. Чон сказал, что револьвер действует на большое расстояние и при этом разрушает все органические соединения, расщепляя главным образом белок. Но что за сила была заключена в револьвере, профессору так и не удалось добиться от Чона.

Все оставили субмарину.

Итак, гоми не умели сами управлять субмариной, или во всяком случае это умение не было твердым. Они не могли сделать починки. Эйс как будто говорит, что машина испортилась давно. Как давно? Годы, месяцы или недели назад? Эйс что-то объяснял, но профессор никак не может понять, он только слушает: речь Эйса удивительно приятна для слуха, в ней нет ни одного резкого звука. Замечательно красивый язык! Но почему профессор не имеет о нем никакого понятия? Что за народ говорит на этом языке? С тех пор, как профессор впервые осознал себя как мыслящее существо здесь, в Зеленом дворце, он непрерывно переходил от одного удивления к другому, от одной загадки к другой. Загадкой для него был дворец, и все, что было в нем, начиная с гоми, загадкой был теперь и Эйс. А сам он разве не загадка для самого себя? Эйс... Как будто что-то зна-

комое есть в этом созвучии. Да, вспомнил! Это имя напоминает древне-санскритское слово ais — железо. Странно, какая может быть связь здесь?

Вся группа во главе с Чоном попала на обратном пути от субмарины в галлерею. Профессор помнил, что, кажется, здесь в глубокой нише был водяной термометр — тот самый, который измерял для гоми давление воды, то-есть, показывал их «обычные» и «наибольшие» давления. Да, так и есть: вот он, этот гигантский термометр, который профессор не раз видел.

Эйс, повидимому, хотел что-то сказать, потому что остановился у водяного прибора, и указал на него профессору.

— Субмарина не действует, — проговорил он, — раз, два, три...

Он три раза ткнул пальцем в черту, которая обозначала: «наибольшее давление».

Профессор сразу понял, что хотел сказать Эйс: подводная лодка испорчена уже около двух месяцев. Следовательно, когда дворец затоплялся водой, спасения все равно не было? Ну, да, ведь несчастье было всего недели две-три назад!

Жутко стало профессору при этом открытии. Много любопытного видел он до сих пор в этом подводном дворце, но этот факт был для него самым любопытным, чтобы не сказать больше. Как? Значит, Чон тогда зря болтал о том, что все гоми собираются совершить переселение во главе со своей суб-

мариной? Следовательно, когда Зеленый дворец был в опасности, они в сущности были подобны крысам на тонущем корабле? Повидимому, так, теперь в этом для профессора не могло быть сомнений; гоми не умели управлять подводным судном, само судно было испорчено. Да, конечно, если бы профессор не остановил затопления подводного жилища, гоми или погибли бы в своем жилище, или вынуждены были бы переселиться, надеясь исключительно на силу своих мышц, что, повидимому, одно и то же. Чон часто рассказывал ему об опасностях подобных переселений в воде, что же было бы с гоми, если бы они пустились в далекий путь с небольшими запасами пищи, обремененные детьми и стариками? Гибель была бы неизбежна, ибо они не знали, сколько времени могло им понадобиться для отыскания свободного и, главное, исправного жилища, и в то же время, не имея с собой субмарины, они лишены были возможности отдыха в течение неопределенно долгого времени. Жалкие твари! Подобно первобытному дикому человеку, они не умеют заботиться о грядущих поколениях, даже больше: не умеют заботиться о себе самом, о своем завтрашнем дне! И он, профессор живет с ними вот уже сколько времени и будет и дальше коротать свои дни в этом странном мире, пока смерть не избавит его от этого кошмара. А, может быть... кто знает... Эйс—странное существо... Не может ли он... Впрочем, он сам пленник. Что смогут они сделать вдвоем против целого народа в две сотни тысяч человек?

Но мысль запала и постоянно преследовала Мартынова, и он большую часть времени проводил с Эйсом. Профессор был прирожденный лингвист и с поразительной быстротой усваивал язык Эйса. Тот сам явно желал облегчить задачу профессора, и оба занимались исключительно языком Эйса почти беспрерывно, даже на субмарине, где Эйс подолгу во- зился.

Профессор сгорал от нетерпения подробно узнать о родине Эйса и народе, к которому он принадлежал, но сдерживал себя и лишь наводил Эйса на мысль о бегстве из Зеленого дворца.

Эйс сначала отмалчивался, когда Мартынов не- уклонно пытался намекнуть ему про свои затаенные мысли, но вскоре мысль была высказана прямо и отчетливо.

— Повидимому, — сказал однажды Мартынов, — нам трудно ждать от гоми порывов: они никогда нас не отпустят добровольно.

— У меня такое же убеждение, — ответил Эйс.

— В таком случае мы все надежды можем возло- жить только на свои силы. Конечно, отсутствие пра- вой руки у Эйса отзовется на наших планах, но...

— Ничего, можно справиться.

— Жизнь обитателей подводного жилища полна всяких случайностей. Я недавно рассказывал тебе о затоплении дворца. Поэтому по справедливости, хотя гоми твари низшего порядка, не следовало бы их лишать единственного средства передвижения или

даже, может быть, спасения в будущем. Я имею в виду субмарину.

— Что ты имеешь в виду делать с субмариной?

— Я полагаю воспользоваться ею для бегства отсюда.

— А!

Эйс тревожно оглянулся, но гоми сидели невоз- мутимые и спокойные и, казалось, внимательно сле- дили за его работой. Профессор без боязни выска- зал вслух свою мысль, ибо был уверен, что ни один гоми не понимает его разговора с Эйсом. Последний согласился с ним относительно невозможности вос- пользоваться единственной подводной лодкой гоми.

— Но иных средств передвижения здесь нет, — заметил Мартынов, — если не считать собственных рук и ног, то-есть плавания. Туннель, ведущий на сушу, завален. Динамита здесь нет, я в этом убе- дился. Сделать его мы не можем.

— Дворец не глубоко в воде, но в 20-25 кило- метрах от берега.

— Мне такое расстояние не по силам.

— Мне тоже.

— У меня сейчас мелькнула такая мысль... Гоми удерживают нас насильно здесь, поэтому придется противопоставить им тоже насиле, — это будет только справедливо.

Когда Эйс, наконец, вник в смысл предложения профессора, он брезгливо поморщился.

— Это — особенность дикарей, людей каменного века, прибегать к насилию, — заметил он. — Мой мозг давно отвык от работы в этом направлении, и я ничего не могу придумать, кроме того, что мне это противно.

— Но мы живем среди дикарей и должны противопоставить им свою волю — волю цивилизованных людей. Мой план заключается в следующем. Когда субмарина будет готова...

И профессор стал неторопливо объяснять, что следует им предпринять, чтобы освободиться от неприятной опеки гоми. Эйс внимательно слушал, не прерывая в то же время своей работы. Надо заметить, что выражения обоих собеседников были далеко не так точны, как мы это только что рассказали, они должны были помогать себе еще жестами и мимикой, но понимали друг друга достаточно хорошо.

В конце концов кивком головы и улыбкой Эйс план профессора одобрил. Несколько гоми спокойно наблюдали за действиями Эйса и, казалось, совершенно не понимали смысла фраз, которыми обменивались профессор и Эйс.

Профессор давно уже жил в подводном дворце, но только теперь, смотря на молчаливых и сосредоточенных гоми, вспомнил, что они почти никогда не разговаривали между собой: они как будто понимали друг друга без слов. В свою очередь он тоже замолчал и сосредоточился на мысли о возможных препятствиях, которые могли встать на пути при побеге.

Побег

Прошло немного времени.

Субмарина была окончательно готова, трое гоми более или менее прилично усвоили себе управление ею, и оставалось только окончательно испытать механизм машины и кстати проверить на опыте познания трех будущих капитанов ее.

Профессор Мартынов давно уже заметил, что на подводной лодке, кроме боковых широких люков, был еще узкий люк на самом верху, к которому примыкала снизу маленькая кабинка с трапом. Верхний люк, должно быть, никогда не открывался с того момента, как лодка впервые вышла из дока: до того он не слушался рычага. Но, наконец, профессору, к несказанной его радости с большим трудом удалось заставить люк открываться и закрываться.

Каким-то образом Нифе пронюхала, что Мартынов с Эйсом что-то затевают. Внимание ее к профессору было столь трогательно, что он не побоялся рассказать ей о своих планах побега.

Казалось, она была огорчена.

— Значит, Токи не желает быть моим мужем? — спросила она, и в голосе ее послышалось профессору что-то человечески-знакомое.

Но скоро она заботливо снабдила профессора запасом «мелков» и «ралюмом» — револьвером гоми, имевшем вид желтой палочки, действие которой было тем не менее всегда смертоносно. Она же помогла профессору забраться в кабинку на субмарине, ко-

торая совсем неожиданно для профессора оказалась под бдительной охраной. Профессор искусно замаскировал вход в кабинку снизу, бывший и без того мало заметным и, повидимому, неизвестным для гоми. Кабинка помещалась как раз над мотором, которым приводились в движение все сложные машины подводной лодки.

Субмарина была погружена во мрак. Крутом царил могильная тишина, которая нарушалась только дыханием профессора.

— Хватятся или не хватятся? — в десятый раз спрашивал себя Мартынов, сидя в своем убежище.

В последние дни в его сознание вселились некоторые опасения, он начал думать, что, пожалуй, молчаливые и бесстрастные гоми, всегдашние свидетели его бесед с Эйсом, кое-что уловили из разговоров и сделали из этого соответствующие выводы. Похоже было на то, что они, если и не знали всего, то имели кой-какие подозрения и, конечно, чего доброго, примут свои меры. Стража около лодки давала повод для размышлений на эту тему.

Опасения Мартынова несколько увеличились, когда назначенный срок отплытия субмарины прошел, а сюда все еще никто не являлся. Ах, зачем он был так неосторожен! Редко мы умеем верно оценивать вещи и события: всегда недооценим или переоценим. Кажется, он недооценил гоми, и они его привели. А, может быть, тут виновата Нифе?

Профессор вспомнил, что в последнее время он почти никогда не оставался один — всегда около

него была свита. Чон категорически отказался беседовать с ним по вопросу о его участии в испытании субмарины.

— Гоми не желают, чтобы Токи подвергался риску, — заметил он только.

«Не желают»! Профессор часто слышал это, и ему нередко приходило в голову, что положение его явно двусмысленное: ему оказывали все знаки почтения, но в то же время держали около себя, как пленника. Гоми почитали в нем какое-то высшее существо, но при случае не прочь были пустить в ход также ралюм, если бы он их не послушался.

Сидя в своем убежище, профессор вспомнил книгу, которую он читал в детстве. В ней описывался народ, живший в старину где-то в Азии. Народ этот поклонялся маленьким деревянным идолам, которым при удаче на охоте мазали морду жиром и кровью, а при неудачах — секли нещадно.

Профессор Мартынов тоже покачался себе подобным божком, которого рыбы-люди при случае могут высечь.

Напряженный слух профессора уловил какой-то шорох на лодке. Похоже было, как будто кто-то очень осторожно ходил по полу, но как ни всматривался он в темноту, ничего не мог заметить. Вот кто-то остановился под трапом и шумно вздохнул. Теперь уже не могло быть сомнения: в лодке кто-то был.

Профессор удвоил осторожность и старался задерживать дыхание, он даже закрыл глаза, но чисто инстинктивно, точно страус, и конечно сейчас же

открыл. И как раз во время, чтобы заметить какую-то тень у бокового люка: бассейн почти не освещался, но какой-то слабо отраженный свет был здесь. Значит, на субмарине были два посторонних существа? Профессор был заинтересован и прильнул к небольшому отверстию в кабинке.

Вдруг яркий свет озарил внутренность машинного отделения. Профессор отшатнулся, боясь, что его заметят, так как он ясно видел перед собой две фигуры гоми.

Гоми начали перекидываться короткими замечаниями. Профессор понял, что они кого-то искали и не нашли. Уж не его ли ищут они? Раздумывая над этим, профессор услышал удаляющиеся шаги. Разве ушли? Оконце в кабинке было немного больше кулака, но все-таки мельком профессор заметил, когда гоми попадали в поле его зрения, что они что-то ищут, заглядывая в каждый уголок, каждую нишу.

Конечно, теперь уже не могло быть сомнения в том, что ищут именно его, профессора. Ясно, что его хватились. Найдут или не найдут? Этот вопрос неотступно вертелся в его голове и не давал ему сосредоточиться: профессор волновался. А как поступить, если его найдут? Драться? Одному с целым народом? Это показалось профессору явно нелепым.

Он посмотрел на желтый ралюм. Что за сила в нем и что можно сделать с этой невинной палочкой? Странное название: ралюм. Нет ли здесь корня

от слова «радий»? Тогда, может быть, ралюм можно было бы перевести, как радиоревольвер?

Размышления профессора были прерваны шумом шагов: через люк на субмарину взойшло около сотни гоми. Среди них был и Эйс.

К Чону подошел один из тех двух гоми, которые раньше пришли сюда в поисках профессора, и что-то ему сказал. Чон разочарованно, как показалось Мартынову, кивнул головой.

Вслед за тем люки были плотно закрыты, Эйс стал среди рычагов, а позади его — два гоми с ралюмами в перепончатых руках, невозмутимые и спокойные.

Сердце Мартынова болезненно сжалось: неужели их план открыт?

Мотор под ним загудел, как потревоженный рой пчел, но субмарина была еще спокойна. Мартынов знал, что в бассейне-трубе существует воздухоподводящее сооружение, именно сжатый воздух должен будет вытолкнуть субмарину из бассейна. Если бы этого не было, то при выходе в море воды его неминуемо хлынули бы во дворец и затопили бы его.

Субмарина слегка вздрогнула и опустилась ниже. Затем послышался свист, шипение, сильно заглушенное стенами, подводная лодка, преодолевая напор колоссальных масс воды, медленно двинулась вперед.

Вышли! Профессор ощущал радостное волнение от того, что Зеленый ненавистный ему дворец остался позади. Нет, чорт возьми, он сделает все, от него за-

висящее, чтобы вновь не попасть сюда! Довольно с него божеского положения!

Эйс правил спокойно и уверенно. К нему подошли три будущих капитана. Каждый из них по очереди брал рычаги и заставлял лодку то подниматься кверху, то опускаться, поворачивал в стороны. Лодка слушалась хорошо. Если один из гоми делал ошибку, Эйс поправлял его.

Но два стража с ралломами стояли не шевелясь и следили за каждым движением Эйса.

Остальные гоми разбрелись по громадной субмарине, способной вместить многие тысячи людей.

Эйс часто посматривал на плоский белый круг со стрелкой. Это был аппарат, указывавший лодке направление. Рядом находился стеклянный шар, в котором раз или два вспыхнул свет. Профессор знал, что вспышка света являлась сигналом — указывала на то, что впереди есть подводные скалы или берег, и для того, чтобы на них не наткнуться, надо было изменять направление.

Кто-то открыл один из люков, и сквозь стекло профессор видел, как пенилась вода у борта лодки. Вдруг он чуть не вскрикнул: через люк видны были два световых пояса в воде и над ними — громадный световой шар. Картина была очень красива, и профессор долго ломал себе голову над этой световой загадкой. По всей вероятности, решил он, наконец, эти широкие полукруги с загнутыми кверху краями — галереи, опоясывающие Зеленый дворец на три четверти и, как он хорошо знал, ярко освещенные.

Именно поэтому эти два пояса идут параллельно между собой, при чем верхний вдвое короче нижнего. Это вполне согласовывалось с теми наблюдениями которые профессор сделал, еще будучи во дворце. Большой шар наверху просто служил маяком.

Но вот световые полосы и шар пропали. Значит, подводная лодка отошла дальше от дворца.

Что же медлит Эйс? Почему он не идет вперед со всей скоростью, на какую только способна машина? Раз или два он украдкой бросил взгляд вверх на кабинку, но профессор не успел уловить выражения его лица. Несомненно, он тоже был в сильном затруднении, так как присутствие вооруженных часовых около него ни он, ни профессор не приняли во внимание при обсуждении их плана. Было похоже на то, что Эйс предоставлял инициативу действия профессору.

По тому, как слегка вздрогнул корпус подводного судна, профессор понял, что оно ускорило ход. Судно медленно поднималось кверху, шло по косой линии с легким уклоном вверх.

Вдруг Мартынов вновь заметил световые эффекты в воде, но уже не в виде поясов, а в виде двух треугольников, вложенных один в другой и направленных вверх острыми углами. Около люка столпились несколько гоми. Из случайно брошенных слов Мартынов понял, что это — новый обитаемый дворец, мимо которого они плыли теперь.

— Чорт возьми! — чуть не вслух подумал он. — Сколько же их, этих дворцов? Ничего не понимаю...

Часовые тоже отвлеклись, и профессор успел шепнуть, когда Эйс как бы случайно очутился у входа в кабинку:

— Правь к берегу. Все в порядке.

Но тут же профессор почувствовал приступы знакомой болезни — транса.

По этому поводу он энергично выругался. Ну, что могло быть хуже какой-то дурацкой болезни теперь, когда ему требовались ясность мысли, чистота сознания, вся его энергия и решимость! Нет, ему положительно не везет! Однако же, не все еще потеряно, и надо довести борьбу до конца, хотя бы для этого пришлось еще раз умереть. Ему надо все время держать свой план в голове, он должен думать о бегстве, и тогда, может быть, все будет в порядке, и болезнь не помешает.

Интересно бы узнать что, услышал его шопот Эйс или нет? Он попрежнему возится у рычагов, регулирует движение судна, часовые вновь спокойно следят за ним. Кажется, ничего не изменилось, и Эйс совершенно не слышал его. Как дать знать ему, что профессор придумал выход из положения? Как на грех, в машинном отделении все время толпятся гоми, и профессор не только ничего не может сказать, но даже шевельнуться не смеет.

В голове профессора давно уже созрела мысль уничтожить двух часовых, воспользовавшись для этого ралломом. Это было, повидимому, легко привести в исполнение, потому что часовые не заглядывались по сторонам, а, выполняя, видимо, чьи-то

инструкции, довольствовались тем, что не выпускали из поля зрения Эйса.

Здесь Мартынов потерял нить мыслей и только старался держать в голове одну:

— Не шевелись, не шуми, иначе все потеряно.

Повидимому, это самовнушение подействовало. Потому что, когда профессор пришел в себя, внизу под ним все оставалось в прежнем виде: Эйс держался за рычаг, двое гоми смотрели на него.

Но нет, что-то такое изменилось. Эйс один раз глянул на кабинку: лицо его выражало ожидание, это профессор ясно видел. Пора было что-то предпринять. На этот раз в машинном отделении почему-то никого не было, кроме часовых.

Люк был открыт попрежнему. Но что это? Или профессор грезит в приступах своей странной болезни? Раньше мимо квадратного люка бежала пеннистая вода, закрывая собой весь квадрат, а теперь видны были только брызги за стеклом — сплошной воды не было. Возможно ли? Неужели субмарина находится на поверхности моря?

Однако, надо что-то предпринять. Вон стеклянный шар сигнализирует близость масс суши. Возможно, что это берег. Наверное, Эйс, услышал его шопот тогда и согласно плану подвел судно к берегу.

— Ах, проклятая болезнь, она все может погубить! — простонал профессор, чувствуя, как приближается новый период полусознательного состояния.

Он начал отвинчивать крышку люка. Крышка поддавалась туго, но все-таки поддавалась. Еще несколько поворотов и в люк глянуло звездное небо!

Была тихая ночь.

Профессор осторожно прильнул к тайному окопечку. Теперь боковой люк был кем-то предусмотрительно закрыт.

— Это очень хорошо, — подумал профессор и нащупал свой ралюм.

На ралюме были деления, но в темноте ничего нельзя было разобрать. Профессор осторожно высунул кончик ралюма в отверстие и направил оружие на одного гоми.

Должно быть, профессор нажал слишком сильно, ибо оба гоми неожиданно окутались паром. Через мгновение пар исчез, и гоми лежали бесформенной массой на полу машинной. Лиц их нельзя было рассмотреть, потому что они оплыли, точно покрылись кузнечным шлаком, только шлак этот был зеленый.

Все это произошло столь быстро, что профессор едва успел заметить дело своих рук.

— Скорей сюда! — негромко сказал он Эйс.

Эйс сразу все понял. Он быстро повернул рычаг, выключил свет, и через несколько мгновений был уже около профессора.

В это время вбежало несколько человек в машинное отделение, слышались громкие крики тревоги, шум шагов, заглушаемый жужжанием мотора.

Дальше профессор ничего не видел, что творилось внизу: он быстро поднялся наверх, и вдвоем они начали завинчивать крышку люка.

В это время субмарина была почти у самого берега, который темнел бесформенной массой почти рядом, с левого борта судна. Возможно, что это был обман зрения, но профессору показалось, что он видит даже огни на берегу.

Но надо было торопиться, потому что судно вдруг повернулось под углом в девяносто градусов и стало удаляться от берега.

Какие-то руки уперлись вдруг в крышу снизу и стали вертеть ее в обратном направлении:

— Чорт с ними! — закричал профессор. — Не могу держать крышку! Плыви скорее, иначе будет поздно!

И он решительно скользнул в воду. Тотчас же за ним последовал и Эйс.

Одежда гоми была удивительно приспособлена для плавания: она была легка, не пропускала воды, плотно облегалась все тело и вдобавок заключала в себе еще какой-то источник тепла.

Когда они подплывали к незнакомому берегу, Эйс вдруг закричал:

— Помоги мне! Мне одному не справиться.

Профессор вспомнил, что Эйс мог работать только одной рукой: другой в свое время полакомился гоми.

— Ах, какой я олух! — воскликнул профессор и в несколько взмахов очутился около Эйса.

Еще десять минут усилий, и оба пловца очутились среди гладких окатанных камней. На один из них поднялся сначала профессор, затем он притянул за собой и Эйса. Оба согласно оглянулись на море.

— Мне подумалось, что гоми могут нас преследовать, — отдуваясь, заметил профессор.

— Я подумал то же самое, но теперь не опасуюсь: гоми никогда не подходят близко к берегу, — успокоил его Эйс. — Они хитры и осторожны.

— Мне почему-то теперь вспомнилось, что я еще до сих пор не спросил тебя, каким образом ты попал в воду.

— Это произошло во время столкновения двух воздушных машин во время бурной ночи. Я был оглушен ударом и потерял сознание. Случайно, падая на дно, я очутился около жилища гоми. Я отделался сравнительно дешево: рукой. А ведь могло случиться, что я и никогда бы не увидел вновь солнца.

Волны тихо плескались о камни.

— Полный прилив, — заметил Эйс.

Перепрыгивая с камня на камень, оба спутника скоро очутились на высоком берегу, покрытом густой растительностью. Профессору показалось, что он видит в ней вееролистные пальмы и слышит нежный запах магнолий.

Профессор внимательно огляделся кругом: берег был ему совершенно незнакомый.

— Где мы сейчас? — спросил он.

— Это, как мне кажется, Первый сектор Северной гемисферы, — ответил Эйс. — Именно в этом месте произошла тогда воздушная катастрофа.

Профессор уставился на улыбающегося Эйса и застыл в немом удивлении.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАДВОДНЫЙ МИР

Профессор ничего не понимает

Впоследствии профессор часто вспоминал это свое первое вступление на обновленную землю и без устали описывал то радостное, волнующее ощущение, которое его не покидало в течение многих дней после выхода из подводного мира.

То, что Эйс рассказал ему в первую ночь его пребывания на суше, было до того изумительно и невероятно, что он считал за лучшее сначала подкрепиться сном после бегства с субмарины, а потом уже хорошенько вникнуть в сказанное.

Оба они, Эйс и профессор, легли, прикрытые звездным небом и смесью морских и береговых испарений. Где-то слышались голюса, впереди темнели какие-то силуэты зданий или холмов, но никуда не хотелось уходить отсюда, где было так тепло и тихо.

Когда профессор открыл глаза, все небо было розовым. Затем розовые краски неожиданно затрепетали, поблекли и исчезли, и все небо приняло темно-синий оттенок.

— Солнце! — закричал он изо всей силы легких. — Солнце! Солнце!

Действительно, это было настоящее круглое яркое солнце, которое медленно отделялось от горизонта и плыло вверх и в сторону.

— Понимаешь, Эйс, ведь это — солнце, — говорил он, не обращившись, — которого мы так долго лишены были. Я уверен, что мы похожи теперь на белого пещерного «прометея».

Тут профессор обернулся и увидел, что он совершенно один. Где же Эйс? Разве они не вместе легли вчера? Он, положим, спал, как убитый, ни разу не проснувшись до того момента, как в глаза ему проник розовый отблеск зари, но ведь и Эйс тоже должен был спать: для него напряжение перед бегством и во время его было не меньше, чем и для профессора. Ага, вот он, кажется, идет от тех домов.

Тут профессор был несказанно удивлен, как близко они к человеческому жилью провели ночь. Успокоенный насчет Эйса, он опять в немом восторге уставился на солнце, которое плыло над морской гладью. Затем он перевел взгляд на берег: в обе стороны его параллельно берегу виднелась бесконечная масса зелени, среди которой можно было различить пальмы и цветы всех оттенков, чаще всего ярко-малиновые бутоны магнолий. И, главное, дома. Всюду виднелись крыши домов, сквозь просветы зелени отовсюду белели их стены. Так же и внутрь страны, которая была явно горизонтальной, насколько глаз хватал, виднелись без конца эти небольшие белые домики с красными и зелеными крышами. Несомненно, это был город. Правда,

город весьма оригинальный: без фабричных и заводских труб, без улиц, без многоэтажных домов, без обычного шума и грохота, но все-таки это был город, ибо до самого горизонта мелькали в зелени дома и дома.

— Скажи-ка, Эйс, — обратился профессор к своему спутнику, когда тот подошел, — что это за город?

— Город? Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь?

— Ну, город... понимаешь... Если много домов в одном месте, высшие школы, фабрики, театры и т. д.

Но Эйс не понимал и все с большим и большим удивлением слушал профессора.

— Мне кажется, — сказал он, — я смутно догадываюсь, о чем ты говоришь, но теперь таких варварских пережитков больше не существует. Во всяком случае того, что ты зовешь городом, здесь нет, да и вообще нигде нет.

— Как нигде нет? И какие такие варварские пережитки больше не существуют? Что ты хочешь сказать?

Профессор живо вскочил, тревожно уставившись на Эйса.

— Ну, да, если я тебя верно понял, то никаких городов нет у нас. Как я сказал вчера, мы находимся сейчас в Северной гемисфере, в Первом секторе, но ты, кажется, мне совсем не поверил.

Теперь я могу вновь подтвердить: я узнал только что от здешних теи, что я верно определил вчера наше местонахождение.

— Но, наконец, скажи мне, что за народ живет здесь? Может быть, это поможет мне ориентироваться. Ты говоришь о каких-то теи...

— Здесь, как и всюду на земле, действительно живут теи.

Тут профессор припомнил, что, когда Эйс хотел употребить слово «люди», «народ», «человек», он всегда говорил «теи». Сам профессор часто употреблял это слово, но только в значении: люди.

Итак, надо полагать, Эйс ни про каких русских, немцев, французов не знает, для него существовали только теи. Он уверяет, что они всюду на земле: Городов нет... На море ни одного судна... Ни одной трубы не видно — значит, здесь нет ни фабрик, ни заводов...

— Но тогда я ничего не понимаю! — прошептал профессор. — Ничего не понимаю. Скажи, Эйс, только откровенно: не произвожу ли я впечатление ненормального человека?

И он выразительно стукнул себя по лбу.

— Дело в том, — продолжал он, — что в решительный момент на субмарине на меня напала моя обычная болезнь, о которой я тебе говорил уже. Мне стоило больших усилий сделать то, что я проделал. Но мне показалось, что морское купанье и вид солнца привели меня в себя. Я еще очень

удивлялся этому. Но теперь меня начинает брать сомнение: у меня есть некоторые опасения за целостность моего мыслительного аппарата.

— Я думаю, что ты не теи, но вполне нормален, хотя некоторые мысли у тебя и очень странные. И вообще у тебя есть ряд странностей, для меня пока необъяснимых. Например, ты спал до самого восхода солнца — часов шесть-семь.

Профессору вдруг стало смешно.

— У тебя тоже есть ряд чудачеств, — со смехом возразил он. — Я не думаю, что ты шутишь, но ведь, право же, после таких волнений, какие мы с тобой пережили, надо спать не меньше десяти часов. А ты говоришь про какие-то семь часов.

— Но дело в том, профессор, что я спал два часа с половиной.

— Два часа с половиной?!

— Два часа с половиной, а обычно достаточно двух. Взрослые теи не спят дольше двух часов. У меня появились сильные опасения сначала за тебя, но, когда я увидел, что ты спишь, дыхание и работа сердца правильны, я успокоился. Все-таки это удивительно.

— Повидимому, ты говоришь серьезно, но я могу тогда повторить только: я ничего не понимаю. А это еще что?

На горизонте в это время появилась черная точка, которая чрезвычайно быстро стала увеличи-

ваться, расти. За ней скоро выросла другая, третья, четвертая... всего пять.

Через две-три минуты можно было различить, что это были гигантские воздушные суда. Два из них стали снижаться как только очутились над берегом, остальные три направились на север, промелькнув как тени мимо зачарованного профессора и равнодушного Эйса.

— К ледяному полю, на север, — заметил Эйс.

— Почему ты так думаешь?

— У них были две белых полосы на борту. Это — знак судов, отправляющихся на борьбу с оледенением.

— Как ты мог заметить белые полосы, когда я не рассмотрел даже очертаний судов? Как велико каждое судно?

— Да три-четыре таких субмарины в роде той, на которой мы бежали, могли бы уместиться в каждом из них. Но это грузовые суда: они ходят тихо.

— Тихо?! Ты смеешься, Эйс?

— Ну, да, не свыше пятисот километров. Некоторые пассажирские делают две тысячи километров и больше в час, например, наши маленькие двухместные «метеоры».

Профессор схватился за голову и так несколько минут молчал.

— Вот что, Эйс, — вдруг проговорил он с непонятной решимостью в голосе. — Ты что думаешь предпринять сейчас?

— Моя родина находится во Втором секторе. Туда именно я и предполагаю направиться. Мне надо восстановить сначала с'еденную у меня подводным людоедом руку, а затем необходимо заняться разработкой одной схемы по установке выбрасывателей на Великом Ледяном Поле.

— Эйс, если тебе почему-либо кажется, будто я что-нибудь понимаю из того, что ты мне сейчас сказал, то ты жестоко ошибаешься. Что за сектор? Это государство или провинция? И как можно восстановить руку, если ее откусили? И где оно, это Великое Ледяное Поле, и что такое ты и я вообще сами? У меня и без того голова кружится, а ты мне рассказываешь шутки. Я думаю, что ты — серьезный человек...

— Я говорю вполне серьезно. Не знаю, какие нужны доказательства еще? Вообще я человек, который не любит шуток.

— Мне хочется тебе поверить, Эйс, но...

— Скажи мне, из какого ты сектора? У меня действительно начинают возникать сомнения, доберешься ли ты до дома. Повидимому, мне придется тебе помочь в этом.

— Меня тоже начинают брать сомнения в целостности моего мозга. Собственно, я хотел бы в... Москву.

— Это что такое?

— Странный вопрос! Москва, это — большой город с населением в пять миллионов человек, политический и научный центр Евразии, светоч нового

мира, средоточие свободы... Именно там я родился и там протекли мои лучшие годы.

Эйс с сокрушением покачал головой и участливо посмотрел на профессора, который между тем продолжал:

— По всем видимостям мне надо именно в Москву. Там есть хорошая психиатрическая больница, которой заведует мой друг. Я вижу, что провести в ней два-три месяца было бы для меня очень полезно, ибо то, что ты говоришь...

— Вот что, профессор, поверь мне, я говорю правду: никаких городов нет, нет совершенно, как ты говоришь... Москвы... Нет больницы. Вообще... поедем лучше ко мне! Там тебя быстро вылечат от всех твоих сомнений.

— В мое сознание, если оно вообще цело, начинают закрадываться некоторые подозрения. Не можешь ли ты сказать мне, какое специальное название носит эта местность?

— Это — залив Провальный. Море здесь залило часть гор. Но это было давно...

— Тогда давай пойдем пешком: я хочу все видеть сам. Провальный... Никогда не приходилось слышать о таком заливе. Итак, пойдём!

Эйс пожал плечами и заметил:

— Только имей в виду, что до моего дома больше тысячи километров.

И оба путника направились по тропинке вдоль берега.

«Теи»... Странное слово! Еще гоми — куда ни шло: что-то человеческое слышится в этом слове. А вот — теи... Откуда это? Профессор стал припоминать. Ну, конечно, теи значит — боги! Вот оно что! Ну, что ж, посмотрим, как живут эти боги.

Как профессор и ожидал, дома были на каждом шагу: через каждые тридцать-сорок метров стоял небольшой одноэтажный дом. Всюду навстречу попадались люди-теи, которые с любопытством смотрели на путешественников: высокого, сутулого, заросшего бородой профессора и однорукого, тоже косматого Эйса. Особенное любопытство выказывали дети: они откровенно заговаривали с профессором, щупали его странное одеяние, с удивлением глядели на седые волосы и голые ноги. Часто вслед за собой профессор слышал:

— Вот так пара: теи и какой-то волосатый гоми!

Профессор не обижался на подобные замечания и шел во всевозможных направлениях, но везде наталкивался на дома в зелени. Дома, соединявшиеся между собой маленькими аллеями, усыпанными гравием, производили впечатление редкой чистоты и уюта. Нигде на было видно ни пылинки, воздух был полон озона. Улицы отсутствовали.

— Рай, в котором нет экипажей, — заметил вслух профессор, — поэтому нет улиц и дорог. В таком воздухе не может быть бактерий, а значит — и эпидемий.

И верно: все жители производили впечатление не только на редкость красивых, но также изуми-

тельно здоровых людей, которым, казалось, совершенно незнакомы были болезни.

Дальше путешественники наткнулись на какое-то сооружение, которое отличалось от обычных домов оригинальной причудливой архитектурой и колоссальными размерами: казалось, оно могло вместить в себя сотню небольших белых жилищ теи. При этом здание было только одноэтажным.

Первое, что здесь увидели Эйс и профессор, была толпа ребятишек. Они рассматривали какие-то, по-видимому, физические приборы и внимательно слушали объяснения взрослого теи.

— Школа? — спросил профессор и вопросительно посмотрел на Эйса.

— Физический кабинет, — пояснил Эйс.

Профессор прислушался к объяснениям учителя. Речь шла, по-видимому, о законах лучевого давления и вообще о конструкции луча. Профессор с удивлением посмотрел на малышей, из которых старшему было не более тринадцати лет, и затем на Эйса.

— Первоначальный этап обучения, — объяснил тот, поняв безмолвный вопрос профессора.

— Ничего не понимаю, — нашелся только ответить последний.

В этом доме был еще один нижний этаж — в земле, но освещался он также солнечным светом через стеклянные потолки и только отчасти — искусственным светом. Огромные вентиляторы бесшумно вертелись и нагоняли в здание чистый озонирован-

ный воздух. В одном громадном зале нижнего этажа стояли машины. Некоторые из них были в действии. Здесь было до десятка теи, управлявших машинами.

— Пищевая фабрика, — объяснил Эйс. — Каждая община имеет такое здание — общественный дом, и в нем фабрику по выработке пищи. Ты видишь, эта машина выбрасывает коричневые шарики? Это и есть питание теи. Отсюда эти шарики по пневматическим трубам рассылаются по всему району. Также здесь вырабатывают питье и тоже рассылают таким же порядком. Каждый дом каждый день имеет свежий завтрак, такой же обед и ужин.

Из дальнейшего выяснилось, что община включает в себе около десяти миллионов теи и называется на самом деле не общиной, а «треугольником № такой-то». Дело в том, что обе гемисферы — Северная и Южная — были поделены на секторы, границы которых совпадают с меридианами. Каждый сектор идет в виде треугольника на шарообразной поверхности земли от полюса к экватору, причем вершина его, конечно, лежит у полюса. Это удалось сделать только после особенно тщательного и точного триангулирования.

В соответствии с этим и самый сектор был разбит на треугольники с таким расчетом, чтобы каждый треугольник мог вместить на себе около десяти миллионов человек. Каждый треугольник управлялся «советом треугольника», состоявшим обычно из десяти членов, весь сектор — «советом сектора», а оба

пблдушария — «советом секторов» или, как чаще говорили, «советом двух гемисфер».

На «совете гемисфер» лежала забота об общем направлении хозяйственной жизни всех теи, об издании основных положений, регулировавших отношения секторов, намечались новые большого масштаба сооружения и вообще решались вопросы, так или иначе затрагивавшие судьбы обеих гемисфер. Вся же культурная работа, школы, лаборатории, всякого рода исследования и т. д., — все это подлежало ведению сектора, общины и отдельных лиц.

Все советы переизбирались через каждые пять лет, и попадали в них лица, чем-либо зарекомендовавшие себя перед обществом.

В каждом треугольнике был «общественный дом», где сосредоточивалась вся хозяйственная и духовная жизнь десяти миллионов человек. В каждом таком доме были школы, университет, театр, необходимые фабрики, склады и интереснейшее учреждение — институт регенерации.

Все это рассказал профессору Эйс.

Профессор слушал, раскрыв рот, и лишь наполовину понимал все то, что ему говорил Эйс.

Прошли дальше. Новая небольшая комната, в которую они вошли, была химической лабораторией.

— Здесь готовится остов пицци, — вновь начал объяснять Эйс. — Ты видишь этот большой аппарат? В нем происходит концентрация жиров, без которых шарики мало полезны... Здесь аппарат

по выработке фосфорно-кислых солей и железистых соединений — веществ, питающих мозговые клетки. Углеводы теи получают главным образом в питье. Витаминны же присутствуют и в «шариках», и в питье.

— Там, под водой, «мелки», здесь шарики, — бормотал профессор. — Ничего не понимаю я в этом странном мире.

Дальше профессор был несказанно удивлен, увидев перед зданием толпу теи: они сновали от «общественного дома» к какому-то сооружению около него, нагружали вагонетки тюками, которые бесшумно исчезали в подвальном этаже дома.

— Это идет разгрузка одного из воздушных судов, что мы недавно видели, — объяснял Эйс, когда они вышли из дома. — Суда прибыли с Экваториальной Энергетической станции с грузом одежды, заряженных аккумуляторов, радиоприборов и машинных частей. Вон выгружают несколько десятков маленьких «метеоров». На одном из них мы могли бы улететь.

— Что за «метеоры»?

— Я же говорил уже: маленькие одно-, двух- или трехместные воздушные аппараты, делающие до 2000 километров в час. Сейчас они в разобранном виде. За быстроту их зовут «метеорами».

Лицо профессора делалось все более жалким, непонимающим, и все большее изумление светилось в его глазах. Ему казалось, что он вот-вот откроет подобно ребенку рот и так и останется стоять,

изображая всем своим существом одно: крайнее удивление и немой восторг.

— В общественном доме склад всего необходимого, — монотонно объяснял Эйс. — Ты хоть и просил меня молчать, но я вижу, что ты не понимаешь, и вынужден тебе рассказать.

— Да, да, я ничего не понимаю.

— Отсюда теи получают все необходимое. Пойдем и мы оденемся, наконец, по-человечески.

Изаумительно! Профессор и Эйс действительно получили по комплекту белья и верхней одежды, удивительно удобной, мягкой и красивой. Так же удобна была и обувь. Каждый из них в довершение был снабжен еще небольшим аппаратом со слуховой трубкой, который складывался и легко влезал в карман. Единственно, что в этом приборе было понятно профессору, так это — хронометр. Но оказалось, что он одновременно — барометр, определяет насыщенность атмосферы электричеством, излучает зажигающие лучи, является подзорной трубой и радиоприемником. Так рассказал Эйс, и все это он, профессор, нашел в действительности.

И за все это с них ничего не спросили, даже не заставили расписаться в получении, просто сделал какую-то отметку в книге!

Общественный дом был окружен садом, засаженным каким-то низкорослым деревом, теперь сплошь усеянным продолговатыми плодами. Плоды казались издали блестящими от покрывающего их

масла. Сад занимал в общем около десяти квадратных километров.

— Что за странный сад? — скорей подумал, чем спросил профессор.

— Здесь растет пища теи: плоды из этого сада дают необходимые для жителей треугольника жиры, которые на три четверти составляют химическую пищу.

Профессору захотелось посмотреть крайнюю пристройку к общественному дому. Там они нашли старого человека, углубившегося в созерцание каких-то записей в книге. В комнате была масса растений под стеклянными колпаками и бесконечно много солнца, вливавшегося сюда через громадные окна в стенах и крыше.

— Представьте себе, — несколько не удивившись, обратился старик к вошедшим, — завтра ровно сто лет, как я взялся смотреть за деревом ждра здесь, а, меж тем, это дерево мало изменилось за это время, несмотря на все мои старания.

— Сто лет? — удивился профессор. — Но я бы не дал тебе больше пятидесяти.

— Хе-хе! Пятьдесят! Мне двести с лишним. Я уже пять лет не пользуюсь благами омоложения и не сегодня-завтра уступлю свое место более достойному теи. Мозг мой работает уже значительно медленнее, чем раньше, да и ясность его не та. Правда, эти чудаки, все мои друзья, хотят подновить меня по случаю моего юбилея, но я-то сам не желаю.

Придет же в голову такая мысль: обновлять старую развалину!

— Значит, стоит, если твои сограждане этого желают, — возразил Эйс.

— Гм!.. Правда, уверяют, что урожайность нашего сада за последнее столетие поднялась больше чем вдвое, но ведь это говорят, это надо бы проверить. Вот здесь, посмотрите, результат моих последних опытов. Вот это новое растение дает орехи, где жиров на восемь процентов больше, чем в плодах нашего сада. Этого я действительно добился, это я знаю наверное. И ведь как просто! Еще пять лет назад...

И словоохотливый садовод начал рассказывать, как он добился успеха за эти пять лет в быстроте выращивания растения и в повышении количества жиров в его плодах, при этом он сыпал химическими формулами, специальными терминами из физики. света и т. д., что профессор едва понимал основную суть.

Вдруг речь хозяина была прервана мелодичным звоном. Садовод или, вернее, ученый, как определил его профессор, поспешно подошел к аппарату у окна со словами:

— Ну-ка, послушаем, что нового сегодня на нашей планете.

И тотчас находившиеся в комнате услышали голос, отчетливо выходящий из трубы, вероятно, радиоприемника:

— Алло! Алло! Говорит Экваториальная станция. Интересная новость! Вчера вечером, в девять часов ровно, вблизи берега в Провальном заливе в Первом секторе Северной гемисферы был замечен силуэт морского судна, какие ходили не меньше полутора периода назад. Ученые историки-этнологи полагают, что это — старая субмарина подводных жителей, вышедших на поверхность, возможно, с враждебными намерениями. Это тем более возможно, что еще недавно один общественный дом был ограблен подводными бандитами. На том берегу на утро видели двух суб'ектов в одежде гоми, то есть, подводных жителей. Береговым жителям надо быть осторожными, а береговой охране — особо бдительной. Приняты меры к выяснению личности двух неизвестных. Для сведения всех: выглядят они так...

И к несказанному изумлению и ужасу профессор на маленьком экране около аппарата увидел шагающим себя самого и рядом — Эйса. Чорт возьми! Кто же их снял и успел передать на какую-то Экваториальную станцию?

— Ничего не понимаю! — с горечью воскликнул профессор.

Старик-садовод оторвался от экрана на этот возглас и посмотрел на профессора и потом на Эйса, затем опять на экран. Он, повидимому, начал подзрывать что-то.

— Дело в том, — начал он медленно, — что эти гоми часто проявляют крайнюю враждебность по

отношению к тебе, и нередко приходится прибегать к крайним мерам вплоть до разрушения машин и их жилищ... И вы, конечно, сами понимаете, что...

— Конечно, — успокоил его Эйс с улыбкой, — мы те самые двое, о которых только что говорила станция. Но мы вовсе не гоми, побережье Провального залива может быть спокойным...

— В отношении тебя я спокоен, но вот твой спутник... У него какой-то большой живот, не совсем пропорционально развитые челюсти...

Старик остановился, но Эйс понял то, что он не досказал:

— Это какой-то троглодит.

— Нет, за него я тоже ручаюсь, — сказал Эйс. — Соединимся с Экваториальной станцией, и я передам туда еще более интересную новость.

Старик увел своих гостей в радиокomнату.

И не более полчасика спустя после этого та же Экваториальная станция, уже явно захлебываясь, кричала:

— Алло! Алло! Тайна катастрофы в Провальном заливе разъяснена! Как мы сообщали, два-три месяца назад в указанном заливе разбилась одна из воздушных машин во время бури. Оказывается, было столкновение, при котором погибло пять теи. Один из них, молодой Эйс из Второго сектора, отважный боец на ледяном фронте, оказался жив. Все это время он провел в плену у гоми. Замеченная субмарина...

И далее подробно была описана жизнь Эйса и профессора в плену у гоми.

— Ничего не понимаю, — бормотал профессор, выйдя из комнаты садовода. — Все делается с головокружительной быстротой. Давай посмотрим, как живут теи в своей домашней обстановке.

— Давай. Только для чего бы смотреть? Все это мы видели и перевидели уже много раз.

— Эйс! — серьезно воскликнул профессор. — Или я ненормальный человек, или, верь мне, я всего этого никогда не видел и не слышал. В моей памяти запечатлен иной мир. Понимаешь: иной мир!

Эйс покачал головой и загадочно посмотрел на профессора.

— Друг мой, — продолжал последний, — с этого момента не зови меня больше профессором: я щенок перед простым садоводом, а не профессор. Зови меня как хочешь.

— Хорошо, моя сестра придумает для тебя имя...

— А что этот садовод говорил про мой живот? — перебил его профессор.

— Удивлялся его величине. У теи он маленький, а у тебя несоразмерно большой. Когда-то на земле во множестве жили существа о четырех ногах, с большим животом...

— Видишь, Эйс, это новое доказательство... Я представляю себе, почему у теи небольшой живот. Для того, чтобы переварить небольшое количество шариков, не нужно ни большого желудка, ни кишек,

ни печени... Все эти органы должны быть минимальными.

— А ты разве не той же пищей питаешься?

— Да, я... действительно... Не понимаю.

Тихо разговаривая, они посетили не меньше двух десятков белых домиков. Профессор заметил их особенность: обилие в них солнца и воздуха. Окна были всюду, чуть не со всех сторон, и во всякое время дня солнце заглядывало в дом.

— Теи, должно быть, не расстаются с солнцем никогда, — резюмировал он свое впечатление.

— Только ночью, и то только потому, что они не властны подчинить себе это светило, а, наоборот, сами подчинены ему.

Профессору показалось, что Эйс при этом вздохнул.

В каждом доме жило человек по пяти. Но это не были близкие родственники: чаще всего совместно жили люди, не связанные друг с другом родственными чувствами. Родители и дети, братья и сестры, муж и жена часто жили далеко друг от друга. Только дети грудного возраста жили с матерью.

— Для совместного житья, — объяснил Эйс недоуменно профессора, — лучше подобрать людей с одинаковыми характерами. У родственников же чаще всего несходные характеры, поэтому они для совместной жизни не годятся. Но найдешь и такие дома, где живут одни родственники.

Солице уже давно перевалило за полдень. Профессор прикинул в уме пройденное расстояние: не

меньше пятнадцати километров, а впереди и кругом все еще дома и дома, через каждые 40-50 метров. Вдруг он заметил, что Эйс приложил к уху свой аппарат. Он сделал то же самое и услышал голос на полуслове:

«...рит Северная станция Второго сектора. Сестра и мать приветствуют возвращение Эйса. Справляются о состоянии руки»...

— Да, рука моя — дрянь, — со смехом сказал он. — Надо будет серьезно заняться ею.

— Разве она болит?

— Нет, но не полагаешь ли ты, что мне этот обрубок полезен?

— Значит, ты хочешь отрезать ее совсем?

— Не понимаю, зачем резать, когда ее можно подвергнуть регенерации. Я уже говорил об этом.

— Регенерации?!

— Ну, да, хирурги и химики займутся мной, и в год я буду иметь цельную руку, с пальцами и со всем прочим.

— Эйс! Не смейся надо мной! И... довольно с меня! Вези меня к себе домой: я устал от чудес. Еще немного — и я окончательно потеряю свой рассудок. Давай сюда свой «метеор»!

— Давно бы так! Но нам нужно пройти еще около пяти километров до ближайшего общественного дома, где мы только и можем достать «метеор».

Они пошли. Профессор повторял уже в тысячный раз сегодня:

— Ничего не понимаю.

Но он чувствовал, что в глубине его сознания зарождается мысль, которая, может быть, сразу делается все понятным, но ему нужны были еще доказательства.

Одно время ему хотелось остаться здесь, чтобы посмотреть, как на другой день будут чувствовать знакомого ученого садовода, но затем он махнул рукой; на первый раз у него и без того слишком много впечатлений.

Не только земля, но и небо выглядит иначе.

Профессор жил в доме Эйса уже несколько месяцев.

Самого Эйса профессор видел мало и еще меньше говорил с ним: тот все дни проводил или в бюро по разработке плана борьбы на каком-то таинственном ледяном фронте во Втором секторе, или в «институте регенерации», где производились тоже не менее таинственные манипуляции с его изуродованной рукой.

Кроме Эйса в доме жили еще его мать и сестра Ли. Четыре дня Ли проводила дома, а на три улетала для занятия археологией и древнейшей историей.

Мать Эйса была свежей и красивой женщиной, которой тем не менее было уже свыше восьмидесяти лет. Когда профессор узнал об этом впервые, он не нашелся, что сказать. Изумление его было столь велико, что все рассмеялись.

— А я полагал, что ты сестра Ли, а не мать, — нашелся он только сказать.

— Нет, милый профессор, я уже два раза была в «институте регенерации». Два раза подновляли мою печень и один раз почки.

Профессор сделал жалобную рожу и сказал:

— Я надеюсь, что когда-нибудь пойму все это, но теперь...

С двухлетнего возраста начиналось развитие каждого тей — развитие физическое и интеллектуальное. И так продолжалось приблизительно до 17 лет, пока тей не усваивал минимум знаний.

С 17 лет все тей обоих полов начинали проводить какую-нибудь общепользную работу: работали где-нибудь на фабрике, на заводе, на складе и т. д. Но работа эта сводилась, главным образом, к наблюдению за машинами, и желающих работать было так много, что устанавливалась очередь. Продолжительность этой работы не превышала 2-3-х часов в неделю, все же остальное время являло собой досуг. Одни использовали свой досуг для чистого спорта, другие — для научных работ, исследований, третьи — для занятия музыкой, живописью, скульптурой, писательством, четвертые путешествовали и т. д. Особые экспериментальные институты еще с малых лет начинали следить за тей и к 17 годам верно и точно определяли, к чему больше всего способен данный субъект, где он больше всего может преуспеть. Поэтому каждый человек был на месте.

Профессор вскоре заметил, что поэзия, как форма искусства, совершенно исчезла, но это, вероятно, отчасти потому, что и прозаическая речь теи была полна ритма и музыки.

— Поэзия была уместна при младенческом состоянии человечества, — думал он, — она являла собой символ его юности и... глупости. Но теперь она была бы анахронизмом, столь же смешным, как смешон был бы троглодит среди ботов. В роде, например, я...

Профессор целые часы просиживал с Ли, постепенно осваиваясь с мелодичным языком теи. Он много рассказывал ей из далекого прошлого, описывал картины городов, полей, пустынь, непроходимых лесов, полных зверей, общественных отношений и т. д., сам едва веря тому, что рассказывал.

— Эйс на моем месте сказал бы, что из тебя вышел бы великолепный писатель, — часто говорила профессору Ли во время этих бесед, — но у меня к этому какое-то другое отношение.

Рассказал он также свою жизнь у гоми, странную влюбленность в него Нифе, которую он тем не менее покинул без сожаления...

Беседы эти постепенно сблизили обоих.

— Теи спят всего два часа! — поражался всегда профессор.

К этому последнему обстоятельству он никак не мог привыкнуть и не раз задумывался над ним. Сам он добился того, что мог удовлетворяться пятичасовым сном, но никак не меньше. В самом деле, что

такое сон? Это — отдых от усталости. А что такое усталость? Болезнь, от которой организм должен излечиться, результат жизнедеятельности его перед этим. Откуда же берется этот яд, который парализует надолго работу нервной системы, вызывает чувство усталости? Несомненно, из крови, которая питает мозг, а кровь зависит от рода пищи. Химические шарики теи таковы, что они, повидимому, не содержат в себе никаких ядовитых веществ, кровь теи чище, питание нервной системы совершеннее... Ясно, что и сон должен быть короче.

Но тогда чем же объяснить, что вот он, профессор, питается теми же шариками, что и теи, а все-таки спит пять часов?

Так часто раздумывал профессор над этим обстоятельством и всегда в конце у него возникал этот неизменный вопрос.

Беседы с Ли постепенно знакомили его с целым рядом совершенно непонятных ему сначала вещей. Ум ее отличался острой наблюдательностью, и профессор часто спрашивал себя, почему она не натуралист, не исследователь, а археолог, где, казалось, требуется прежде всего вдумчивость и осторожность, а не простое наблюдение.

— Ничего не поделаешь, — со смехом ответила однажды Ли на недоумение профессора, — такую специальность посоветовал мне Институт Экспериментальной психологии, и я послушалась его совета. Я не испытываю разочарований пока и весьма довольна своей работой. Могу уверить тебя также, что

и мнение высоко ученых теи о моей работе благоприятно для меня.

Дом Эйса стоял на берегу широкой реки, которая спокойно катила свои воды в нескольких десятках шагов от окон комнаты профессора, но никогда, ни в одну пору дня не видел профессор, чтобы из воды вдруг выпрыгнула речная рыба, сверкая серебром чешуи, и не слышал характерного рыбьего плеска. Река была спокойна, только ветер иногда поднимал на ее поверхности рябь и волнение, сопровождавшиеся шумом.

Зато над рекой часто кружились «метеоры» и другие воздушные суда, наполненные людьми до отказа. Особенного оживления достигал воздух над рекой вечером, тотчас после заката солнца. Профессор часто слышал пение, музыку, которые в одинаковой степени были мелодичны, но часто непонятны и чужды ему. Одно понимал профессор: в звуках пения и музыки над всем неизменно доминировал ясный призыв к жизни, радость и упоение жизнью. Иногда слышал он призыв к борьбе, но без трагизма, и никогда не слышал он унылых тягучих звуков.

— Похоже, — часто думал профессор, — что здесь не знают горя, страданий. Недаром они зовут себя богами. И в самом деле, я все больше и больше убеждаюсь в их могуществе.

— А что, — спросил он однажды Ли, — в реке так-таки действительно ничего нет? Уж очень она пустынна.

— Я полагаю, ты имеешь в виду нечто живое... Нет, зачем же, в речной воде много микроскопических организмов и многие из них не совсем безвредны. Есть еще много такого около нас, с чем надо вести неустанную борьбу за совершенство человеческой расы. В частности именно реки — наиболее тяжелое место для борьбы, ибо часто человеческое могущество становится бессильным здесь.

— Нет, я имею в виду не микроорганизмы, а существа более крупных: рыб.

Ли сначала не поняла, о чем он говорит, но когда тот в одном старинном альбоме показал ей изображение рыбы, она сказала:

— О! Эти несчастные существа давно исчезли на континентах.

— Как исчезли?! Ты хочешь сказать, что ни в одной реке...

— Не только реки, но даже океаны пусты, свободны от них, за исключением, конечно, больших глубин.

— О населении моря мне рассказывали кое-что гоми, но они сами едва ли знают истинное положение вещей. А тут оказывается...

Он помолчал, потом вдруг, точно озаренный какой-то мыслью, посмотрел на Ли.

— Скажи мне, Ли, — начал он. — Я долго бродил там... Здесь изъездил весь край... Меня посетила странная мысль, сомнение... Дело в том, что я нигде не видел — ни на берегу моря, ни в горах, ни здесь, у вас, — не видел ни одного животного.

Неужели их тоже нет, как нет рыб в речных водах?

— Увы! Это очень печально, но неизбежно: они сыграли свою роль. Только в зоологических парках остались некоторые экземпляры. На земле тесно, слишком тесно. Даже людям. Каждый клочок на поверхности на счету. Долины, верхушки и склоны гор, малодоступные скалы заселены. Обе гемисферы до границы оледенения заселены. Животные уступили свое место людям.

Тут профессор вспомнил многочисленные дома, которые он видел по пути от моря сюда... Нигде действительно не видел он пустого места: все было занято под солнцем!

— Теперь я понимаю, — задумчиво сказал он, — почему вы употребляете при изготовлении пищи не животные, а растительные жиры...

— А разве ты видел когда-нибудь, чтобы люди действительно пожирали животных? По-моему, это отвратительно!

И на лице ее действительно появилось брезгливое выражение.

— Я не знаю, — смутился профессор. — Я видел... Нет, мне кажется, я сам употреблял животных в пищу... Только не понимаю... Все это, конечно... Потом видел, как пожирали акулу...

— Я считала тебя существом более высокого порядка, чем гоми... Какое отвратительное занятие!

— Ли, извини меня... Я не знаю, что говорю. Если хочешь, я тебе все расскажу... Ибо у меня голова

кружится от всего, что я узнал. У меня постоянно другой мир в голове, я ничего не понимаю из того, что вижу и слышу. Мне нужна помощь, чтобы во всем разобраться... Или я погибну: мой рассудок не выдержит такого напряжения мысли.

Но в это время как раз пришел Эйс с крепко забинтованной рукой и принес с собой сверток.

В свертке оказалась великолепная географическая карта, которая сейчас же была водворена на стену. Эйс тут же отметил крестом место на берегу голубой извилистой ленты — реки.

— Здесь мы живем, — добавил он.

Профессор возрился на карту, но она была ему мало знакома, за исключением некоторых рек, которые вызвали в его памяти исчезнувшие картины.

— А вот залив Провальный, — продолжал Эйс, — где мы с тобой покинули субмарину гоми. Это Первый сектор. Мы живем несколько восточнее — во Втором секторе.

— Эйс, не можешь ты мне сказать, что означает вот эта странная ломанная линия, которая проходит здесь, приблизительно на высоте 62-63 параллели?

— Это крайняя граница оледенения.

— Оледенения?

— Ну, да, льды спустились из полярных областей, и Великое Ледяное Поле покрыло весь север 22 секторов.

— Подожди-ка, Эйс. Ведь оледенение было давно. Я помню... Это был момент появления человека на

земле. Он пережил это леденящее дыхание смерти и дал начало выносливой человеческой расе, впоследствии завладевшей всем земным шаром. Но ведь это было десятки тысяч лет тому назад, и человек тогда жил в пещере, по ледяным полям шествовал мамонт и олень...

— Это всего только новая катастрофа, постигшая теи.

— Так...

Профессор растерянно смотрел на собеседников. Ли тронула его за руку со словами:

— Не печалься, пещерный житель, скоро все объяснится.

— Дети, пришел ужин, — торжественно заявила мать Эйса, которую звали Диа-ма.

Частицу «ма» прибавляли к своему имени все замужние женщины теи; ма обозначало «мама». Ни у кого из теи не было вообще фамильных имен, все довольствовались только собственным коротким именем. Только за пределами своей общины теи прибавляли к своему имени: «из такого-то треугольника», а за пределами своего сектора — N сектора.

Ужин был извлечен из пневматической трубы и водружен на стол. От шариков и небольших бокалов с розовой жидкостью шел восхитительный аромат. Ужин был подан в миниатюрном количестве. В нем, казалось, не было ни одного лишнего атома — лишь ровно столько, сколько нужно для питания взрослого организма.

Но профессор уже привык к этому и всегда в этих случаях не без презрения посматривал на свой большой живот. Какой он урод в самом деле в сравнении с этими теи! Недоставало еще, чтобы он как-нибудь об'елся.

Пока шел ужин, откуда-то, вероятно по радио, доносилась мелодичная музыка.

— А есть у вас общественные столовые? — спросил профессор.

— Когда-то они были, но теперь их нет, — ответил Эйс. — Ведь чувство голода — чувство низшего порядка, и еда — грубое, неэстетическое занятие. Лучше уединиться с этим грубым занятием. Есть много теи, которые стараются кушать в совершенном уединении.

Миниатюрная посуда после ужина была поставлена на старое место и ушла по пневматической трубе обратно: там ее вымоют машины-рабы и не водой, а химическим способом.

Профессор за ужином был рассеян и почти не отвечал на обращенные к нему вопросы: у него не выходило из головы оледенение.

Затем все вышли на веранду, уставленную мягкими кушетками.

Был уже поздний вечер.

Профессор рассуждал над тем, что ему до сих пор пришлось узнать. Неведомое и великое налегло на него, придавило его, словно он впервые посмотрел в телескоп и потерялся перед бесконечными далями мироздания, осознав все свое ничтожество.

Но вдруг внимание его было отвлечено вещью, еще менее понятной и допустимой, чем странная география Эйса: он увидел, что созвездие Б. Медведицы претерпело исключительные изменения. Может ли это быть? Какие небесные катастрофы изменили соотношение звезд этого созвездия, которым профессор любовался в детстве не менее, чем ярким созвездием Сириуса? Что все это значит?

— Эйс, смотри,—сказал он,— по этому направлению. Это Б. Медведица?

— Да, совершенно верно. Но что за вопрос?

— Что же случилось с этим созвездием, раз это Б. Медведица?

— Ничего особенного не случилось.

— По-твоему ничего? Чорт возьми меня тогда, если я что-нибудь понимаю! А, по-моему, это уже не «ковш», а чорт знает что такое! Я говорю про Б. Медведицу.

— Мне не совсем понятны твои реплики.

— Непонятны? Я и сам не понимаю. Вообще и небеса стали не менее странными, чем земля. Во-первых, друг, смотри: по какому праву три звезды, ограничивавшие «кастрюлю» со дна и внешней стороны, вытянулись чуть не в одну линию? Во-вторых, отчего это крайняя звезда ручки «ковша» почему-то свалилась вниз, а две другие сместились? Получилась какая-то мешанина, в которой я признаю Б. Медведицу только потому, что она, по-моему, в это время года и в этот час должна быть именно в этом месте. Ва! Чорт возьми! Я не узнаю знакомых со-

звезд, небо для меня незнакомо. Что произошло? Я ничего не понимаю... Это... это непостижимо. По-видимому, я на другой планете.

— Ты в самом деле не понимаешь этого?

— Отдайте меня Моргану, если я понимаю.

— Но ведь это же просто: все эти изменения в созвездии происходят по определенным законам. Я удивляюсь, почему ты не знаешь той простой вещи, что все в мире находится в движении. Не будет же созвездие Б. Медведицы покоиться, чтобы составить ненужное исключение из общего правила: звезды его тоже имеют собственное движение и притом в разных направлениях.

— Я ничуть не обижаюсь твоему замечанию, потому что этот закон мирового движения известен и мне. Но для того, чтобы звезды так далеко ушли от своего первоначального местоположения, нужны тысячелетия, десятки тысяч лет.

— Да, десятки тысяч лет.

— Ну?

— Что ну?

— Но ведь я знаю созвездие Б. Медведицы в ином очертании!

— Я тоже могу нарисовать себе, как оно выглядело тысячи лет назад и как оно будет выглядеть через тысячи лет. Оно даже может совсем исчезнуть: солнечная система умчится к созвездию Геркулеса, а созвездие Б. Медведицы уйдет еще куда-нибудь, вернее, члены его разойдутся в разные стороны по небу.

— Ты меня не понимаешь: одно дело нарисовать, как были расположены звезды раньше, а другое дело — видеть это в природе.

— Я согласен, что здесь есть разница.

— Вот я-то как раз и видел, что звезды были расположены совсем иначе. Дай я тебе нарисую, как я видел В. Медведицу раньше.

Через три минуты общий контур созвездия был готов, при этом звезды были обозначены греческими буквами. Эйс внимательно рассмотрел чертеж, имевший вид «ковша».

— Да, я припоминаю, что я в какой-то книге по астрономии видел подобный рисунок В. Медведицы, — заметил он.

— Да не в книге, чорт возьми, а я собственными глазами видел подобное расположение звезд В. Медведицы на небе!

Эйс посмотрел на профессора сначала удивленно, но, подумав, сказал:

— Я по всему вижу, что ты не совсем похож на нас, наземных жителей земли, и еще меньше похож на гоми. Но тем не менее мое крепкое убеждение — ты сегодня не выпался. Я заметил, что тебе надо спать не менее 7-8 часов, чтобы вновь приобрести ясность мышления и свободу мускульного движения. Мне для этого достаточно двух часов, ты же сегодня...

— Я не хочу спать! — заорал профессор. — Я выпался так же, как и ты. Но какая катастрофа,

скажи мне, случилась в небесах, что вдруг были нарушены пути звезд?

— Какая катастрофа? Никакой катастрофы не было, по крайней мере в нашей части вселенной.

— Ну, тогда я ничего не понимаю.

— Я и говорю: тебе нужен дополнительный отдых.

— Не надо шуток: мне надо знать правду.

— Я правду говорю, ибо, уверяю тебя, твои подозрения относительно небесных катастроф неосновательны. Небесные тела не остаются вечно на одном и том же месте, они понемногу меняют свое положение относительно земли. Ты посмотри внимательно: и другие звезды на небе должны были изменить свое положение в небе, очертания созвездий нарушились и продолжают нарушаться...

— Что ты мне читаешь урок по космографии? Я и сам это знаю. Но для того, чтобы подобные изменения могли быть заметны с земли, нужны многие тысячелетия.

— Верно.

— Но в моей памяти встает несколько иная картина неба, чем теперь; я убежден, что я видел ночное звездное небо иным.

— Ты сейчас в несколько экзальтированном настроении. Просто ты в детстве читал книгу, где была изображена картина неба давно минувших веков, и эта картина врезалась тебе в память. Болезнь или потрясения временно лишили тебя памяти, может быть, даже у тебя на время прекратились вообще

всякие мыслительные процессы. А теперь вот тебе кажется, что ты видел в природе созвездие Б. Медведицы иным, чем теперь. На самом же деле ты видел его не в природе, а в книге. Ибо не может же быть, чтобы ты жил тысячелетия назад, как цельный индивидуум.

— Повидимому, твои рассуждения правильны, но какое-то внутреннее убеждение говорит мне, что это не так. Рассудок, конечно, отказывается признать возможным существование отдельного человека в течение тысячелетий, но там, под водой, я склонен был не доверять рассудку. Некоторые факты... Я тебе когда-нибудь расскажу о них. И то, что ты мне рассказал до сих пор...

— Ложись, профессор, вновь на кушетку и отдыхай: поговорим как-нибудь потом об этом.

Но тут в разговор вмешалась Ли, внимательно рассматривавшая чертеж Б. Медведицы, сделанный профессором:

— Нет, Эйс, тут что-то не так. Я давно заметила, что наш друг — существо иного порядка. Есть ли человек на земле, который бы не знал нашего языка? А он ведь не знал его, должен был изучать. Он не знал также и языка подводных тварей. Его странные вопросы об исчезнувшем, удивление перед тем, что он видит, абсолютное незнание условий жизни тей... Нет, что хочешь, а профессор являет собой пример... пример...

— Ну, чего пример?

— Он особенный, совсем особенный. У меня такое впечатление, что он явился к нам из тьмы прошлого.

— Уж не думаешь ли ты, что он — один из тех, которые улетели период тому назад на Венеру?

— Не смейся, Эйс. Я больше вижу, чем ты. Расскажи нам, профессор, еще раз о всей твоей жизни под водой.

— Я уже просил не называть меня профессором, — возразил профессор с горечью.

— Хорошо, мы потом, может быть, придумаем имя для тебя. Пока же рассказывай.

И профессор подробно рассказал все, начиная от своего первого ощущения в Зеленом дворце, все свои разговоры с Чоном, свои собственные подозрения и сомнения, про свою странную болезнь, про двойственность сознания... Затем он подробно начал описывать тот мир, который удержался в его памяти: большие города, железные дороги, шумные бурливые реки, песчаные пустыни, непроходимые леса, разных животных... Конечно, все это было описано сбивчиво, неполно, но все-таки картина получилась в достаточной степени яркая.

Слушатели, затаив дыхание, внимали профессору все с большим и большим интересом. Это было столь интересно, что они даже не заметили, как прошла ночь. Рассказ профессора походил в значительной степени на сказку, но ни Эйс, ни Ли не сомневались, что профессор был искренен, когда говорил:

— Я действительно был профессором, занимался исследовательскими работами. В это время началась война. Это я отлично помню. Потом моему воображению рисуется пещера... Я там что-то нашел, кто-то был около меня... Последнее, что я помню, это — чудовищный гул и облако ядовитого газа, которое тихо подкатывалось ко мне... Затем Чон и все остальное, о чем я рассказывал.

— Ты — анахронизм, пережиток, — со смехом сказала Ли, когда профессор кончил. — Ты описал нам картины каменного века, когда человек еще не вышел из состояния, близкого к состоянию зверя. Ты — пещерный житель... Но все-таки это очень странно...

— Нет, каменный век кончился до меня за пять тысяч лет, — запротестовал профессор. — Аэропланы, железные дороги, электричество в мое время... Кстати, какой год сейчас? Если предположение Ли верно, будто я...

Ему самому было смешно предположение Ли.

— Сейчас — конец восьмого тысячелетия на третий период.

— Такое летоисчисление мне не совсем понятно.

— Как ты не понимаешь простых вещей? Период включает в себе десять тысячелетий, два периода — 20.000 лет, сейчас 27.998-й год.

— Откуда же ведется это летоисчисление?

— От того момента, когда на земле впервые была установлена непреложность истины: отныне на планете Земля каменный век кончился, ни один че-

ловек не пользуется каменными и кремневыми орудиями производства. Конец каменного века — начало нашей эры.

— Ну, значит, я тогда — троглодит, ибо я помню, что многие жители Арктической области, Тихоокеанских островов, Австралии и Ю. Америки пользовались в мое время каменными орудиями. Но, конечно, невероятно, чтобы с того момента прошло двадцать восемь тысяч лет.

Все переглянулись между собой и замолчали, точно они прикоснулись к тайне, которую не следовало раскрывать.

— Все это достойно внимательного изучения, — тихо проговорила Ли.

— Вот и займись этим, это твоя специальность, — ответил Эйс. — Но рекомендую сперва побывать в нашем опытном институте, чтобы тебе зря не тратить времени. Я уверен, что все окажется значительно проще, чем тебе это казалось. Никаких тут каменных периодов нет.

— Ты очень самоуверен, Эйс, — недовольным тоном остановила его Ли. — Непонятные явления не решаются так просто.

Занималась заря.

Экскурсия в музей древностей.

Первым делом профессор под руководством Ли начал обзор музея древностей. Это было сделано с умыслом: Ли хотела окончательно убедиться в своем

предположении, но для этого нужно было освободить память профессора от досадных «провалов», которых у него, казалось, было чересчур много.

В музее профессор нашел целый ряд поразительных вещей, которые всколыхнули неожиданно дремавшие участки его мозга, ведавшие памятью. Он тут прежде всего нашел две египетские мумии в саркофагах с пометкой у каждой: *Egiptus*. Одна из мумий оказалась известным профессору фараоном, и он с увлечением начал описывать жизнь древнего Египта, его расцвет, гробницы фараонов, пирамиды, египетское искусство, промышленность... В музее были не они одни — профессор и Ли, а и другие посетители. Привлеченные громким голосом профессора, они все столпились около него.

— Это было еще за три тысячи лет до нашей эры, — с увлечением рассказывал профессор. — Все человечество тогда уместилось в одной части света Азии, да и то в южной ее части, да в северной Африке, главным образом по реке Нилу. Страна эта называлась Египтом: тут написано, как вы видите. Да, и тогда по Азии бродили полчища четвероногих хищников — львов и тигров, еще больше их было в Африке: они безраздельно господствовали над всей Африкой с ее пустынями и лесными джунглями.

Затем профессор начал описывать эпоху падения Египта, войны, переселения народов из Азии в Европу.

— Вот она! — закричал он не своим голосом, бросаясь к стене, на которой точно была изображена

карта Европы и Азии. — Вот отсюда, из Азии, через Кавказ и только отчасти — через Прикаспийские степи шли в Европу полчища народов. Когда в Европе культура поднялась на довольно значительную высоту, сюда в поисках приволья устремились многочисленные племена варваров, огнем и мечом прокладывая себе дорогу к лучшим местам под солнцем. История отметила два наиболее значительных...

И опять перед удивленными теями выросли сцены и дела давно минувших дней — Римская империя, ее расцвет и гибель.

Постепенно они двигались по музею, и профессор вновь и вновь узнавал знакомые предметы и все говорил и говорил. За своей спиной он часто слышал перешептывания:

— Удивительно красиво описывает! Ни в одной книге нет того, что он рассказывает. Откуда он?

Профессор вновь остановился перед громадной картой Европы и Азии в том их виде, в каком он знал их. Он стал внимательно всматриваться. Тут же рядом висела другая карта. Разницы между ними как будто не было, но вдруг его удивило совершенно пустое место, где должны были быть Великобританские острова. На другой карте они были. Он несколько минут молчал и теперь с удивлением посмотрел на Ли.

— Куда девались острова, хочешь ты спросить? — спросила она с очень довольной улыбкой.

— Нет не это: я спрашиваю себя, почему их не нарисовали. Это непростительная небрежность.

— Мой дорогой Троглодит, зачем же рисовать то, чего уже давно нет?

— Что ты говоришь?

— Я очень довольна твоим удивлением, ибо оно подтверждает мое первоначальное предположение. Эти острова смыты водой. Вглядиись внимательно в карту и ты увидишь еще кое-что.

Действительно, профессор не нашел на новой карте многих рек, отдельных гор, изменились очертания морей, заливов. Почти нигде на громадном материке Евразии не нашел он ни одного голубого пятна — озера.

— Тоже исчезли, — подтвердила Ли, заметив его немой вопрос.

Кавказ оказался разорванным посредине голубым, широким рукавом. Профессор снова посмотрел вопросительно на Ли.

— Залив Провальный, где вы бежали от гоми, — заметила она.

— Но ведь это — Кавказ.

— Совершенно верно: так назывался в древности этот хребет.

— Откуда же там залив?

Профессор увидел, что этот залив шел от Черного моря к востоку, захватывая Закавказье и часть Анатолии, затем круто поворачивал к северу, заканчиваясь у самого хребта тупым широким концом.

— Геологическая катастрофа, — объяснила Ли. — Еще больше двух периодов назад началось понижение берега древнего Кавказа. Это происходило, по видимому, в результате деформаций внутри земной коры; на протяжении всей человеческой истории там происходили непрерывные землетрясения. Море шаг за шагом проникало на сушу, пока не произошло чудовищного обвала земной коры в этом месте. Тогда вода ринулась, и образовался залив, прозванный Провальным. Это было два периода назад. Пожалуй, даже больше: 23.000 лет назад.

— Ли, знаешь, я сам посвятил себя когда-то изучению земной коры. Геология — дисциплина, наиболее мне близкая и дорогая. И то, что ты говоришь, меня несколько не удивляет, хотя ты, может быть, и ожидала моего крайнего удивления. Старая человеческая привычка — поставить себе подобного в тупик, вызвать у него изумление!.. И раньше были на земле подобные явления, и раньше море трансгрессировало не раз на континенты, но свидетелями этих грозных, величественных явлений были только небеса. А тут, оказывается, совершались геологические перевороты на глазах людей... Но я положительно помню, что в области Кавказа не было никакого залива. Это наводит меня на размышления... Впрочем об этом после... Когда же в таком случае были воздвигнуты города гоми и как они уцелели в течение такого длинного промежутка времени?

— Это — печальная глава человеческой истории, — заметил один из внимательных слушателей

профессора. — Начало заселения береговой морской области можно отнести почти к первым тысячелетиям нашей эры. И тогда это были не гоми, а просто люди, такие же, как и мы. Разделение произошло позже, значительно позже.. Это — ветвь человечества, и вражда, как и всегда, начала и продолжает работу по отделению гоми от основного ствола рода homo.

— Ну, скорее не вражда, а внешние, чисто объективные условия, — возразил другой слушатель. — Как можно, живя без солнца в течение тысячелетий, переюса вечный ревматизм и болезнь легких, остаться верным человеческой природе? А ты говоришь: вражда!.. Нет, законы эволюции были и остаются неизменными. Вражда — явление приводящее...

И здесь начался спор, очевидно, столь же старый, как и вопрос о разветвлении человеческого рода. Профессор с интересом прислушивался и как раз в этот момент заметил с изумлением, что он окружен толпой по крайней мере в две сотни теи.

— Они все слушали твои объяснения о доисторических временах, — объяснила Ли, внимательно наблюдая за профессором.

— О доисторических? — обиделся профессор.

— Ну, да, ведь большинство людей пользовались тогда изделиями из кремня и обожженного дерева. Гунны, нападавшие на Рим, имея в качестве оружия каменные и бронзовые топоры, — разве же это история? Как жили тогда люди? В землянках и под открытым небом, ели сырое или плохо прожа-

ренное мясо или даже — себе подобных... Каннибалы, троглодиты! А тебе все это кажется историей...

— Милая Ли, ты, конечно, как всегда, права. Я теперь припоминаю момент истории, наиболее мне близкий. Я понимаю, отлично понимаю уже, почему он мне так близок и так хорошо знаком, но об этом после... Это было две тысячи лет спустя после расцвета могущества Рима... Да, тогда, надо вам сказать, летоисчисление имело под собой религиозную основу. Итак, две тысячи лет спустя после расцвета Рима люди пожирали друг друга, миллионы их не знали, что такое железо, были подобны зверям. На необъятных просторах земли, где свободно рыскали четвероногие хищники и нехищники, негде было спрятаться бедному человеку — царю природы, ибо всюду проникала жадная рука цивилизованного людоеда. Тогда существовал странный институт собственности на землю и ее недра, на воздух и воду, на все средства производства. Так что, вы понимаете, один мог владеть многим, а миллионы — ничем, кроме голодного желудка, вот такого большого, как у меня. Тогда же существовал еще один отвратительный институт — институт «людей-лекарств». К этому моменту половина земного шара, а на нем — большая половина человечества перешла уже к иным, высшим условиям существования, но на остальном пространстве земли господствовал еще варварский режим. Там среди неимущих классов населения выбирали наиболее здоровых и молодых людей, которые должны были отдавать свою здоровую кровь одряхлевшим

от излишеств и безделья богатым людям, то-есть, имевшим в своем распоряжении фабрики, заводы, мастерские, землю, воду, воздух — одним словом, все. Это носило очень невинное название: «переливание крови». На самом деле это была поистине настоящая эксплуатация, когда имущий, в буквальном, а не переносном смысле слова, пил кровь своего неимущего брата. И он, этот имущий паук, жил долго, хотя и бесполезно, а несчастные «люди-лекарства» умирали от старости и истощения, не дожив и до 25 лет. Такова была система рабства и насилия! Еще задолго до этого жили на земле дикари. Так вот людоед-дикарь беспрерывно воевал с себе подобными. Он в равном поединке убивал своего богатый, цивилизованный дикарь содержал для себя множество безоружных людей и пил их кровь *много раз*, чтобы продлить свою бесполезную, преступную жизнь. Вы понимаете, что я хочу сказать? Пещерный житель был более цивилизован, чем спустя много тысяч лет богатый человек, уже имевший в своем распоряжении почти все силовые ресурсы природы.

Так было... Две тысячи лет спустя после того, как Рим стал средоточием мировой культуры.

Тут профессор поспешно направился к выходу.

Но зачарованная толпа теи, состоявшая наполовину из подростков, вдруг сдержанно зашевелилась, слышались отдельные голоса:

— А когда же лекция? Неужели на сегодня уже все кончено? Какая досада! Ведь не часто придется слышать такие рассказы!

— На сегодня ничего — завтра приходите, — ответила Ли.

По дороге домой Ли после некоторого раздумья сказала:

— Я уверена, почти на все сто процентов уверена, что ты жил во времена беспроблемного варварства и насилия! Мне только немного нужно собрать, чтобы выступить перед обществом с моей теорией.

— Я сам начинаю верить, — возразил профессор, — ибо ваш музей меня убеждает в этом.

— Ты непременно должен завтра подробнее рассказать об этой переходной эпохе — от варварского капитализма к современной эре. Мне все кажется, что ты жил именно на этом рубеже, ибо и знания у тебя солидные, и сам ты в своей организации...

Время шло.

Профессор в сопровождении Ли, а чаще всего один, каждый день являлся в музей и старательно изучал его отдел за отделом. Он узнавал здесь давно вышедшие из употребления машины, которые, однако, профессор это хорошо помнил, в его время были в большом ходу, с благоговейным почти интересом трогал полуистлевшие ткани из шелка и шерсти, смотрел на чучела исчезнувших домашних и диких

животных, видел потемневшую живопись и многое другое.

Профессор был разбужен. Память воскресила ему давно исчезнувшие картины прошлого.

И всякий раз неизменно красочным рассказам профессора внимало столько людей, сколько мог вместить музей. Специальные радиоприборы разносили его речь на сотни километров от музея, и отовсюду неслись самые восторженные похвалы его импровизированным «лекциям».

— Еще ни один из наших ученых не рассказывал столь красочно, увлекательно и подробно о времени, непосредственно предшествовавшем нашей эре, — была общая молва.

Даже Ли не могла удержаться от шумных одобрений.

— Ты пользуешься исключительным успехом, — сказала она ему однажды. — И твоя повесть о днях давно минувших проникнута редким знанием прошлого и искренностью. Я убеждена, что ты был свидетелем и участником небольшого куска того отдаленного времени. Мне нужны только некоторые научные обоснования, и тогда я прочту лекцию о «Человеке каменного века». О тебе говорит уже весь наш сектор, а тогда заговорит вся земля!

— Признаюсь тебе, милая Ли, что я не совсем принимаю то исключительное внимание, которое уделяется почти всем сектором моим слабым попыткам воскресить далекое прошлое. Особенно трогательны ваши студенты, которых я скорее назвал бы школь-

никами за их возраст и большими профессорами — за их знания. Но неужели нельзя воспользоваться книгами, где все это более обстоятельно описано?

— Увы, большинство книг подобного рода утрачены. Как это случилось, никто не может рассказать. Но библиотеки разрушались, постепенно исчезали один за другими языки, пока шло формирование двух рас с двумя языками только вместо многих тысяч, существовавших когда-то. Ведь ты сам как-то рассказывал про Египет, помнишь? На твой взгляд это была цивилизованная страна. А кто мог говорить на языке этих народов две-три тысячи лет спустя? Кто понимал их иероглифы? Куда девались их библиотеки? А затем Рим? Нет ничего удивительного, что спустя три периода теи еще меньше знают о том далеком времени, чем знали их предшественники. Те времена для нас — археология, а не документальная история.

— Да, верно. Я помню, если верно, конечно, что я знал те далекие времена, что я знал только двух человек на моей половине земного шара, которые могли разбирать иероглифы, и ни одного, кто бы знал более древние языки. Да, конечно, бумага тлела с веками...

— Вот видишь! Ты обязательно должен написать книгу о той далекой эпохе. Ведь то, что у нас есть по этому вопросу, представляет собой скорее легенды, чем научный материал. Но самое главное то, что очень мало людей умеют читать на одном из древних языков. И ты, конечно, поможешь разо-

браться в них. Признаться, я разбираюсь только в некоторых, да и то с трудом. Лучший лингвист обоих гемисфер профессор Сал знает в совершенстве три каких-то допотопных языка, а же только два и то неважно. Один из тех, что знаю я, положительно варварский. Он называется ру...рус...ский. Кажется, так.

Однажды Ли, одетая в дорожный костюм, зашла проститься к профессору. Последний вопросительно посмотрел на нее.

— Уезжаю искать доказательства, — объяснила она. — Наука должна доказать мне одну не совсем вероятную вещь.

— Какую такую невероятную вещь?

— Скоро увидишь.

Профессор убеждается, что можно родиться дважды

Профессор давно уже заметил одну изумительную особенность, свойственную всем теи, но больше всего — людям пожилого возраста. Эта особенность заключалась в улавливании чужих мыслей. Почти всегда профессор получал ответ раньше, чем он успевал его оформить для слуха. Как только в его мозгу мысль, вопрос, идея сформировались, тотчас же ему тонировала ответная мысль его собеседника. У некоторых лиц эта способность достигала изумительного совершенства, и профессор часто бывал свидетелем обмена весьма сложными мыслями между

двумя или даже несколькими теи при весьма незначительном участии речи.

Однажды профессор очутился далеко от дома Эйса, на берегу широкой реки.

— Ты видишь эти дома на берегу реки? — говорила профессору ответственная руководительница. — Это все «дома будущего», как их зовут. И в самом деле, разве здесь, в этих голубых домах, не готовится будущее теи? Все дома заняты детьми от двух лет и старше. До двух лет дети живут при матери безотлучно, но и здесь каждая мать и отец могут любоваться на свое чадо, сколько им угодно. Все матери, имеющие детей в «голубом доме» на воспитании, дежурят по очереди. В общем это сохраняет массу свободного времени для них. Рассказывают, что еще в незапамятные времена каждая мать была занята со своим ребенком день и ночь.

— Да, это было так, — возразил профессор. — Я помню... Скажи мне, Лес-ма, у тебя много собственных ребят?

— О, какой наивный вопрос! Конечно, только двое.

— Почему «конечно»?

— Ну, да, ведь больше нельзя иметь детей при всем желании. Одна пара родителей производит на свет всего двоих детей. Ведь на земле так тесно! Лишним теи нет места под солнцем.

И жизнерадостность, веявшая от всего существа молодой матери, вдруг исчезла, сменившись грустью.

На стене висело расписание меню. Профессор начал читать: жиров—столько-то, углеводов—столько, витаминов—столько и т. д. Питание малышей было легко для переваривания, заключая в себе, однако, все, что необходимо было для правильного физического развития. Сами малыши в это время шаррами катались с веселым смехом между кустов магнолий и рододендронов, в просвете между которыми сверкала серебряная гладь широкой реки.

— Человечество должно быть прекрасным и здоровым, — продолжала между тем Лес-ма, — поэтому мужчины или женщины, имеющие какие-либо пороки, не могут иметь детей.

— Но радость материнства ведь захочет, скажем, испытать также и женщина с слегка кривым боком? Как тогда?

— И в ясный день бывают облака на небе. Путь к совершенству не всегда ведет через розы.

Куда бы профессор ни ткнулся у речного берега, всюду он слышал веселый беспечный смех детей и лишь местами раздавался детский плач. Но это не звучало диссонансом. Совершенно верно, это она правильно говорит, что путь к совершенству устлан как розами, так и терниями. И тем не менее от того, что человечество остановилось в своем количественном росте, вовсе не видно, чтобы меркла его звезда: наоборот! А что это за оживление там?

А, оказывается, очень просто: идет погрузка школьников на большое воздушное судно. Вагонетки бесшумно скользят вверх и вниз вдоль стального

каната, погружая и выгружая там, наверху, веселую, смеющуюся детвору.

— Что такое готовится?

— Что, разве ты не слышал?

Говорит старый учитель.

— Ведь у нас сегодня событие для всего треугольника: проведем практический урок метеорологии.

Чорт возьми, стоило бы посмотреть, как десятилетние карапузы будут производить измерения на высоте тысяч метров над землей! А ведь они всего два года назад вышли из «дома будущего» для поступления в школу. Что рассказывает учитель? Верно, школьники будут измерять силу ветра, давление воздуха, определять направление воздушных течений, насыщенность воздуха водяными парами, газами, электричеством... Учитель говорит это серьезно. Дюжина руководителей на несколько тысяч детей. Надо полагать, что все это так.

Судно начало плавный и бесшумный подъем.

Профессор дошел до дому и погрузился в размышления. Видения прошлого витали перед ним. Вдруг в радиоаппарате появился световой сигнал, и затем послышался голос:

— Алло! Алло! Слушайте, слушайте, все слушайте! Сейчас будет прочитана исключительно интересная лекция о человеке каменного века, дожившем до нашего времени. Он находится сейчас во втором секторе. Алло! Алло! Говорят с Экваториальной станции. Все слушайте!

Профессор с волнением прислушался к этому голосу, шедшему из слуховой трубы радиоприемника. Неужели сейчас о нем будет идти речь? Кто это будет говорить? Он уже больше месяца не видел Ли и лишь один раз мимоходом — Эйса.

— Алло! — опять раздавалось из трубы. — Лекцию прочтет молодая студентка Ли из Второго сектора Северной гемисферы, уже около десяти лет изучающая археологию. Слушайте все — лектор рассказывает изумительные вещи.

Нечего и говорить, что и сам профессор с любопытством стал прислушиваться. Как, неужели Ли будет говорить с экватора, за тысячи миль отсюда, и он услышит ее голос? Чего достигли эти теи в течение многих веков?

Через минуту профессор услышал знакомый низкий голос Ли:

— Граждане, наперед должна сказать, что есть приемлющие мою теорию и неприемлющие ее. И в том и другом случае то, о чем я расскажу, являет собой нечто исключительное и ставит перед нами ряд вопросов, требующих своего разрешения. Мое убеждение таково, что человек каменного века действительно является остатком, живым остатком изумительно далеких времен. В самом деле, начнем с фактов. Около года тому назад воздушный аппарат моего брата потерпел аварию в Провальном заливе, о чем в свое время уже сообщалось...

Профессор слушал, затаив дыхание, описание знакомых ему событий, но все они рисовались ему

теперь в несколько ином виде. Ли останавливалась на многих мелочах его личной жизни, его портрет появлялся не меньше десяти раз на экране, отдельно появлялось изображение его носа, глаз, нижней части лица и, черт возьми, даже его большого живота! Он теперь ненавидел свой живот. Но все-таки это же бесстыдство показывать его, профессора, голым! И когда только она успела его сфотографировать? Нет, он обязательно скажет ей об этом.

Профессор долго не мог успокоиться, пока, наконец, голос Ли вновь не привлек его внимание:

«...рим научные доводы в пользу моей теории. Наука допускает, что и в те далекие времена человечество, несмотря на свой низкий уровень развития, могло знать газы, в которых организмы не подвергались разложению. Наш уважаемый геолог Мон из Двадцать восьмого сектора ясно доказывает это. Всем памятен взрыв одного баллона, который был откопан при ремонте общественного дома в родной общине Мона. При этом погибло три человека. В стальном баллоне оказался газ, который прекращал деятельность органической ткани, не нарушая ее целостности. Вспомните теперь, при каких обстоятельствах был найден наш троглодит. Он был, по видимому, выдающимся человеком своего времени, и ему была доверена какая-то исследовательская работа — я полагаю, геологическая. Произошел обвал горы, и он оказался закупоренным в пещере наедине со страшным газом, который и прекратил его жизнь. Что там был газ, это доказывается гибелью многих

гоми, которые извлекли человека каменного века из его тысячелетней могилы. Мы не можем не доверять в этом случае главе племени Чону, в плену у которого так долго томилась мой брат и живой ископаемый. Остается теперь только доказать возможность сохранения жизни в течение такого длинного периода. Вместе с древним исследователем были найдены некоторые другие предметы, в их числе — кусок урановой руды. Пещера, где профессор был похоронен в течение тысячелетий, заключает залежи урановой руды, это — несомненно: ведь вода, взятая в этом месте Провального залива, содержит emanацию радия. Мы знаем, что при некоторых обстоятельствах радий может поддерживать слабую жизнедеятельность тканей, не позволяя им разрушаться. Были ли эти условия там? Для меня это несомненно. Газ предохранил тело профессора от разложения, а радий в соединении с частицами газа и, может быть, иных элементов поддерживал в нем жизнь. Эта искра жизни была столь мала, что ее ни в коем случае не было бы достаточно, чтобы оживить весь организм. Это сделал Чон. Профессор Семи, знаток подводного мира, говорит, что у некоторых гоми сохранились изумительные химические познания, которым иногда и нам не мешало бы поучиться, отрешившись от нашего обычного перзрения к этим вырождающимся существам. Судя по рассказам моего брата Эйса и ископаемого профессора, Чон был одним из тех, в руках которого хранятся тайны веков. Он, таким образом, вторично «родил» человека каменного века.

который уже однажды был рожден женщиной. По справедливости Чон может быть назван матерью нашего профессора. Таким образом и с этой стороны моя теория не вызывает сомнений. Теперь рассмотрим другие доказательства...

Ли еще долго говорила, и убедительность ее была настолько неотразима, что, казалось, не может быть возражений. Но возражение нашлось: начал говорить, очевидно, неприемлющий теорию Ли.

— Для того, чтобы открывать истины, вовсе не нужно иметь такое пылкое воображение, как у Ли, — раздался его голос. — Скорее напротив. Молодая ученая уверяет, что явившийся из подводного мира человек пролежал под водой, в пещере, ни много, ни мало — 30.000 лет. Оставляя в стороне невероятность этой вещи, я прямо ставлю вопрос: может ли быть, чтобы два существа, совершенно одинаковых, попал в совершенно одинаковые условия, вдруг, ни с того, ни с сего, претерпели различную судьбу? Вспомните, что с этим так называемым профессором был найден череп другого человека. Может ли быть, чтобы один из них погиб, а другой прожил тысячи лет? С научной точки зрения это — невероятно. Мне же кажется, что если принять многое на веру из того, что здесь было рассказано, то придется допустить, что мы имеем в данном случае нечто феномальное в области человеческой психики, своего рода атавизм. Несомненно, этот субъект — не гоми, это доказывается измерениями, но он и не теи. Мое мнение таково: психические исследования...

Это был строго научный спор, который длился очень долго и к которому, по выражению одного из участников диспута, прислушивались обе гемисферы. Профессор еще не раз увидел на экране свои губы, челюсти, лоб и этот чортов живот! Живот его часто фигурировал в споре.

— Несомненно, — уверял кто-то на далеком экваторе, — такой большой живот должен был иметь субъект, который питался растительной и животной пищей. А это было по крайней мере не меньше 25.000 лет назад. Покажите мне хоть одного теи, у которого была бы слепая кишка! А вы посмотрите на этот отросток внизу живота у профессора! Нет, это настоящий троглодит!

Профессор был изумлен: эта коварная Ли успела даже просветить его! Несомненно, это было во время сна.

Спор подходил, очевидно, к концу. Возражающих было все меньше и меньше, и теория Ли должна была одержать верх.

— Алло, друг! — услышал вдруг профессор.

Перед ним стоял Эйс, радостный и улыбающийся. Профессор обрадовался и поразился: у Эйса были две настоящих здоровых руки! Это было невероятно, но руки были обе настоящие и вооружены пальцами, тонкими и подвижными. До сих пор профессор видел у него вместо одной руки култышку, а теперь култышка вдруг точно чудом превратилась в настоящую руку!

Профессор не мог произнести ни одного слова: так велико было его изумление.

— Настоящая? — наконец, спросил он, дотрагиваясь до руки.

— Настоящая, — со смехом ответил Эйс. — Я полагаю, что ты удивился, поэтому ничего тебе не говорил раньше.

— А если бы ногу у тебя отел тогда тот людоед?

— И ногу бы восстановили.

— Но ведь это невероятно! И все органы можно так восстановить? Может быть, и сердце, и легкие?

— Все можно восстановить, за исключением мозговых клеток. Повидимому, сестра все-таки права: ты житель далекого прошлого, раз ты всего этого не знаешь.

— Теперь я в этом убежден окончательно: я спал 30.000 лет.

И профессор рассказал про диспут, который заканчивался сейчас на далекой Экваториальной станции. Затем он добавил:

— Я вспомнил, помнишь, того старого садовода на берегу. Он говорил, что ему двести лет. Правда ли это? Мне почему-то показалось, что между долголетием теи и твоей восстановленной рукой есть связь.

— Ты верно подметил: сходство есть. Люди живут сейчас не меньше 250 лет.

— Интересно знать, каким образом человечество добилось удлинения жизни? В мое время этот вопрос был почти безнадежным.

— Здесь большую роль сыграли три дисциплины: хирургия, химия и физиология. Я имею в виду регенерацию. Известно, что наиболее легко регенерируют низшие организмы. Инфузории, например, регенерируют целиком, часть червя в 3-4 кольца тоже восстанавливает целый индивидуум. Но уже ящерицы и особенно тритоны (теперь их — увы! — уже нет) могли восстанавливать только конечности. А человек был даже и этого лишен, но способность к регенерации была и у него, например, при заживлении ран. Трудями многих поколений ученых был выяснен фактор, который задерживал регенерирующую способность у человека. Он зависит, оказывается, от особого физико-химического состояния клеток, окружающих поврежденное место, например, у места отрыва руки. Были найдены особые химические средства, которые влияли на физико-химические процессы клеток, так что теперь при повреждении органа происходит не только заживление его, но и полное восстановление, если он утрачен. Наши хирурги-химики могут уже восстанавливать такие органы, как сердце и легкие. Если орган износился или поврежден, его сейчас же начинают возобновлять, и человек приобретает совершенно новый здоровый орган. Таким образом можно возобновить всего человека, «омолодить» его. И благодаря тому, что подобное омоложение производилось в течение более чем девяти периодов, человечество обладает теперь изумительной способностью к регенерации утраченных или изношенных им частей организма, и хирургам-

химикам требуется затрачивать все меньше и меньше усилий на их восстановление. Мы скоро могли бы достигнуть бессмертия, но к чему это? Человечеству мало пищи, мало воздуха, а путь на другие планеты для него закрыт. Зачем же бессмертие, если мы не можем остановить размножение? Ведь нам тогда некуда было бы деваться!

— Ага! — почти с удовольствием подумал профессор. — Хотя вы и боги, а и для вас есть невозможное.

— Сейчас размножение человечества почти приостановлено, — продолжал Эйс. — Два лица разного пола не могут произвести на свет более двух детей. А потом эта ужасная катастрофа: оледенение. Это — самая тяжелая борьба, какую когда-либо вело человечество. Даже в самые отдаленные века земной истории положение не было столь катастрофично для людей, как сейчас.

— Я часто слышал про это оледенение, но до сих пор не представляю себе, что это такое, не могу поверить. Неужели человечество вновь подвергается нашествию льдов с севера, как когда-то?

Эйс кивнул головой.

— Отправляйся со мной через неделю, если хочешь, — добавил он, — и ты увидишь лично. Мы боремся...

Итак, очевидно, случилось то, чего человечество уже давно опасалось: оледенение. Но странно, неужели могущество тей не преодолело препятствий к переселению на другие планеты?

Это был очень интересный вопрос, и профессор попросил Эйса рассказать все, что Эйс знает про судьбы человечества за 30.000 лет.

Немного истории

Итак, профессор теперь был твердо убежден, что его сказочный сон длился около 30.000 лет.

Тридцать тысячелетий!

Невероятное было фактом: он видел совершенно новое человечество, новую, такую незнакомую и в то же время столь родную ему мать-планету — Землю. В беге времен сильно изменился ее лик: исчезли одни и возникли другие горы, потерялись, иссякли реки и озера, моря изменили свои очертания, одни острова были смыты, другие поднялись вновь из воды... Сколько грандиозных изменений на земной поверхности, сколько катастроф! Земля казалась профессору сказочным, живым телом, которое постоянно дрожало, пульсировало; а когда еле заметная пульсация переходила в глубокие вздохи, то моря перекатывались на сушу, освобождая свое дно, или могучие землетрясения потрясали, казалось, неизбежные основания нашей планеты.

Еще в Зеленом дворце закралась в его мысль подозрения о его бессознательном состоянии. Ему казалось тогда, что это состояние странного «сна» длилось несколько лет. Но теперь...

Теперь он видел, какие глубокие изменения произошли на земле, и мысль ученого подсказывала

ему, что для своего завершения эти изменения во всяком случае потребовали многих веков. И как ни невероятен «сон» в течение десятков тысяч лет, но его надо признать и, если можно, объяснить.

В самом деле, профессор отлично помнил, что в вечно мерзлой почве Сибири когда-то были найдены мамонты. Мамонты давно уже исчезли, только костяки их попадались в земле, и знатоки определяли, к каким существам принадлежали они. Однако, однажды был найден мамонт не только в виде костяка, а с кожей и волосами — труп. Этот труп пролежал по крайней мере десятки тысяч лет в земле и весь сохранился почти нетронутым. Если это произошло с мамонтом, то почему не могло того же случиться и с ним, профессором? Он был законсервирован газом в глубокой пещере, полной урановой руды. Воздух там не имел бактерий, следовательно, там некому было произвести разрушительную работу. Вот теперь профессор оживлен. Кем же? Представителем вырождающейся половины человечества! Чон произвел с ним манипуляции, которые не по силам были даже для тен.

Меж тем, пока профессор думал на эту тему, Эйс толково и внятно рассказывал ему земную историю, придерживаясь, главным образом, фактов. Конечно, Эйс может уверить его, профессора, что все это гораздо лучше сумела бы рассказать Ли, она этим специально занимается. Но Ли нет здесь, и раз профессор желает...

Итак, с того момента, как профессор жил, прошло около 30 тысячелетий. Почему профессор именно столько насчитывает? Ну, да, ясно, ведь счет веков теи начали вести с тех пор, как на земле кончился каменный век. Профессор полагает, что еще около двух тысячелетий после его смерти каменные орудия не выходили из употребления. Возможно, что это и так, Эйс ничего не имеет против. Но факты все-таки таковы.

Законы биологии неумолимы, выводы их беспорны, а биологи уже давно утверждали, что на земле будет нечто, подобное тому, что профессор видел теперь. Он успел прочесть две-три книги, которые дополняли то, что ему рассказывал теперь Эйс.

Действительно, Ли глубоко права, утверждая, что он — троглодит. Ну, как может он оспаривать это утверждение, когда в его время на самом деле каменный век еще не закончился? Огнеземельцы, жители внутренней Австралии, южной Африки, арктических областей обретались еще на положении пещерных жителей, ели сырое мясо и как дикие звери кочевали с места на место в поисках пищи. Ведь положение их не лучше положения ледникового человека, и какое значение имели всевозможные радиоизобретения, достижения техники и науки, если наряду с этим на земле существовали подлинные дикари? А войны? А варварство капиталистической культуры? А революции? Все это потрясало человечество, и оно топталось на месте, двигаясь вперед черепашным шагом: три шага — вперед, два — на-

зад. Немудрено, что теи совсем не принимают в расчет нашего времени при летоисчислении: для них он, профессор, со всеми его научными познаниями, — троглодит, варвар с большим животом и большими члестями, а время его — доисторическое.

Да, но человечество все-таки двигалось вперед. В муках рождалось оно, совершенствовалось, истекая кровью, и... увеличивалось в числе! Да, ни войны, ни эпидемии не могли остановить победоносного шествия человеческого рода по пути завоевания земли. Оно увеличивалось медленно, не больше, чем на один процент ежегодно, но все-таки через каждые сто-двести лет оно удваивалось в числе.

Животный мир шаг за шагом уступал свои позиции: человек постепенно занял непроходимые джунгли, пала под его безжалостной рукой тайга, исчезли, были осушены многочисленные болота. Из недр земли извлек человек воду на поверхность земли и превратил безжизненные пустыни Африки и Азии, безводные каменистые плато внутренней Австралии в цветущие густонаселенные страны.

Но эти гигантские завоевания человеческого духа сделались возможными лишь после того, как человечество в невероятно тяжелой борьбе изжило свою собственную алчность, стремление к эксплуатации одного человека другим.

Животный мир был оттоенен в заполярные области: только там сохранились дикие животные. В небольшом числе жили они также за линией вечного снега в горах. Ниже этой линии даже малодоступные

скалы и горы, ущелья и долины были заселены постепенно человеком.

Был один момент, когда, казалось, человечество вот-вот должно будет уступить перед неразрушимой преградой и, может быть, погибнуть: вдруг иссякли силовые ресурсы на земле. Исчез каменный уголь, еще раньше были до конца использованы запасы нефти. В умеренных странах стало невозможно жить, особенно в холодные зимы. Жизнь стала замирать в более высоких широтах, и люди лавиной ринулись на юг к берегам морей, но и там уже все было занято. У человечества оставались незначительные запасы силы в виде водопадов, речных течений, ветра, атмосферного электричества и движений моря, но всего этого было недостаточно, чтобы дать средства к жизни даже для половины человечества.

Тогда-то человеческая мысль стала делать невероятные усилия в борьбе с грозными призраками вымирания человечества.

— Это была трагическая эпоха в истории человеческой расы, — рассказывал Эйс. — Все попытки оканчивались неудачей, холод проникал в человеческие жилища и отчаяние — в самые мужественные сердца. Пищи было недостаточно — тогда еще не было наших многочисленных садов, дающих теперь нам необходимый жир, животные сошли на нет — шерсти не было, а следовательно не было и доброкачественной одежды. Большие пространства земли были заняты под посевы хлопковых растений. Оставался один вывод: переселяться на другие пла-

неты. Но здесь человечество больше всего испытывало горькое разочарование: ни одна попытка не имела успеха. Трудами многочисленных поколений ученых было доказано, что наиболее подходящим местом для колонизации является Венера. Но, к сожалению, за пределами земной атмосферы нас непрерывно подстерегает грозный враг — космические лучи. Давно знает о них человечество, но ничего не может сделать для защиты от них: лучи губят все живое. На земле мы защищены от губительного действия космических лучей толстым слоем атмосферы, но за ее пределами только слой цинка в метр толщины может защитить организм от смерти. Но сооружение с такими стенами и достаточной емкости с трудом могло быть поднято с поверхности земли, а ведь нужна еще сила, чтобы толкнуть это сооружение дальше — на другую планету. Один изобретатель сплава, достаточно легкого и непроницаемого для смертоносных межпланетных лучей, сам пустился в рискованный полет. Он был подброшен в виде ракеты в момент противостояния Венеры, но через несколько часов упал обратно мертвым. Ученые установили, что он погиб от действия космических лучей. В кабине было сделано приспособление, что в случае смерти отважного пассажира он тяжестью своего тела прекращал отталкивательные взрывы внизу, и весь снаряд упал обратно. Были еще и еще попытки. 15.000 лет назад была пущена еще одна гигантская ракета с десятью людьми, но до сих пор ничего неизвестно о них... Да, это была тяжелая пора для людей, могу тебя

уверить. И как раз именно в этот момент геологи установили бесспорную чудовищную истину: началось новое оледенение. Казалось, это несчастье должно было окончательно убить всякое творчество в человечестве, все его гордые дерзания, которые оказывались детским вздором перед неумолимой природой. Но тут-то и совершился перелом!..

Человечество еще раз доказало, на что способен его гений, его всепобеждающая мысль. Началось с немногого: было найдено несколько способов получения великолепных тканей из твердых горных пород. Ткани эти не носились почти, легко стирались, были изумительно легки и теплы. Это дало возможность сразу освободить громадные пространства земли для заселения, бывшие до сего времени под хлопковыми плантациями. Вслед затем была окончательно усовершенствована химическая пища: исчезновение животных теперь уже было не страшно.

Но жить все-таки было тесно, хотя громадные пространства Евразии и Северной Америки под мертвым дыханием ледяных холодов и надвигающегося оледенения и оставались мало заселенными.

Тогда-то и имел место замечательный факт заселения подводных пространств. Во время рассказа Эйса профессор часто удивлялся, как это люди не додумались до этого раньше. Он вспомнил, что в густо населенном Китае жили десятки тысяч людей на воде: там рождались, там и умирали. Правда, это имело место, главным образом, на реках. Но туземные жители островов и полуостровов и в морской воде

чувствовали себя превосходно: плавали как рыбы, видели не хуже рыб и представляли серьезных противников даже для таких хищников, как акулы. Рядом с городами были целые подводные сооружения. Так, в Нью-Йорке, через Ламанш был проложен туннель, по которому ходили поезда, в прибрежных частях морей были дома, наполовину затопленные водой.

Люди постепенно занимали все свободное пространство на земле и в земле. Заселялись шахты, чудовищной величины штольни и туннели. В поисках драгоценных пород, из которых изготовлялись ткани, люди проникли на морское дно и, главным образом, под дно. Под морем, особенно ближе к берегу, были вырыты бесчисленные ходы, колоссальные количества земли были извлечены оттуда, и под морским дном образовались большие свободные пространства, на которых можно было поселить десятки и сотни миллионов людей.

Тогда возникла мысль: а почему бы не заняться планомерной постройкой домов под водой? Были разработаны проекты, и неглубокие моря стали застраиваться: около берегов материков, островов, на отмелях стали возникать дворцы. Стены возводились из несокрушимого сплава, устраивались всевозможные приспособления во дворцах и т. д. На поверхности морей над дворцами были возведены гигантские сооружения, дававшие дворцам необходимую энергию в виде электричества. Само море, волнуясь, давало

ему энергию. Кроме того, были сделаны приспособления для улавливания атмосферного электричества.

«Ряд случайностей и приспособление в течение длинного ряда веков сделали то, что почти половина гоми в настоящее время имеет перепонки на лапах», — так было написано в одной книге, которую профессор прочел по рекомендации Эйса.

— Надо полагать, — думал профессор, — что перепончатые гоми, как лучше приспособленные, выживут, выиграют в борьбе с теми из гоми, которые лишены этих перепонок. И борьба эта возникнет, когда в подводных дворцах станет тесно, неминуемо возникнет.

Профессор долго думал об этом. Ну, что же, в конце концов закон жизни во все века оставался и остается один и тот же: борьба сильнейших со слабейшими. Всюду найдутся слабейшие. И, конечно, было бы нелепо, если бы выживали слабейшие, а гибли сильнейшие. Человечество должно совершенствоваться! Если на земле мало места, то надо ограничить размножение хилых физически и интеллектуально, а не то природа сделает это сама — жестоко и беспощадно. Разумеется, и в подводные жилища попали более слабые.

Легко объяснить, почему произошло отчуждение между теи и гоми. Лишенные солнца и целого ряда удобств, подводные жители должны были скоро почувствовать зависть, а затем и неприязнь к теи, что жили под солнцем. Общение, бывшее сначала между этими двумя мирами довольно тесным, стало с тече-

нием времени ослабевать: выход из подводных жилищ был вообще затруднителен, а особенно, когда многие из подводных строений совсем погрузились в воду. Между подводными и надводными людьми возникла вражда, начались эксцессы. По всей вероятности, зачинщиками были гоми: это так понятно — ведь они считали себя несправедливо обиженными. А там, на земной поверхности, людей стало так много, что подводным жителям положительно негде было любоваться солнцем. В конце концов тысячелетия превратили подводных жителей в замкнутую расу, враждебно относившуюся к теи. Гоми не могли уже посещать школ, а если посещали, то были в числе «отсталых»: ведь все они болели ревматизмом и другими болезнями костей и легких.

Правда, человечество избавилось от нескольких сот миллионов людей, заселив подводные жилища, но из подводных жителей в конце концов выработалось то, что мы видели: самостоятельная ветвь человеческого рода — гоми. И в то время, как наземное человечество шло вперед по пути развития, превратившись, наконец, в сверхлюдей, в могущественных прекрасных теи, истинных носителей человеческой культуры, человеческих дерзаний и устремлений, гоми стали вырождаться, являя собой пример досадного атавизма. Возможно, что это вырождение не наступит, но, думалось профессору, через десятки, сотни тысяч лет они потеряют еще больше человеческих черт: они претерпят изменения. Таков закон развития.

— Сейчас гоми насчитывают около миллиарда человек, — заметил Эйс, — но когда-то их было по крайней мере втрое — вчетверо больше.

Но наземное человечество размножалось и тем быстрее, чем больше совершенствовалось. Сейчас всех теи около триллиона. Ведь суши — всей суши — около 117 миллионов кв. километров, а годной и того меньше. Если бы можно было заселить все пространство до полюсов, считая на каждого человека 100—140 кв. м., людей было бы не свыше двух триллионов

— Интересно, когда человечество достигло этой цифры, — раздумывал профессор. — В мое время было два миллиарда жителей. Если население удваивалось через каждые сто—двести лет, то уже через 900 — 1.700 лет должно было совершиться заселение морского дна, а еще через сто лет вновь негде было жить. Проблема колонизации других планет встала еще до истечения третьей тысячи нашей эры, может быть, в 2.700—800 году. Да, а сейчас уже 27.998 год... И с тех пор человечество остановилось на одной точке: оно не растет в числе. А, меж тем, девственные планеты только ждут своего оживления, и все же теи бессильны. Ведь безжалостный север скупое и неохотой уступает свою территорию людям, так по крайней мере уверяет Эйс.

— Но один раз, — закончил Эйс свою беседу, — люди, несмотря на неудачи в своих колонизаторских вождедениях, несмотря на надвигавшийся лед, пережили великое радостное упоение своим гением, своим могуществом, перед которым начали свое

отступление мощные ледники. Мы использовали космическую силу земли. Подумай только: мы на свою пользу обратили бег земли вокруг своей оси! Это предприятие человеческого гения — мечта людей, не менее блестящая и чудесная, чем мечта о колонизации других членов нашей солнечной системы. Когда на высоте десятков километров на экваторе зашумели тысячи воздушных турбин, не один миллион теи вздохнул радостно и глубоко. Этот неумолчный шум говорит, что мы преодолеем препятствия при перелетах от одной планеты к другой, как мы преодолеваем теперь холодное дыхание ледяных северных пустынь. Мы заселим не только Венеру, — мы завладеем другими солнечными системами!..

Величие мечтаний Эйса захватило и профессора, и он старался проникнуть духовным взором сквозь нагромождения веков в будущее человечества. Но недостаточно ли для него и того, что он видит? Тридцать тысячелетий прошло с тех пор, как он, как цельный индивидуум, появился на земле впервые, и вот он вновь, чудесным образом возрожденный к жизни, видит ее, эту землю, этот маленький комочек, который хочет приобщить целую вселенную к своей ликующей бессмертной жизни! Поистине — дерзкое мечтание. А меж тем... Где оно, это грандиозное сооружение рук человеческих? Эйс рассказывал о нем с энтузиазмом школьника. Нет, сначала туда, на экватор, в это сердце всей планеты, а потом на север!

Завтра же в дорогу! На эту таинственную и мощную Энергетическую станцию!

Нет, что за удивительная вещь: космическая сила — на службе у человека! Поистине нет границ человеческим возможностям! Гений людей всемогущ!

Воздушное путешествие

Профессор и Ли ждали у причальной станции.

На высоте пятисот метров покачивалось воздушное судно «Геркулес», с которого шла выгрузка пассажиров. Две кабинки с молниеносной быстротой скользили вверх и вниз, подымая одних пассажиров на борт судна, а других — доставляя вниз. Молодой теи, повидимому, механик, прилаживал две мягких трубки к двум блестящим цилиндрам на земле.

— Для чего это? — спросил профессор.

— Газ будем накачивать.

Когда кабинка поднимала вверх профессора с его спутниками, он на днище судна успел заметить надпись: «11 сектор № 9.800. Предельная высота полета 1.200 м. Предельная скорость 1.000 кил. в час». Профессор попросил Ли пояснить ему эти слова.

— Неужели, — спросил он, — при всем совершенстве современной техники суда не могут подниматься выше каких-нибудь 1.200 м.?

— Не совсем так. В воздухе непрерывно носятся миллионы больших и малых судов и притом во всех направлениях. При той большой скорости, с которой двигаются суда, катастрофы в воздухе были бы

частым явлением. Во избежание их пришлось выработать правила движения по воздуху. Суда различных секторов ходят на определенных высотах, где бы они ни проходили, а в промежутках между крупными судами мчатся «метеоры».

— А если какое-нибудь атмосферное недоразумение, в роде бури, вдруг изменит высоту полета судна?

— Тогда придется ее выравнивать до обязательной, и только.

— Ага, и в вашем совершенном обществе существуют элементы принуждения!

— Нет, это, скорее, элементы разумности.

Профессор прошелся по палубе. «Гекулес» был громадным уютным судном, приспособленным специально для путешествий, поэтому и скорость его была сравнительно небольшая — не свыше 1.000 кил. в час. Но шло оно обычно не быстрее 200 кил. в час. Судно это являло собой комбинацию из аэроплана и аппарата легче воздуха. Профессор на высоте пятнадцати метров над палубой видел громадный вытянутый шар, покрытый серыми пластинками-параллелограммами, точно рыба — чешуей. Шар этот являлся вместилищем газов, державших судно в воздухе. Как узнал потом профессор, газы эти представляли собой смесь, удивительно легкую и инертную в химическом смысле. Оболочка шара была такова, что газ не мог совершенно диффундировать через нее, и только при спуске надо было выпускать

порцию газовой смеси, а затем для поднятия судна вновь возместить эту вынужденную потерю.

Объем шара был таков, что он поддерживал все судно в равновесии в воздухе, то-есть, вес судна с шаром равен был весу вытесненного им воздуха. Поэтому шар поднимался вверх при помощи воздушного винта.

Всю механическую работу на судне выполнял небольшой электромотор, который заряжался с аккумулятора. Этот аккумулятор был до смешного мал — не больше кулака!

— А, меж тем, — говорил капитан изумленному профессору, — этого кулака достаточно, чтобы обнести нас всех с «Геркулесом» вокруг всей земли по самой ее длинной параллели — по экватору. Мы имеем в запасе пять таких «пигмеев».

— Чудовищная сила, чудовищная концентрация, — с восхищением глядя на аппарат, сказал профессор. — Это — не пигмей, а титан.

— Этот пигмей толкает нас вперед, поднимает вверх, опускает, освещает и согревает судно, позволяет нам видеть и слышать то, что происходит за тысячи километров отсюда, и т. д. Благодаря ему ты давно сделался владыками пустынных воздушных далей.

На борту воздушного судна было несколько тысяч людей. Больше половины их совершали это путешествие впервые, при этом, как вскоре узнал профессор, для большинства пассажиров это было также и «свадебное путешествие». Странный обычай путе-

шествовать после свадьбы, столь же древний, как и человеческая цивилизация, удержался даже теперь в обществе, лишенном каких бы то ни было предрассудков.

У женщин преобладали ослепительной белизны шелковистые костюмы, у мужчин — цвета морских водорослей. Покрой костюмов был прост, удобен и в то же время необычайно изящен. У тебя было заметно стремление не уродовать ножницами материю, а по возможности пользоваться целыми кусками на манер древних греков.

Ближайшей целью полета «Геркулеса» был зоологический парк в горах Атласа, а затем ЭЭС — Экваториальная Энергетическая станция.

Все эти подробности профессор узнал от капитана, пока шла погрузка пассажиров.

Меж тем кончилось наполнение шара газом, хотя профессор и не заметил, чтобы объем шара сколько-нибудь увеличился.

— Освободить причалы, —скомандовал капитан.

Внизу засуетились, и вслед затем судно вздрогнуло и плавно понеслось вверх по наклонной линии. Ни толчков, ни шума не было, только воздух, прорезываемый воздушным гигантом, шелестел по бортам судна. Земля быстро уходила назад. Судно удалялось в западном направлении.

Профессор вздрогнул: как будто сделалось холоднее.

Солнце только что погасло и наступили сумерки.

На западе еще ярко сиял отблеск вечерней зари, а земля внизу уже окутывалась темнотой.

Профессор не надолго задержался на небольшой открытой палубе. Он смотрел на запад, на только что скрывшееся солнце. Именно солнце теперь являло ему символ вечности: как и тысячи, как и миллионы лет назад, оно все так же совершает свой путь, вечно закатываясь для жителей земли все в одном и том же месте. Создавались и разрушались царства, гибли и вновь нарождались целые расы, земля с ее морями и материками много раз меняла свой лик до неузнаваемости, а солнце все еще мчится к неведомой точке вселенной и без конца льет свой свет на крошечную, кружащуюся вокруг него землю. Странно, что когда-то люди воображали себя центром всего, были убеждены в неизменяемости земли! Только солнце вечно! Может быть, когда земли всякий след простынет, оно все еще будет сиять и сеять всюду радость жизни. Дикарь-человек, обросший волосами, с низким лбом уже чувствовал и видел могущество и вечность солнца и поклонялся ему. Расположение звезд на небе осталось почти прежним, но все же изменилось, а вот солнце все то же! Все также радостно приветствует земля его появление, все также грустно умолкает при его исчезновении, старается уснуть. Словно бесконечный бег времени был бессилен повлиять на этого чародея, подателя жизни...

Профессор поделился своими мыслями, сойдя вниз, с Ли и несколькими лицами, которые сидели тут же.

— В его наивности есть какая-то всепокоряющая проникновенность, — сказал один из них, обращаясь ко всем в ответ на слова профессора.

Говоривший был инженер с ЭЭС, но он уже много слышал о профессоре доисторических времен.

— А, меж тем, в течение тех тысяч лет, что ты спал, мы с нашей солнечной системой сделали немаленький путь, — заметила Ли. — Ведь мы несемся со скоростью 30 километров в секунду!

— Да, и все-таки мы пришиты к нашему жалкому комочку — земле, — заметил другой слушатель, бывший, как узнал потом профессор, исследователем на газовом заводе. — И пришиты навсегда. И человечество кончится вместе с землей, ибо враг караулит нас у выходных ворот космической дали и никого не выпускает за пределы атмосферы.

— Я вижу, какие колоссальные изменения произошли на земле с тех пор, как я видел ее в последний раз, — возразил профессор, — и я верю, что для людей не может быть невозможного: они могут все.

Его поддержал инженер, и возник спор на тему о возможности полетов с земли на другие планеты. Тут же профессор узнал последние достижения в этой области.

— Не может быть, — громко говорил инженер, — чтобы усилия миллиона умнейших людей, работаю-

щих только в этой области, не увенчались успехом — Перелетаем первый меридиан, — громко завила Ли.—Северяне отсюда на этом меридиане лежал тысячи лет назад большой город, где жило пять миллионов жителей. Город назывался Москва.

— Москва?!

Восклицание вырвалось у профессора: что-то близкое, родное послышалось ему в этом названии.

— Да, профессор это название часто произносил во время своей странной болезни, — продолжала Ли. — Мне кажется, что он имеет какое-то отношение к этому городу. Он стоял тысячи лет назад...

— Да, да, я как будто знаю это. Но так слабо... смутно... Я там родился... Первый меридиан! Вот что осталось от великого города! Ну, и хорошо, что же можно ждать еще от тех далеких времен? Моря, озера исчезли, народились новые горы, а то город! Теи зовут его варварским пережитком...

Все меняется или исчезает — таков закон. Это только значит, что то, что создавало человечество тогда, было непрочным, слишком временно. Были тысячи городов когда-то с многочисленным населением каждый, и все они исчезли бесследно, только в старых книгах, которых и читать-то не всякий теперь может, остались их названия, чуждо звучащие теперь для слуха теи. Только такие специалисты, как Ли, могут читать древние письмена. Профессору часто попадались в библиотеках книги на немецком, русском, французском языках, но даже Ли не всегда могла разобраться в них. А профессор меж тем сво-

бодно читал их, хотя и ему не все было понятно в этих книгах.

Профессор начал подробный рассказ о городах, устройстве государств, науках, искусствах и т. д., которые были на земле тысячи лет назад. И во время рассказа он ясно видел, что слушатели, значительно увеличившиеся в числе, представляли себе все это очень смутно. Только Ли и еще один-два человека вставляли в его рассказ дельные замечания, убеждавшие его в том, что они имеют некоторое представление о далеком прошлом, а ведь слушало его больше полусотни людей!

Профессору казалось когда-то, что человечество всегда будет иметь перед своими глазами дела и мысли его современников. Ведь это было героическое время борьбы и достижений, когда в страданиях выковывалось будущее людей, во имя счастья грядущих поколений гибли умнейшие, каждая пядь завоеваний у природы области оплачивалась человеческой кровью.

Но проходили века, проходили и уходили многочисленные поколения людей, и в конце концов оказалось, что память о далеком прошлом стерлась, исчезла. Что знают теи о профессоре, как о представителе далекого времени? Не более, чем он сам и его современники знали об этрусках и Халдее.

И вот теперь он, живой свидетель варварских пережитков, сам анахронизм, участник в общем хоре человеческих усилий выбиться на светлую дорогу, силой случайностей оказался сохраненным в течение

тысячелетий. Для чего? Не для того ли, чтобы получить подтверждение своей веры дикаря в могущество человеческого духа? Теи! Боги! Они все еще прикованы к земле! Могучие! Бессильные!

Вскоре судно начало слегка раскачиваться.

— Поднялся боковой ветер, — заметил кто-то. — Не мешало бы капитану увеличить скорость «Геркулеса».

Не все еще изменилось на земле.

Стояло туманное утро. «Геркулес» шел в облаках, и капли воды стекали по канатам и трубам на палубу.

Но вскоре туман понемногу рассеялся и внизу под судном оказалась морская поверхность, посеребрянная солнечными лучами.

Море! Это было настоящее море с многими островами, поднимавшимися над его поверхностью. Профессор вперил взгляд вниз, стараясь угадать, что это за море. Очертания показались ему как будто знакомыми, но обилие островов смущало его. «Геркулес» шел теперь, судя по солнцу, к юго-юго-западу. Море быстро уходило назад.

По просьбе пассажиров капитан заставил «Геркулес» снизиться почти к самому морю: до его поверхности оставалось несколько десятков метров.

— Только будьте осторожны, — предупредил капитан, — это море самое небезопасное.

— Почему? — спросило несколько голосов сразу

— Дно его, особенно у берегов материка и островов, густо усеяно жилищами гоми. Как вы помните, здесь впервые был применен план заселения морского дна. Здесь — наиболее древние подводные поселения людей. Люди прожили здесь уже около тысячи лет, когда был закончен последний дворец для жилья под водой. Все это вы знаете. Но я думаю, немногие из вас знают о том, что именно гоми этого моря проявили наибольшую враждебность к теи: они неоднократно выходили из воды и уничтожали прибрежные селения теи. В свое время многие люди были поселены в подводные жилища этого моря насильно, так что враждебность их имеет некоторые основания. Итак, будьте осторожны.

— А что это за море? — спросил профессор у Ли.

— Если не ошибаюсь, оно на одном из прежних варварских наречий называлось Средиземным.

Любопытство профессора достигло крайних пределов. Повидимому, Средиземное море не слишком изменилось с тех пор: появилось несколько островов, да, как рассказывает Ли, Гибралтарский пролив расширился и был усеян множеством островов.

— И здесь силы, преобразующие лик земли, работали как следует, — подумал профессор.

«Геркулес» стал часто менять курс. Повсюду над водой виднелись сложные силовые установки гоми, использовавшие силу волн, приливов и отливов, ветра и атмосферного электричества одновременно.

Под каждым таким сооружением несомненно было жилище гоми, ибо силовые установки над водой были в действии. Эти надводные установки были так часты, что, казалось, под водой жилища должны были иметь между собой самое тесное общение.

Вон вдали показалась темная точка, которая через несколько минут превратилась в субмарину, как две капли похожую на ту, на которой бежали профессор и Эйс. Интересно, что за намерение у нее? Отсюда не меньше четырех десятков километров до берега.

Пассажиры забыли уже предупреждение капитана и, перегнувшись через перила, с любопытством вглядывались в субмарину. На ней, казалось, никого не было. «Геркулес» несся на высоте 100 метров над водой.

Вдруг крышка люка на подводной лодке неожиданно отвалилась, и в воздухе мелькнули две желтые палочки, которые так хорошо знакомы были профессору.

— Назад! — не своим голосом закричал он. — Это ралюмы!

Все мгновенно отпрянули, но двое сделали это не слишком поспешно и поплатились за это: вместо двух прекрасных тей на палубе валялись две кучи бесформенной массы.

Профессор был потрясен и стоял бледный, с трясущимися руками.

— Что же мы не поднимаемся вверх? — закричал он.

— Не полагает ли профессор, что они взорвут нас? Так я могу его успокоить: судно защищено от этих палочек хорошей краской.

Это говорила Ли. Неужели это она говорит так спокойно?

— Этих мерзавцев надо уничтожить — яростно заявил профессор.

Но, к его огорчению, его намерений никто не разделял.

— Бесполезно, — заметила Ли. — Этим их не исправишь, а только больше обозлишь. Их вражда к нам имеет свои основания.

Профессор, точно чувствуя себя виновником несчастья, сошел вниз, к капитану.

— Сейчас поднимемся, — сказал последний. — Досадное происшествие, не правда ли? Один из погибших был химик. Талантливый химик! И ведь говорил же я...

— Капитан, неужели это преступление останется безнаказанным? — умоляюще глядя на капитана, спросил профессор. — Мое сознание никак не может примириться с этим. Подумай: два талантливых химика и мерзкая тварь в образе перепончатурукого гоми.

— Дело в том, — говорил капитан, открывая небольшой боковой люк, — что у нас есть инструкция не трогать гоми. Но и гоми не должны нас трогать. Я почти уверен, что субмарина вышла на разбой, и гоми сегодня неминуемо сделают нападение на какой-нибудь общественный дом. Прибрежные жители

часто страдают от них, ибо наша стража не всегда зорко смотрит.

Блестящий аппарат в метр длиной повернулся концом в лок и шарил по воде до тех пор, пока не уперся в субмарину.

— Ну, что же, они сами виноваты, — сказал капитан, нажимая пальцем голубую кнопку.

И вслед затем профессор увидел, как густое зеленое облако окутало субмарину, а через несколько секунд оттуда донеслось гулкое эхо. «Геркулес» слегка качнулся от воздушного толчка, облако рассеялось. Море было пусто.

— Вот и все, — сказал капитан. — Я теперь «разрушитель машин», пустивший гром сверху в воду.

Он рассмеялся.

Никто не осудил и не похвалил за это капитана. Только профессор испытывал истинное удовольствие, которым он не преминул поделиться с Ли.

— Если бы тебя стала кусать злая собака, как бы ты поступил? — возразила она. — Неужели лишил бы ее жизни?

— Но ведь это не собаки, а сознательные злые существа!

— Существа низшего порядка. Они беззащитны перед тобой. Стыдно пользоваться своим могуществом перед безоружным и слабым. . . . .

Причалная мачта для воздушных судов была почти у самого входа в зоологический сад, и посети-

телям не приходилось тратить много времени на расспросы. Вход был открыт.

— Итак, начинаем с низших представителей животного царства на земле — с пресмыкающихся, — сказала Ли. — Я знаю, что ты хочешь сказать, о, Дважды Рожденный. Ты хочешь уверить меня, что среди позвоночных низшее место принадлежит земноводным. Увы, живых представителей этого класса больше на земле не осталось: их изучает теперь палеонтология. Низшее место теперь по праву заняли пресмыкающиеся. Смотрите: перед нами трехсотлетняя черепаха и семейство крокодилов.

— Неужели это все? — изумился профессор. — А где же змеи, удавы, ящерицы?

— О, Дважды Рожденный! Кажется, так обращались наиболее дикие твои современники к собеседнику? Итак, о, Дважды Рожденный, и змеи, и грозные удавы, и ящерицы, и крокодилы, за исключением вот этого вида, и черепахи сделались достоянием палеонтологии. Здесь все, что осталось от некогда могущественного класса животных, владевшего и сушей, и водой, и воздухом. Последние пресмыкающиеся исчезли вместе с исчезновением топей, болот и джунглей. Переходим к высшему классу животных — к млекопитающим... Их на земле тоже, как вы увидите, немного осталось — всего несколько отрядов.

Профессор поражался все более и более. Он представлял себе последнее прибежище животного мира чем-то в роде большого государства, хотя бы его

обитатели и жили в клетках, а тут оказалось, что зоосад — небольшой клочок земли, правда, очень живописный, но все-таки очень небольшой — едва ли больше 20-25 кв. киломеров. А главное — представители животного царства! До чего они были жалки! Прямо не хочется верить, что, например, от многочисленных пресмыкающихся остались только морская черепаха и пара взрослых аллигаторов с мальками. А, меж тем, этому приходилось верить.

Среди низших млекопитающих осталось только не больше пяти-шести утконосов. Несколько больше было грызунов. Из хищников остался медведь — черный и бурый.

— Все остальные хищники погибли, — продолжала Ли, — ибо не могли привыкнуть к растительной пище. В диком состоянии остался их дикий родственник на великом ледяном поле — белый медведь. Но здесь для него слишком жарко, — не выдерживает. А теперь посмотрим наших бывших домашних друзей и помощников.

В загородке пасся небольшой табун лошадей и мулов. Коров нигде не было, овец тоже. В другом месте профессор узнал свиней и много коз. Также было много и диких сородичей коз. Один единственный слон доживал свой век.

Громадный павильон с пальмовым лесом вокруг занимали низшие и высшие обезьяны.

Сверху, с деревьев неслись крики, шум, визг. Профессор с опаской поглядывал наверх и время от

времени хватался за голову, чтобы убедиться, в целости ли головной убор.

Уже в самом конце сада был небольшой бассейн, на дне которого было небольшое сооружение. На берегу бассейна сидел какой-то субъект со сложенными на коленях руками. Завидев приближающуюся к нему группу людей, он взмахнул ногами в воздухе и бултыхнулся в воду. Неужели это был гоми? Профессор вопросительно посмотрел на Ли.

— Да, это гоми, — подтвердила Ли. — Он в достаточной мере ручной и давно перестал кусаться. Тут их пять экземпляров. Для них сделана обстановка, в которой они жили раньше. Это наиболее дикие гоми, однако, попыток к бегству они не делали.

Экземпляры! Вот как зовут их теи! Это поразило профессора более, чем содержание гоми наряду с другими животными, в зоологическом саду. Для теи это — низшие животные, которые могут быть поставлены рядом с шимпанзе. А ведь это все-таки люди! Ветвь человеческого рода! У них есть язык, сознательная мысль, они производят сложную работу, словом, это высокоорганизованные и разумные в конце-концов существа! Интересно, куда бы теи поместили его самого: выше или ниже гоми?

Дальше осмотр животных прошел очень быстро, по крайней мере, для профессора. История с пятью экземплярами гоми сильно его расстроила.

Они остановились на сравнительно богатом отделе птиц. Это были, главным образом, мелкие представители пернатого царства, часто ярко окрашенные,

и их разноголосый хор оглушал посетителя еще издали.

Совсем мало было рыб, да и те, что пугливо жались к стенкам стеклянных ящиков, были, главным образом, морские.

Наиболее внушительное впечатление производили две акулы больших размеров. Они занимали бассейн в четверть километра длиной.

Осмотр, наконец, кончился.

Все вышли из сада. Профессор был молчалив.

Итак, это все, что осталось от могущественного мира млекопитающих! Нет властелина пустыни — льва, царя джунглей — тигра, исчезли хоботные, исчезли тысячи и тысячи разнообразных видов выших животных. Даже прежний человек исчез, вместо него — всемогущие теи и выродившиеся и продолжающие вырождаться гоми, которых уже считают не единицами, не субъектами, а экземплярами.

Все изменилось или ушло в былое, сделалось предметом изучения палеонтологии, а не зоологии. Таков закон эволюции: вечная изменчивость, борьба за место под солнцем. Победили теи, погибли все остальные.

А он, профессор, что он такое? Дважды Рожденный, любопытный объект наблюдений для теи. Кто у него в этом мире?

Никого!

Нет родных, нет знакомых, исчезло все, что он знал, изменилась не только земля, изменилось даже небо! Людей больше нет, есть теи, нет прежних наук.

искусств, нет тех упорных, пламенных дерзаний, что поднимали раньше человечество на недостижимую высоту. Все ушло, все изменилось. Это — закон.

Он может облететь всю землю и нигде не найдет уголка, где бы он мог быть один, и все же он — один.

Он одинок в этом мире. Не менее одинок, чем, если бы он попал на другую планету.

«Геркулес» уже в течение многих часов рассекал воздух своей острой грудью, а профессор все еще сидел на палубе и думал. Острое любопытство ученого, лобознательность мыслящего человека, которые отличают людей высшего интеллекта, покинули его, и мысль о его собственном одиночестве, о чуждом мире, в который он выброшен из тьмы прошлого, захватила его всецело. Он вспомнил, с каким удовольствием гладил он одинокого кролика в клетке в зоологическом саду. Еще и теперь он ощущает прикосновение его мягкой, теплой шкурки к своей руке. Впрочем, какое это отношение могло иметь к его положению? При чем тут кролик? По всей вероятности, тогда у него бессознательно появилась мысль, что этот кролик столь же одинок, как и он сам среди теи.

Земля уходила назад. В бинокль видно было, как убежали назад белые домики и сады. Сады все с тем же «деревом жира». И дома, дома... Без конца дома и теи. Один сплошной скучный муравейник.

Тесно на земле, очень тесно!..

Профессор давно предвидел это, но теперь, когда он воочию увидел эту тесноту, он никак не мог освоиться с неумолимым фактом.

А, меж тем, эта густо населенная местность была когда-то бесплодной Сахарой! Ветер да редкие звери владели этой обширной областью.

Теи покрыли ее садами и домами. Ужасно: их свыше пятисот миллиардов, почти триллион!

И все же он один среди этой невообразимой людской массы.

— Нет, не совсем так, — мягко проговорила Ли, очутившаяся рядом. — Ты не совсем одинок, Дважды Рожденный.

Глаза ее светились мягким светом, нежностью и пониманием, и вскоре профессор с удовольствием подумал, чувствуя прикосновение мягких, теплых рук Ли к своей шее:

— Не все еще изменилось на земле: любовь, по-видимому, осталась все такой же.

На Энергетической станции

Только что перелетели пятую параллель. Было еще темно, но на востоке загорелась уже заря.

Вдруг профессор был до крайности поражен: в воздух с верхней палубы мгновенно поднялись три гигантские мачты, верхушки которых тотчас же засияли ослепительным светом.

— Что это? — воскликнул пораженный профессор.

— Это значит, — ответила Ли, — что мы перешли пятую параллель и теперь находимся под непосредственным влиянием Энергетической станции. Аккумуляторы как раз сейчас убраны.

— Ничего не понимаю. А «Геркулес» все-таки движется?

— ЭЭС посылает от себя энергию во все стороны по воздуху. Действие энергии достигает пятых параллелей к северу и к югу от экватора. Вдоль экватора, благодаря особой системе подстанций, действие станции охватывает три четверти окружности земли по экватору. Все двигательные машины на заводах фабриках и летательных аппаратах, снабженных особыми «улавливателями» и находящихся в пределах пятых параллелей, пользуются энергией с ЭЭС, получая ее по воздуху.

Все чаще и чаще стали попадаться гигантские трубы заводов и фабрик, но еще чаще эти заводы были совсем без труб: техника теи умела использовать дым и газы, выходящие по вытяжным трубам.

Справа неожиданно вырисовались пики гор.

— На одном из них стоит обсерватория, уже более 12.000 лет изучающая Венеру, будущую вероятную колонию земли, — говорила Ли. — Здесь же сосредоточиваются все достижения в области межпланетных сообщений. Теперь как раз работают над изобретением газа, который был бы непроницаем для космических лучей, ибо ни один сплав по своей тяжести не подходит для целей космических полетов...

Вон внизу завод по выделке и зарядке наших пигмеев-аккумуляторов.

Дальше опять щупали бесконечные массы заводов, заводов и... домов. Здесь были сосредоточены изготовление летательных аппаратов и их ремонт, фабрикация всевозможных научных и учебных приборов, научные институты и лаборатории, фабрики одежды и т.д. «Геркулес» часто спускался, и пассажиры его с изумлением смотрели точную и бесперебойную работу заводских «рабочих» — машин-гигантов. Не было пыли, копоти, дыма, ибо все это утилизировалось тут же, все двигалось силой электрической энергией, а не угля. Машины работали бесшумно. Человек молча следил за работой покорных механических рабов. Он настораживался только тогда, если где-либо слышался перебой. В тихом рокоте мощных колес, в шелесте приводных ремней и бесконечных трансмиссий привычное ухо механика быстро улавливало диссонанс, происходивший ют тех или иных неисправностей в механизме.

Группа пассажиров с «Геркулеса», в том числе профессор и Ли, остановилась около большого здания, не имевшего ни окон, ни дверей. Стены его слегка дрожали, слышался слабый, глухой шум.

— Здесь начинается фабрика тканей, — объяснял инженер. — Это здание — первая стадия обработки. По подземному туннелю сжатый воздух толкает сюда куски и целые глыбы горных пород, из которых на поверхности земли под влиянием атмосферы мог бы образоваться змеевик и асбест. В этом

здании, стены которого достигают толщины в полтора метра, камень дробится машинами. Можете себе представить, что за адский шум должны производить полсотни дробильных моторов! Было время, к счастью, очень давно, когда самые здоровые люди сходили с ума от этого шума. Дальше раздробленный материал подвергается химической обработке. Это происходит в особых резервуарах в земле, на глубине сорока метров. Я бы вам охотно показал этот процесс, но у нас слишком мало подходящих противогазовых масок, а без них туда можно идти только тем, кто желает смерти: это на редкость ядовитое помещение. Давайте лучше осмотрим цех по окраске и окончательной отделке тканей...

Профессор заинтересовался, какое количество тканей вырабатывает эта фабрика.

— Мы одеваем ежегодно 25 миллионов человек, — не без гордости ответил инженер, — а обслуживающий фабрику персонал (в том числе и я) состоит из восьми человек.

Да, было отчего притти в изумление! Восемь человек одевают 25 миллионов ежегодно! Ткани из твердого камня, мягкие как шерсть и блестящие как шелк!

Только вечером поднялся «Геркулес» вновь кверху, где на разных высотах тысячи воздушных караванов, блестя сигнальными огнями, расплзались в разные стороны.

На другой день в полдень капитан провозгласил:

— Доехали! Здесь лежит граница запретной зоны, занимаемой ЭЭС. Ни одно воздушное судно не смеет итти дальше.

— Почему же? — спросило несколько голосов.

— Слишком опасно: здесь существуют беспрерывные воздушные токи кверху, неожиданные вихри, с которыми судно может не справиться. Только «метеоры» могут пролетать по территории ЭЭС, да и то приняв предварительно ряд предосторожностей: ведь здесь чудовищное напряжение, во много раз превосходящее напряжение в непосредственном соседстве с сильней тропической грозой.

— Странно, — удивился профессор. — Откуда же тогда ведется управление Энергетической станцией?

— Из-под земли. Под землей, начиная отсюда, идут бесчисленные туннели, в которых сосредоточены лаборатории и прочие вспомогательные учреждения. На пространстве 10.000 квадратных километров вся земля изрезана ходами, где живет голова станции; отсюда массы энергии распределяются в пужных направлениях. Все это можно будет, конечно, осмотреть. «Геркулес» стоит еще три дня, и времени достаточно.

По туннелям, залитым ярким светом, почти непрерывно сповали узенькие платформочки с мягкими сиденьями, на которых пассажиры и передвигались из конца в конец по этому сложному подземному лабиринту.

Профессор с изумлением разглядывал гигантские трансформаторы в одной из бесконечных подземных зал. Посетители вошли сюда в специальных изоляционных костюмах.

— Иначе нельзя, — говорил старший инженер. — Воздух пропитан электричеством так, что могут происходить опасные разряды между ним и человеческими волосами, одеждой. Были несчастные случаи. Этот гигант-трансформатор выполняет роль «направителя» энергии: он направляет токи по воздуху по определенным направлениям даже до определенных точек. Вы говорите о проводах? Они давно уже отошли в область предания — это невыгодно и опасно. Зачем засорять воздушный простор проводами? Правда, при беспроводной передаче энергии некоторый процент ее теряется, но он немногим больше, чем процент, идущий на нагревание проводов. Сюда поступает энергия с четырех воздушных турбин и распределяется нами по нужным направлениям и в нужном количестве.

— А как бы взглянуть на эти турбины? Хоть одним глазком?

— Для этого отправляйтесь в обсерваторию: восьмой километр, туннель тридцать первый.

Профессор, Ли и еще человек двадцать пять отправились в указанный туннель.

Обсерватория занимала небольшое помещение. Здесь было восемь человек, которые по очереди дежурили у телескопа. Тут же был ряд сложных при-

боров, которые позволяли следить за действием турбин.

— Ибо, — объяснял один из свободных в этот момент наблюдателей, — бывает, что турбина, не изменяя своего положения в воздухе, перестает вдруг работать. Тогда мы сейчас же даем сигнал, и турбина спускается в свое помещение под землей и подвергается осмотру.

— Объясните мне, пожалуйста, люди добрые, — взмолился профессор, — я до сих пор ни черта не понимаю. Что это за воздушные турбины?

Инженер-наблюдатель с удивлением посмотрел на говорившего. Ли должна была объяснить, кто такой профессор.

— Я слышал о каком-то живом троглодите, — возразил инженер, — но опасался, что это утка. Странно. Приходится верить, раз так говорят и даже показывают в подтверждение ископаемое чудо. Я должен сказать, что в строительстве этой станции вообще сказался бессмертный человеческий гений. Строители ее давно умерли, но мы чтим их память, как спасителей человечества. Когда иссякли силовые ресурсы человечества, после долгих усилий был найден способ использовать космическую силу земли. Земля движется вокруг своей оси со скоростью почти пяти километров в секунду и вокруг солнца — со скоростью двадцати девяти километров. Оба эти движения использовал человеческий гений. Все наши турбины расположены на высоте от пятнадцати до двадцати пяти километров над поверхностью земли

и стремятся в направлении, обратном движению земли, и притом с силой, равной квадратному корню из угловой скорости земли. Это-то и удерживает их вверху. Чрезвычайно разреженная атмосфера обладает все же достаточной силой, чтобы вращать турбины со сказочной быстротой. Движение турбин переходит в электрическую энергию, которую мы и распределяем. Энергии достаточно, чтобы обслуживать два триллиона теи, но не свыше.

Профессор прищелкнул глазом к окуляру. Точно солдаты в строю выстроились темные гиганты-турбины в воздухе. Отсюда не видно было, вращаются ли они или стоят неподвижно, но даже с расстояния в несколько десятков километров они производили впечатление бесконечно мощных сооружений, опутанных сетками, с торчащими во все стороны мачтами, подобно сказочным многоногим чудовищам. Привязанные невидимыми нитями к земле, они точно оберегали ее от возможных враждебных вторжений из глубин космоса. Казалось, вот-вот ринутся эти чудовища в пространство и сметут все препятствия на своем пути.

— Человек, воздвигший подобное сооружение, не может не завоевать вселенной: это теперь его очевидная задача.

Эти слова невольно вырвались у профессора, когда он оторвался от окуляра телескопа.

— Ну, положим, — улыбнулся кто-то из посетителей, — у теи несколько иная задача на очереди: победа над холодом, победа над севером. Она не столь

возвышенна и грандиозна, зато полное ее осуществление дало бы место и средства существования полтриллиону людей.

Понемногу, негромко разговаривая друг с другом, посетители оставили обсерваторию и, разбившись на более мелкие группы, разбрелись по подземным улицам для осмотра других сооружений.

Еще два дня употребили пассажиры «Геркулеса» на осмотр станции и затем вновь собрались все на борту воздушного судна.

«Геркулес» плавно повернулся под углом в девяносто градусов и, быстро рассекая воздух, стал забирать вверх.

Профессор был один и смотрел в иллюминатор своей каюты. Прямо перед его глазами клубились белые позолоченные солнцем облака.

Станция осталась позади. Воздушные турбины ее в обыкновенный бинокль казались едва различимыми черными точками, да и те скоро пропали.

Профессор думал об изумительном космическом источнике энергии, только что оставленном «Геркулесом». Отсюда, с этого бывшего Черного материка, мощной струей лилась теперь сила в человеческие жилища, заводы, лаборатории, мастерские в виде света, тепла, пищи и одежды. Тысячи судов ежедневно уходили отсюда, унося с собой средства к жизни в более высокие, холодные широты.

И ведь в сущности как мало людей занято на Энергетической станции! Считается за честь попасть сюда работать, ибо здесь всякому начинающему от-

крываются широкие горизонты. Каждый сектор посылает сюда людей по особому выбору для технической и научной работы. Многие годами ждут очереди, чтобы попасть на фабрику или завод в зоне непосредственного действия ЭЭС.

Да, изумительные перемены! И не должен ли он, профессор, радоваться, что именно ему исключительный случай помог, пережив тысячелетия, увидеть сказочно сильное человечество?

И все же теи бессильны перед безжалостным космическим врагом — теми таинственными космическими лучами, природа, которых все еще не совсем разгадана и которые неумолимы ко всему живому.

На другой день внизу под «Геркулесом» блесело серебро океана. Острова поднимались из воды в виде точек или небольших зеленых кусочков. Чаще же всего всюду виднелась пустыня воды.

— Интересно, кто населяет многочисленные острова в океане? — спросил профессор.

— Все они заселены гоми — подводными людьми, — ответила Ли. — Наши исследователи говорят, что у многих из них есть своя культура, но они очень ревниво оберегают свои клочки земли, и ни один теи, попавший к ним в руки, еще не вернулся живым.

Оба задумались.

— Где-то теперь Эйс? — прервал молчание профессор.

— О! Он давно уже занял свое место на великом ледяном поле: «метеор» домчал его туда в два три часа.

— Признаться, мне тоже хотелось бы туда.

— Ну, что-ж: кончится наше кругосветное путешествие и через две недели мы тоже там будем.

И Ли серьезно посмотрела на своего спутника.

Горе-охотники

«Геркулес» обычно летел по краю Великого Ледяного Поля, иногда забирая слегка в глубь льдов, так что терялась граница их с темной землей — тундрой. Весь корпус воздушного гиганта, канаты и шар были белы от покрывавшего их инея, но это несколько не отражалось ни на скорости, ни на управляемости судна: оно было все так же послушно и бесшумно шло вперед.

Но однажды пассажиры «Геркулеса» подверглись неожиданно смертельной опасности.

— Перелетаем десятый сектор, — заявил как-то капитан, — через полсуток мы придвинемся вплотную к установкам по борьбе с ледниками.

Но еще задолго до этого срока мимо «Геркулеса» вдруг засвистели снаряды и стали с треском разрываться над ним.

Поднялся переполох, раздались крики недоумения и тревоги, но все это продолжалось всего несколько секунд: судно по воле капитана наклонилось носом к земле и помчалось по наклонной пло-

скости. Через три-четыре минуты внизу затемнела земля, и судно пришлось выправить. Во время этого головокружительного спуска «Геркулеса» мимо пролетело несколько снарядов. Один из них пронизал корпус судна наискось. Образовалось отверстие в полметра в диаметре, в которое попадали кой-какие вещи, но, к счастью, ни мотор, ни люди не пострадали.

Тем не менее пришлось спуститься к причальной мачте для заделки дыры.

— Что это могло быть? — недоумевал профессор. — Неужели здесь есть тоже враги тей, и север так же недоступен для них, как и моря?

— Нет, — ответил один из помощников капитана, — это моя оплошность. Сегодня была радиопередача, что в этом секторе, где мы сейчас летели, только что установлены станции для борьбы со льдами, но я забыл передать об этом капитану. До сих пор такие установки были сделаны только в семи секторах, а теперь и восьмой занят нашей армией.

— А действительно опасность была велика?

— Она была очень значительна, ибо достаточно было одному снаряду разорваться внутри судна, чтобы оно погибло, а вместе с ним и мы: газ, которым начинены снаряды, все-таки немного ядовит, а главное поглощает кислород воздуха и образует углекислоту, так что мы погибли бы скорее не от ядовитого газа, а от недостатка кислорода.

— Так что стреляли по нас не враги, а друзья?

— Совершенно верно, и мы можем с ними познакомиться, если большинство пассажиров пожелает сделать здесь остановку.

Меж тем были осмотрены повреждения судна, которые оказались значительнее, чем можно было предполагать вначале: оказался поврежденный шар, из которого с тоненьким свистом выходил газ.

— Граждане! — громко заявил капитан. — Остановка будет продолжаться не меньше суток. Для желающих спуститься вниз сейчас начнет работать подъемный лифт. Прошу не забывать, что через двадцать четыре часа «Геркулес» отправляется: запоздавших ждать не будем.

Одевшись потеплее, профессор и Ли спустились на землю.

Место оказалось сухое, но впереди и справа стояли болота. Прямо по направлению к льдам вилась небольшая дорожка; она шла через болото и, казалось, терялась в его водах. Но на самом деле болото пересекалось узенькой дамбой, и по ней-то и направлялись путники.

Внизу было холодно, и чем ближе к ледникам, тем холоднее.

Скоро болото кончилось и перешло в местность, сплошь усеянную камнями, между которыми пробивалась дикая растительность.

— Конечно, морена, — заметила профессор и стал прыгать с камня на камень, а Ли от него не отставала.

— Что это такое? — закричал профессор, нагибаясь над одной глыбой.

Глыба была хотя и обломана, со шрамами и бороздами, полученными ею по пути, но все же она сохранила несколько правильных углов и две гладко отполированные, совершенно плоские стороны. На одной из них стояла какая-то надпись.

— Несомненно, эта плита обделана человеческими руками, — сказал профессор, стараясь повернуть глыбу на другой бок.

— Да, — подтвердила Ли, — она принесена сюда с севера. Когда-то она слагала какой-нибудь памятник или здание в одном из человеческих селений, а потом поток льда покрыл это селение и увлек плиту и принес сюда. Я не могу разобрать надпись: она сделана на очень древнем языке. А вот и еще обломки бывших сооружений, смотри-ка сюда!

Так, идя по поверхности морены, дошли они до края ледника.

— Дальше идти, пожалуй, рискованно, — оставились профессор. — Ведь мы не знаем местности: на поверхности ледника могут быть трещины, скрытые водоемы, ущелья. Толщина этого ледника не меньше ста метров, как я думаю, и трещины должны быть исключительно глубоки.

Посоветовавшись, они пошли по краю ледника, один раз скатились в ручей, который вытекал из-под ледника, но, наконец, нашли тропинку, которая вела на ледник. Поднявшись, они сразу увидели на льду в разных местах людей, по всей вероятности,

пассажиров с «Геркулеса», а также небольшие хижины, темневшие вдаль подобно воронам на снегу. К ближайшей из них и вела тропа.

Через полчаса они были перед входом в домик, позади которого лежала громадная пирамида белых снарядов и стояло странное сооружение, отдаленно напоминавшее пушку.

На стук дверь открылась, и безбородый молодой человек пригласил путников зайти. Комната была небольшая, теплая, с массой еще неизвестных профессору предметов. Здесь жило два человека, оказавшихся весьма предупредительными хозяевами.

— Мы живем здесь совсем недавно, — рассказывал один из них, — всего около месяца. До сих пор производились предварительные работы и только сегодня начали мы обстрел небес. Недели через две здесь будет достаточно жарко, чтобы дикие звери ушли дальше на север.

— Объясните-ка мне, я что-то не совсем понимаю, — попросил профессор. — Правда, когда-то говорили, что от стрельбы может небесам сделаться жарко, но ведь здесь несколько иначе обстоит дело; вы хотите сделать жарко земле.

— Как, неужели ты не знаешь основ нашей борьбы с ледниками, которая ведется вот уже полсотни лет?

— Признаюсь, не знаю, и на это есть уважительные причины.

— Ну, так коротко вот в чем дело. Когда шел сюда, ты видел наверное вдаль черные кучки. Это —

такие же маленькие батареи, как и наша. На каждой батарее — один выбрасыватель снарядов, который обслуживается двумя людьми. Люди сменяются через каждые три месяца и через каждые три месяца сюда доставляется порция снарядов. Батареи расставлены на расстоянии трех километров одна от другой, снаряды рвутся на высоте четырех километров. Сеть батарей объединяется и обстреливает математически выверенный круг в течение года, затем передвигается дальше на север. На старом месте остается ограниченное количество батарей: когда дело начато, один аппарат может заменить сотню выбрасывателей. Ледники тают и отходят к северу.

— Все-таки мне непонятно, почему ледники отступают.

Рассказчик переглянулся с Ли и продолжал:

— Это же очень просто. Снаряды наши наполнены особой смесью газов. Некоторые элементы этой смеси соединяются с кислородом, давая в результате непроницаемые для темной, отраженной теплоты соединения, главным образом, углекислоту; задача других составных частей смеси заключается в том, чтобы эти новые соединения удерживать на месте, препятствовать диффузии. Солнечный свет свободно проходит сквозь эту смесь, нагревает поверхность льда. Лед отдает свою теплоту воздуху, но пелена газов, которые мы выбрасываем на высоту четырех километров, удерживает ее от рассеяния. Внизу делается все жарче и жарче и начинается бурное таяние льдов. Скоро и здесь будет жарко,

как в оранжерее, начнутся воздушные токи, полярные грозы, которые неведомы другим областям земли.

— Но ведь это же не безопасное занятие! Ураган снесет все ваши сооружения и всех вас вместе...

— Бывает и это! Но ведь это же война! Война с мертвой ледяной пустыней. И она ведется не без успеха: тысячи квадратных километров ежегодно освобождаются от льда и готовятся под заселение людьми. Конечно, борьба требует жертв...

Жертвы! Вот она где, романтика богов! Недаром у этого юноши блестят по-детски глаза, когда он рассказывает! Борьба и возможная опасность воодушевляют его. В нем еще живут инстинкты дикаря!

— Конечно, есть опасность и от зверей, — продолжал меж тем молодой человек. — Пока мы здесь, уже два раза пришлось иметь дело с белыми медведями: нарочно для этого ездили дальше на север, ближе к океану. Здесь, кажется, их нет.

— Вот, вот — думалось профессору, — опасность влечет тебя так же, как когда-то троглодита. Нет, положительно человеческое не умерло в человечестве!

— Хорошо бы посмотреть их, этих северных белых хищников, — мечтательно проговорила Ли с какой-то особенной интонацией в голосе.

— Это можно устроить, — обрадовался любезный хозяин. — У нас на сотню газовых выбрасывателей есть два «метеора». С помощью одного из них мы через двадцать минут будем у берега океана, где белых медведей сколько угодно. Говорят, что они из-

редка забредают и сюда, почти к краю ледяных полей, но наверняка их можно встретить только там. Я сейчас переговорю с начальником сотни.

Через 5 минут было получено по радиотелефону разрешение на «метеор», и все трое во главе с хозяином хижины, которого, оказалось, звали Марио, направились к штабу, — место, из которого шло управление всей системой батарей. Эта своеобразная «главная квартира» была такой же точно хижинной, как и все остальные, только около нее был ангар для «метеоров», да на крыше торчали мачты отправительной радиостанции. Ни «пушки», ни белых снарядов здесь не было — начальник сотни руководил общей работой и производил метеорологические наблюдения, не занимаясь стрельбой непосредственно. У него было два помощника.

— Марио, — сказал начальник, — аппарат доверяю тебе, но с условием, что через четыре-пять часов вы все будете здесь. Не забудь местонахождение нашей сотни.

— Будь спокоен. Как всегда, я помню только долготу. Широта для меня — край льдов.

— При возвращении не попади под обстрел, как «Геркулес». Через четыре часа начнется новый выпуск газовых снарядов.

«Метеор» был тщательно осмотрен, особенно долго возился Марио у так называемого «глаза» воздушной машины. Этот «глаз» представлял собой удивительный аппарат, который сигнализировал вспышкой света, если на линии его полета впереди

находилось какое-нибудь твердое тело; гора или другое воздушное судно.

— Это весьма важное приспособление, — заметил Марио, — без «глаза» нельзя лететь. Скорость полета «метеора» превышает скорость распространения звука, т.е. не меньше одной трети километра в секунду. При такой быстроте все бы наши «метеоры» давно поразбивались о скалы, горы и т. д. К счастью, «глаз» предупреждает о препятствии впереди за двести километров от него.

Через десять минут «метеор» со свистом мчался над холодной беспредельной равниной, а через час он стал уже замедлять ход и почти тотчас остановился у отвесной ледяной стены.

— Мы сделали 1950 километров, — весело заметил Марио. — По моему мнению, здесь должен быть океан, здесь конец континента. Пощупайте-ка стенки «метеора».

Профессор любовно погладил гладкую наружную стенку судна, но тотчас же отдернул руку обратно: стенка была горячая.

— Это не от быстроты полета, — засмеялся Марио, — а от быстрой, чуть не моментальной остановки «метеора»... А все-таки здесь собачий холод.

Все трое мялись около аппарата. Солнца не видно было, хотя должен был быть полдень. С северо-востока дул сильный ветер и жалил лицо мелкими льдинками. Все небо было закрыто тучами.

— Лучше бы было, если бы наш «метеор» не был открыт ветру, — заметил профессор. — По-моему, мы не на месте спустились.

— Ветер должен перемениться, — возразил Марио, — я это видел по барометру в штабе. Несомненно эта ледяная скала вскоре будет нас защищать. Ну, что-ж, идем?

Профессор оглянулся кругом. Вид неровной белой равнины был слишком уныл и пустынен, а «метеор» показался ему таким уютным, что у него пропала всякая охота уходить отсюда. Он малодушно согласился остаться караулить судно.

— Хотя прямой опасности для судна нет, но все-таки лучше одному побыть здесь, — согласился Марио. — Возможны всякие случайности.

Марио и Ли бодро зашагали в направлении, как им показалось, к океану.

Профессор присел на край «метеора» и задумался о своей странной судьбе.

Он не помнил, сколько он так просидел, но вдруг он очнулся от шороха у себя над головой. В это время ветер затих и, как и предсказывал Марио, начал дуть с северо-запада, так что крутобокий ледяной холм действительно защищал стоянку от ветра. Свист воздуха и снежные вихри на равнине указывали, что ветер дул теперь с удвоенной или даже утроенной силой.

Профессор поднял голову кверху и на высоте полсотни метров увидел характерную острую морду белого медведя. Он вытянул морду над обрывом и не-

довольно топтался на месте, словно приготавливаясь к прыжку вниз. Почти тотчас рядом с ним оказалась другая медвежья морда, а затем и третья. Все трое смотрели вниз на странных существ и не выказывали и тени страха.

Профессор заволновался и медленно достал из кармана револьвер теи. Этот револьвер стрелял электрическими искрами большой длины. Профессор никогда не пробовал этого оружия, и теперь вдруг его взяло сомнение, сможет ли револьвер действовать. Он вспомнил о ралюмах гоми и пожалел, что в данную минуту с ним нет знакомой желтой палочки.

Один из медведей зарычал и стал спускаться вниз. Хотя ледяная стена и была отвесна, но большие выступы на ней позволяли цепляться животному, и медведь мог действительно спуститься. Медлить, следовательно, нельзя было.

Профессор нацелился, и огненная дуга с треском метнулась кверху. Сейчас же вслед за этим послышался отчаянный визг и громадная белая туша, перевернувшись несколько раз в воздухе, свалилась прямо на профессора. Но еще прежде, чем медведь придавил его, профессор увидел, что свалился не тот, который спускался вниз, а тот, который беспокойно метался наверху. Профессор мгновенно сообразил опасность: раненая или мертвая туша придавит его, а другой медведь, прошедший уже половину пути, спрыгнет, и тогда гибель его, профессора, будет неизбежна. Он успел пустить еще одну молнию. Послышался глухой рев, и хищник с ужа-

сом, как показалось профессору, и возможной быстротой начал карабкаться вверх.

В следующее мгновение ранее падавший медведь действительно оглушил его своим падением, и профессор упал почти без сознания. Он тотчас пришел в себя. Пострадала слегка правая рука, а главное был исковеркан револьвер. Последнее обстоятельство было наиболее страшно в его положении.

Перед ним лежал мертвый медведь, перевесившись через хвост «метеора». Два другие исчезли, но ведь они могли явиться сюда каждую минуту! Можно было сесть на судно и улететь, но как же Ли и Марио? Где он может найти их в этом сером полумраке, среди снежных вихрей?

Профессор посмотрел на часы: Ли и Марио ушли больше часа назад. Где они теперь? Может быть потеряли направление и блуждают теперь по опасным ледникам? Надо дать им сигнал.

Профессор зажег электрический фонарь в тысячу свечей, как было условлено между ними заранее, и поднял его на высоту десяти метров.

Прошло еще около часу. Пора было уже возвращаться назад, а Ли с Марио не было. Не пойти ли ему на поиски?

Стало темно. Профессор дрожал от холода, ибо электрическая печка согревала его плохо. Кружились вихри льдинок, свистел ветер. Профессор представил себе Ли и Марио одиноко бредущими по ледяной равнине и вздрогнул.

В это время справа слышались крики. Каза-лось, они раздавались совсем рядом. Профессор со-рвался с места и побежал на голоса.

Серая мгла мешала что-либо рассмотреть, а свист ветра не позволял разобрать, о чем кричали голоса. Наконец, профессор увидел впереди неясные фигуры и разобрал голос Ли, кричавшей:

— Беги скорей! Захватил ли ты револьвер?

— Бегите сюда! — закричал профессор что есть мочи. — Револьвера нет! Бегите на мой голос, если не видно фонаря!

В следующее мгновение он увидел бегущих Ли и Марио и за ними штук пять фигур медведей. Передний медведь был на расстоянии пятнадцати шагов от бегущих людей.

Вдруг оба, Ли и молодой человек, один за другим исчезли, словно провалившись сквозь землю, а через несколько мгновений бежавший им навстречу профессор, не успев сообразить, что стало с его спутниками, вдруг почувствовал, что почва перед ним раздалась, и он полетел в какую-то пропасть. Мягкий снег легко раздавался в стороны под тяжестью тела профессора, пока, наконец, последний не почувство-вал, что он прочно лежит на спине.

— Профессор, ты? — раздался голос Ли справа.

— Я. Куда это мы попали?

— В трещину. Если один из этих хищников свалится сюда, нам с ним не сладить. Ты не ушибся?

— Кажется, оцарапал щеку и руку. А где Марио?

— Рядом со мной. Он, кажется, сильно разбился. По-моему, он без сознания.

— Ну, я иду к вам. У меня кое-что есть, чтобы привести его в себя.

Пробираясь на голос Ли, профессор обнаружил, что в эту сторону трещина расширялась до двух-трех метров. Ли зажгла карманный фонарик.

Профессор подошел и занялся Марио, меж тем как Ли рассказывала о своих происшествиях. Ока-зывается, они не видели ни одного медведя, и только на обратном пути, уже совсем близко к стоянке, когда отчетливо был виден сигнальный фонарь профессора, неожиданно наткнулись на стадо белых хищ-ников. Они не трогали их, но звери были, повиди-мому, чем-то возбуждены и напали на людей. Напа-дение было столь неожиданно, что Марио едва успел пустить одну или две искры. Один из хищников схватил револьвер в зубы и, хотя сам погиб, но вы-рвал оружие из рук Марио. Ли была уверена, что Марио сам выпустил оружие от неожиданности и испуга. У нее же револьвера не было.

— Таким образом, мы теперь безоружны, — ска-зал профессор, — ибо мой револьвер тоже погиб самым печальным образом. И вдобавок мы на пят-надцатиметровой глубине в этой ледяной дыре. У меня такое впечатление, что охота на белых мед-ведей не совсем приятное удовольствие. Во всяком случае достаточно рискованное. Ага, он, кажется, приходит в себя. Ну, что, каково?

Марио пришел в себя окончательно и начал жаловаться на боль в голове.

— Да, ты здорово разбил себе башку, — объяснил профессор. — Я отделался значительно лучше. Мы все трое живы, но что из этого? Сейчас темная ночь, а все оружие наше состоит из двух фонарей. Конечно, при удаче и фонарем можно набить медведю морду, но я твердо убежден, что этим не внушишь ему должного уважения к людям. В сущности наиболее убедительным средством был бы ралюм...

— Не будь так кровожаден, Дважды Рожденный, — заметила Ли со смехом. — Давай обсудим наше положение.

— Да что-ж обсуждать? Пойду и поищу удобного под'ема отсюда. Ясно.

И, не дожидаясь ответа, профессор, постоянно спотыкаясь, побрел к месту своего падения. Через полчаса он вернулся с известием, что, пожалуй, в одном узком месте можно выбраться отсюда, упираясь ногами в стены и держась за редкие выступы.

— Может быть, здоровому человеку и под силу, но Марио с этим не справится, — закончил профессор.

Было решено дожидаться рассвета.

Томительная ночь продолжалась пятнадцать часов с лишком, но день не внес изменения в их положение: профессор, с трудом поднявшись к краю трещины, увидел трех медведей, точно стоявших на страже. Один из них, заметив человека, с рычаньем побегал к трещине,

Профессор поспешно спустился вниз к ожидавшей его Ли.

— Эта тварь может догадаться и спуститься вниз, — заметил он.

Но медведь не догадался, и люди успокоились.

Марио чувствовал себя лучше — это было единственное утешение. Все трое сидели и молчали. Со вчерашнего дня никто из них не ел, и поэтому голод давал о себе знать. Днем стало теплее, но все-таки было еще достаточно холодно. Надо было двигаться, чтобы избежать оцепенения. Марио тоже начал шагать. Неожиданно он оступился, став на что-то скользкое. Это оказалась линза с его разбившегося аппарата.

— Вот и спасение! — воскликнула вдруг Ли, увидев линзу в руках Марио.

И Марио и профессор осмотрели на нее с недоумением.

— Конечно, разве вы не видите? Ведь это линза — мощное собирающее стекло. Надо только, чтобы показалось солнце, и тогда у нас будет не менее трех оружий нападения. Эта линза собирает такой пучок солнечных лучей, что в тридцать секунд плавит железо. Медведь, разумеется, подвернется плавлению значительно раньше, во всяком случае прежде, чем добежит к нам.

— Пожалуй, что это верно, — согласились спутники Ли.

У всех появилась надежда на спасение. Но этот день прошел, и солнце не показывалось. Люди отощали и еле двигались, особенно ослабел Марио, потерявший много крови еще при падении. Вновь прошла ночь. Раза два профессор пытался выбраться из трещины и под покровом темноты добежать до «метеора» и уже потом «метеором» пытаться разогнать зверей, но оба раза его встречало рычание, едва только он высовывал голову из трещины. В третий раз у него нехватило сил подняться.

Утро началось при хорошем предзнаменовании: небо было чистое и, повидимому, появилось солнце.

Ли и профессор поднялись одновременно. Впереди кувыржалась группа медведей — штук пять или шесть. Снежинки ярко блестели, отражая в себе солнечный свет. Двое медведей почти тотчас вскачь направились к высунувшимся головам людей, но на расстоянии десяти шагов, получив мучительные ожоги, с визгом повалились на снег и начали кататься. Остальные звери тоже прибежали, но и их постигла та же участь.

Видя успешное действие зажигательных стекол, Ли и профессор рискнули и побежали на катавшихся по снегу зверей, жала их солнечными лучами. Шерсть на многих медведях начала дымиться, послышался запах горелого мяса. Это довершило победу людей, и звери бросились на-утек, время от времени бросаясь на лед и с визгом катаясь на нем. Зрелище было в достаточной степени комичным, и профессор и Ли, забыв собственную слабость,

мучительный голод и все, что до сих пор перенесли, громко расхохотались.

Ровно через час «метеор» мчал горе-охотников к югу с головокружительной быстротой.

Борьба титанов.

Каждый из нас немного дикарь, в каждом из нас дремлют инстинкты пещерного человека, когда он, еще обросший волосами, с сильно развитыми челюстями, вооружившись пращей и палицей, выходил один на один на пещерного медведя или льва и побеждал их. Прикрытые сотнями тысячелетий и цивилизацией, эти инстинкты прячутся в самых сокровенных глубинах человеческого «я», чтобы вырваться на волю при случайно благоприятных обстоятельствах.

Человек претерпел эволюцию—исключительную эволюцию от звериного рычания до тонкого пения, от берлоги до роскошного дворца, от бега на четвереньках до молниеносных полетов в воздухе, от грубого инстинкта до тончайшего интеллекта.

И все-таки инстинкт жив.

В каждом из нас с малых лет живет беспокойный дух — жажда исключительных подвигов, приключений. Романтика! Без нее немислимо человечество!

Троглодит, вышедший на единоборство с медведем и исполнинским оленем, это — романтика.

Житель свайных построек, выходивший на войну одетым в звериные шкуры в сопровождении своей самки, несшей его копые, — романтика.

Рыцарство и крестовые походы — романтика.

Позднейшая борьба человечества за лучшее будущее — романтика.

В мужчине заложены в числе прочих начала, толкающие его в неопределенные дали, заставляющие его кочевать. Он ищет неизвестные места. Первобытный дикарь, покрытый звериными шкурами, перед тем, как совершить кочевку, пытливо всматривался в синюющую даль, в темную стену лесов, в неясные очертания горных отрогов. Там было неизведанное, там была дичь, дававшая ему одеяние и пищу. Но там же была и опасность. И кто может сказать, что больше влекло его туда с насиженного места: обильная ли дичь или опасность охоты за ней?

Так было в течение веков — в течение еще неподсчитанного количества веков. И на самых низших ступенях цивилизации, и на самых высших.

Женщина — созидательница и хранительница домашнего очага. Она не любила кочевой жизни, ей больше по душе была жизнь оседлая. При оседлом образе жизни легче было сохранить огонь, воспитывать детей было безопаснее. Мужчина расширял человеческий кругозор, повышал свой интеллект, женщина поддерживала жизнь всего человечества, отца — первая вежа цивилизации, ее психология оседлости обусловила и дала направление челове-

ческой культуре. И такой она оставалась в течение веков — охранительницей человеческой жизни.

Но кто может оспаривать романтику первобытной женщины, когда она держала запасное копые и стрелы мужа, который в этот самый момент боролся со львом или себе подобным?

У теи, у этого нового человечества, тоже есть своя романтика.

Они пережили ряд исключительных достижений человеческого гения, достигли умопомрачительного развития интеллекта, но все-таки не сумели побороть инстинктов первобытного человека.

Ибо романтика это — инстинкт, она — неотъемлемая человеческая сущность.

Отнимите ее у людей, и на земле станет скучно, попробуйте пренебречь ею при попытке извлечь прошлое из тьмы веков, и у вас пропадет охота к самой попытке.

Так думал профессор, созерцая открывавшиеся перед ним внизу пустынные ледяные дали — мощные ледники, покрывшие Северную гемисферу не только за полярным кругом, но далеко к югу от него.

Машины и дома, дома и машины. Всюду люди, всюду машины, — не было, казалось, простора ни для физического, ни для умственного прыжка.

Даже восторг от посещения ЭЭС, захвативший профессора вначале целиком, не мог погасить мысли о давящем числе людей,

Необозримые пространства ледяных полей убежали назад, а эта навязчивая мысль не покидала его ни на миг.

Три дня летело воздушное судно над краем Великого Ледяного Поля, а все еще не видно было конца этим ледникам. Правда, судно не делало больше 300 килом. в час. За это время профессор успел прослушать длинную повесть о красочной жизни тей здесь, у границ цивилизованного мира. Это была борьба, трагическая и радостная одновременно. Боролись с холодом, с ледяным безмолвием, с ужасными полярными бурями, со всей той многоликкой опасностью, которая подстерегала здесь дерзких людей на каждом шагу.

Всего, что профессор до сих пор видел и слышал, было достаточно, чтобы порадовать его.

На земле все еще был простор, правда, овеванный дыханием смертельного холода, но все-таки это был бескрайний простор.

А у человечества сохранилась романтика. Разве не опасность влекла его обоих спутников на «охоту», которая так неудачно кончилась?

Разве не блестяли глаза у Ли, когда она жалила зверей солнечными лучами?

Все это — немножко инстинкты.

И профессор при этом открытии испытал странное удовольствие. Он не чувствовал себя более одишким и чуждым этому необыкновенному миру, словно бы он выброшен был на другую планету. Было нечто общее, что связывало, роднило его,

человека, каменного века, с новым человечеством, достигшим божеского могущества.

И это общее — романтика.

Живы еще, следовательно, инстинкты прародителей-троглодитов!

Что это? Ах, да, музыка! Теи не расстаются с ней, они любят музыку так же, как и солнце. На борту судна играли, — играли нечто, что профессор давно назвал для себя симфонией «Борьба титанов». Он часто слышал эту вещь в исполнении оригинальных оркестров, но здесь, в воздушных даях, музыка звучала с особенной силой и проникновенностью. Начиналась она робкими, нежными мелодиями. Это был лепет человека-младенца, который еще не осознал себя. Затем мелодия начинала прерываться резкими звуками, не нарушавшими, однако, мелодичности музыки. Это было начало борьбы, это было началом сознания себя, как цельного индивидуума. И постепенно музыка переходила в хор голосов, исполненных исключительной мощности, стройности; затем вновь — звуки борьбы, отчаяния, бесчисленных трагедий и, наконец, заключительные аккорды, в которых профессору чудилась мудрость веков, всепобеждающий гений людей, далекие таинственные миры, ждущие к себе людей.

Это могло быть историей всего человечества, но могло также изображать переживания отдельного теи, борющегося с природой за счастье многих.

А, меж тем, Ли тихо рассказывала:

— Новое великое оледенение началось еще 25.000 лет назад. Началось с небольшого: однажды снег не растаял в северной половине Скандинавского полуострова в течение лета, пролежав, таким образом, целый год.

Этому обстоятельству не придали никто значения, так как следующий год был жарким годом, снег стаял, и все казалось нормальным.

Но были предостерегающие голоса. Геологи читали лекции и доказывали, что климат начал меняться уже давно, количество теплоты, по вычислениям метеорологов, получаемой от солнца, становилось меньше, вернее, она шла не на нагревание земли, а на таяние больших масс снега, обычно выпадавших зимой.

Истинных причин изменения климата в Северной гемисфере не могли, как водится, открыть и без конца спорили на эту тему.

Ошеломляющее открытие сделали рыбаки: они открыли, что на пути теплого течения Гольфстрем, согревавшего Европу зимой, морское дно стало выпящаться.

Это повышение совершалось чрезвычайно медленно, нужны были десятилетия и тщательные промеры дна, чтобы его обнаружить, но в конце-концов было твердо установлено, что под морским дном совершались какие-то таинственные геологические процессы, в результате которых дно моря стало постепенно выпячиваться.

В течение одного тысячелетия морское дно поднялось настолько, что теплое течение изменило свое направление и на пути в Восточную гемисферу повернуло к Америке. А тут еще вообще зима в Северной гемисфере стала делаться длиннее в связи с передвиганием фокуса земной орбиты.

Это было ударом по человеческой гордости, по человеческому самолюбию.

Но это же было и несчастьем, — самым большим несчастьем, когда-либо посетившим человечество. Это была угроза не только культуре — оледенение угрожало судьбе чуть не всего человечества, ибо в Старом мире было сосредоточено больше половины всего населения земли, а также все главнейшие культурные ценности.

Жизнь замирала, человек отступал перед мертвым дыханием ледяного севера, — отступал медленно, цепляясь за малейшую возможность, упорно борясь за каждую пядь земли.

Но неумолимые льды двигались, захватывая все большие и большие пространства, все крепче сковывая землю мертвящим покровом. Постепенно обезлюдели города и селения за Полярным кругом, а затем оледенение перекинулось дальше, к югу.

Перестали дымиться трубы заводов, погасли огоньки человеческого жилья, потухли очаги, не слышно было больше грохота поездов, шума моторов в воздухе и на земле.

Ледники взбирались на горы и длинными узкими языками стекали с них к югу. Моря не могли их

остановить и, наполнившись ледяными горами до краев, послужили только удобным мостом для льдов с севера. Вымерли и иссякли реки, и их русла служили путями для движения ледников. Мощные здания городов, для которых раньше тысячелетия проходили бесследно, теперь падали под сокрушительными ударами ледяных масс, превращаясь в беспорядочную кучу развалин, и уносились на опинах ледников за тысячи километров от своего первоначального места.

Неумолимая смерть шла с севера.

Человек отступал, ибо он не умел бороться с ледниками. Может быть, он сумел бы защитить себя от холода, но только живая земля могла давать ему пищу, холодный же лед ничего не производил.

По пятам за человеком шло холодное безмолвие севера.

Белые медведи, дикие олени, песцы, да редкие полярные лисицы рыскали по безмолвным ледяным пустыням.

.....

Грузовое каботажное судно, развозившее снаряды на боевые установки на ледниках, плыло низко, окутанное облаками. Воздух был полон теплой влаги. Изредка сквозь просветы в облаках проглядывало солнце, чтобы через пять минут вновь спрятаться. Судно постоянно меняло курс, но не меняло высоты. Оно заходило на каждую сеть бата-

рей и мучительно долго сгружало белые газовые снаряды.

Профессор и Ли, вернувшиеся на двое суток позже, конечно, «Геркулеса» не застали и теперь плыли с «грузовой лоханью», как прозвала судно Ли, по направлению ко Второму сектору. Здесь начальником одной из сотен батарей был Эйс, у него-то профессор и намеревался сделать продолжительную остановку или даже совсем остаться здесь.

— Как в оранжерее, — заметил профессор. — Прямо не верится, что в полусотне километров отсюда лежат мощные ледники. А что теперь внизу?

— Озера и реки, болота и ручьи — талая вода с ледников.

— Но все-таки настоящая черная девственная земля?

— Да, льды отступили: под нами земля, покрытая на сухих местах дикой растительностью.

Было уже недалеко от Второго сектора. Воздух понемногу пришел в движение, водяные пары заколебались, подул ветер с севера, который очень быстро перешел в ураган. Неизвестно, откуда налетела гроза, все потемнело, и гигантские, чудовищные молнии начали бороздить небо. Однако, гром не был слишком силен, а меж тем влажный воздух лучше проводит звук, это профессор хорошо знал. Он решил поговорить с Эйсом при встрече на эту тему.

Судно стало швырять в стороны, шар над ними раскачивался. Но капитан во-время заметил опасность, и судно быстро взмыло вверх и плавно понеслось над грозой. Это было редкое зрелище для профессора: внизу, на расстоянии одного километра, бушевало море туч, из которого глухо доносились раскаты грома, а здесь, в ясной лазури, были мир и тишина.

Часа через два гроза прошла, и судно вновь спустилось до своей высоты.

Профессор летел уже тысячи километров и всюду видел бесчисленные установки по борьбе со льдами. Сотни тысяч, может быть, миллионы пушек выпускали снаряд за снарядом вверх. И каждый такой снаряд — лишний метр годной под поселения земли. И так шло вот уже полсотни лет. Какие громадные пространства освободились из-под льдов за это время!

И сколько в то же время было понесено жертв со стороны людей!

Это была борьба со стихией, борьба со холодом и смертью, борьба за овладение обоими полюсами.

Это была борьба титанов.

Греческие мифы повествуют о борьбе титанов между собой, которые бросались скалами и холмами. Но это была бессмысленная борьба.

А вот новые, действительные, а не мифические, титаны объявили борьбу холоду и стали стрелять по небесам. И не скалами, а небольшими, длиной в метр снарядами. А результат колоссальный!

Ледники стометровой мощности и толщи становятся на протяжении пятисот метров ежегодно к северу и на протяжении тысячи километров к востоку и западу.

Есть перед чем притти в изумление!

Эта титаническая борьба во много раз превосходила по замыслу и грандиозности ЭЭС, но все же без Энергетической станции она была бы немислима.

Профессор часто думал об этом, и подобные мысли не покидали его; он молча преклонялся перед величием человеческого замысла, перед неограниченными силами гения человеческой мысли.

Когда Ли и профессор пришли к Эйсу, последний встретил их вместо приветствия словами:

— Около пяти часов назад у нас пронесся короткий ураган, но опустошения его значительны: треть жилищ унесена, исчезли четырнадцать человек, но выбрасыватели все целы, а это главное.

Да, думалось профессору, природа, бессмысленная и жестокая, мстит за себя: и побеждаемая, но еще непобежденная, она страшна. Здесь, у края ледников, на значительной площади воздух неожиданно теплеет, холодный воздух с севера старается занять его место. Отсюда и бури, и ураганы.

А титаны борются, буря опрокидывает их, но они поднимаются и вновь методически и уверенно делают свое дело, шаг за шагом подвигаясь к северу.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Дважды Рожденный, как привык теперь профессор сам называть себя, был удовлетворен: он окончательно убедился, что он не совсем был чужд новому человечеству. Правда, он был для тех не чем иным, как только троглодитом, — почти тем же, чем бы для него самого был настоящий пещерный человек, но тем не менее он не чувствовал себя больше одиноким. Ему казалось, что в великих достижениях, которыми пользовалось человечество теперь, была заложена частица его самого. Оборот космической турбины был ударом его собственного сердца, дрожь воздуха от выстрелов по холодной смерти была вибрацией его мысли.

И ведь верно! Смерть многолика. Именно по одному лику ее, вернее, по морде, стреляли два раза в день и били ее... И вместо безжизненных холодных полей холодной смерти загоралась радостная, жаркая, волнующая жизнь!

Он чувствовал радости новых людей!

Но у новых людей была и скорбь — скорбь от невозможности достигнуть тех миров, которые каждый вечер неизменно зажигались в небе, и горели то

ровным, то трепетным, но всегда одинаково зовущим светом.

Была у человечества сказочная красивая мечта: оно хотело летать наяву так же, как оно летало во сне.

Люди сделали воздух своей родной стихией.

Но тут же родилась еще более прекрасная мечта: другие неизведанные миры звали людей к себе.

Но вот слышится глухой гул. Что это? Ах, да: это дерзкие теи обстреливают небеса. Они завоевывают себе место под солнцем. Каждый выстрел — шаг вперед. Сколько калорий тепла сохранит он у поверхности земли? У них это точно подсчитано, они точны и аккуратны, эти теи. Что это сегодня стрельба дольше как будто продолжается? Или это профессору показалось?

Стрельба закончилась.

А ведь, в сущности, это — старая мысль, которую теи претворяли в дело. Ведь и тридцать тысячелетий назад были великие умы, которые уже тогда верно определили влияние углекислоты на температуру на земле. Правда, никто тогда не думал, что можно искусственным образом изменить климат в определенных областях, насытив воздух углекислым газом, но возможность такого естественного процесса доказывалась определенно. Вулканы, уверяли ученые, могут доставлять колоссальное количество углекислоты, именно это обилие выброшенной из недр земли углекислоты и было причиной повсе-

местного жаркого климата в каменноугольное время.

Теперь теи углекислотой гонят льды на север, к полюсу!

— Мы скоро и полюс растопим! — говорил Эйс. Что ж, и это возможно.

Профессор вынул свой комбинированный карманный аппарат. Почему-то листочки электроскопа оказались отодвинутыми друг от друга. Это явление привлекло его внимание. Раздумывая о причине этого непонятого явления, он соединил листочки электроскопа и поднес его к аккумулятору: листочки мгновенно разошлись. Он по возможности унес дальше электроскоп, но через час листочки его были все в том же разобитом положении.

— Чорт возьми! — воскликнул профессор. — А ведь, случай, кажется, из ряда вон выходящий!

Он вновь и вновь заряжал электроскоп, но результат был все тот же: сам собой электроскоп, как это бывает при обычных условиях, не разряжался.

Он несколько раз тщательно изолировал электроскоп, далеко уходил от хижины, боясь, что электроскоп каким-нибудь образом индуцируется, но все это приводило к тому же: листочки электроскопа отталкивались во всех случаях.

Занятый своими экспериментами, профессор не заметил, как прошло время. Вдруг электроскоп начал вести себя прилично, то-есть, предоставлен-

ный самому себе, лишенный воздействия электрического поля, очень быстро разряжался.

Но как раз в это время Эйс дал сигнал к новой стрельбе.

— Изумительно!—подумал профессор.—Я, стало быть, провозился с электроскопом около двенадцати часов.

И странное дело: вскоре, после прекращения стрельбы, электроскоп вновь начал «дурить», то-есть, будучи заряжен, не разряжался до следующей очередной стрельбы.

Проходили дни, а профессор продолжал экспериментировать, и все с теми же результатами. Самое любопытное во всем этом было то, что в местностях, где не было установок по борьбе со льдами, то-есть всюду на земле, электроскоп вел себя нормально. Профессор помнил это хорошо.

Невольно сама собой запросилась мысль:

— А не связано ли все это со стрельбой?

Раз появившись, мысль продолжала работать в определенном направлении. Профессор уже не производил опытов, а думал долго и упорно, — думал до тех пор, пока догадка не перешла в твердую уверенность. Наконец, он проделал последний опыт: небольшую порцию той газовой смеси, которой теп удерживали теплоту на земле, он поместил в плотный сосудик, в котором был спрятан также и электроскоп. Опыт он проделал далеко от места стрельбы. Целых три месяца электроскоп не раз-

ряжался, будучи заряжен один раз и затем изолирован.

Это было уже слишком для профессора, и он вернулся к Эйсу в сильно возбужденном состоянии.

— Эйс! — еще издали не своим голосом закричал он. — Смотри сюда!

— Смотрю: в стеклянном ящике заряженный электроскоп.

— Ты ничего особенного не замечаешь?

— Признаться, ничего. Да, замечать, по-моему, нечего.

— Имей в виду, что электроскоп больше трех месяцев в таком состоянии.

— Если ты что-нибудь понимаешь, то об'ясни.

Профессор подробно рассказал про свои опыты и затем добавил:

— Тебе известно, что, если заряженный электроскоп оставить, то он постепенно разрядится. Таково влияние космических лучей. Этот электроскоп я зарядил очень давно, и ты видишь, что заряд все еще остается на нем.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что сейчас доступ сюда космическим лучам затруднен. И знаешь, что является непреодолимой преградой для них?

— Неужели... Я замечал, что ты экспериментировал что-то такое...

— Та смесь газов, которую твоя сотня пушек дважды в день стреляет в высь, — вот преграда, которую космические лучи преодолеть не могут.

Конечно, здесь нужны более тонкие, более тщательно обставленные опыты, но уже и теперь я твердо убежден, что именно та газовая смесь, которую тысячами тонн выбрасывает ежедневно в воздух, непроницаема для космических лучей. Если тонкую и легкую оболочку межпланетной ракеты наполнить легкой газовой смесью, то она вполне защитит людей от действия космических лучей. Таким образом, проблема межпланетных сообщений будет разрешена. Все говорит за то, что я по праву приобрету себе место среди нового человечества.

Пораженный Эйс долго и сосредоточенно молчал, пока к нему вернулся дар речи:

— Да, это, повидимому, серьезно, и твое открытие перевернет судьбу нашей планеты.

Вдруг Эйс перебил себя и закричал:

— Да здравствует Дважды Рожденный! Я первый с тобой полечу в газовом межпланетном корабле!

— Теперь, милый Эйс, и ты, я вижу, начинаешь думать, что и троглодит способен на что-нибудь путное...

— Нет, друг мой, не то! Я вижу впереди человечество, владеющее всей солнечной системой. Вооруженное точными знаниями, оно сумеет регулировать космические силы и изменит бег планет... Можно будет говорить о курсе Луны, как мы теперь говорим о курсе воздушного корабля... Человечество подчинит себе жизнь и смерть, овладеет тайнами вселенной...

— Ты заврался, Эйс, — охладила его Ли, вышедшая из хижины во время его тирады. — Что ты без толку орешь в честь Дважды Рожденного: да здравствует, да здравствует! Лучше бы вместо хвалебных криков устроить ему приличную операцию. Ему давно уже необходимо обновить почки, печень, вырезать половину ужасного живота и изменить пигменты крови, ибо хотя седина ему и очень к лицу, но лучше все же пусть он будет черный. Раньше он был черный.

И Ли нежно взяла профессора за руку.

В это время стало темнеть, и все трое согласно уставились на Венеру, загоревшуюся красивым зеленовато-голубым светом.

— Через несколько часов передовое человечество будет в большом волнении, — сказал Эйс, направляясь к радиоаппарату.

Профессор посмотрел в глаза Ли: в них отражался нежный голубой свет далекой планеты.

	Стр.
Пролог	2
Два лагеря	5
В горах Кавказа	8
Почему не работала Тифлисская радиостанция	11
Тайна пещеры	19
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В подводном дворце	25
Странный сон в не менее странном месте	27
Зеленый дворец	31
На положении пленника	42
Люди-рыбы	50
Профессор делает ряд открытий	
Часы подводных жителей	72
Зеленый дворец в опасности	80
Неудачная попытка	97
Неожиданный союзник	105
Новый пленник	115
Союз двоих против тысяч	120
Побег	135
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Надводный мир	—
Профессор ничего не понимает	151
Не только земля, но и небо выглядит иначе	172
Экспедиция в музей древностей	180
Профессор убеждается, что можно родиться дважды	209
Немного истории	217
Воздушное путешествие	224
Не все еще изменилось на земле	232
На Энергетической станции	242
Горе-охотники	252
Борьба титанов	260
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	281

I. ОТДЕЛ ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Афим-Ассанга .—„Черный вал“, роман	1 р. 20 к.
Бергер, Х. —(авт. пьесы „Потоп“) — „Дневник одинокого“, роман	1 р. — к.
Богданов, Ф. —„Дважды рожденный“, фантастический роман	1 р. 75 к.
Боденхэйм, М. —„Девятое авеню“, роман	1 р. 60 к.
Бруун, В. —„Бриллианты Гваякватора“, роман	1 р. 20 к.
Брет-Гарт .—„Искатели золота“, роман	— р. 75 к.
Брет-Гарт .—„Девушка из Кентукки“, роман	1 р. — к.
Бюр, Р. и Ферлан, Ж. —„Иггис и Ко“, роман	1 р. 75 к.
Верн, М. —„Вавилонские владыки“, роман	1 р. — к.
Вотель, К. —„Королева неизвестного острова“, роман	1 р. 20 к.
Войнич, Е. —„Джэк Рэймонд“, ром. (3 изд.)	1 р. 20 к.
Войнич Е. —„Овод в изгнании“, роман (4 изд.)	1 р. 50 к.
Гамсун, К. —„Виктория“, роман	1 р. — к.
Гершгеймер, Джозеф .—Собрание сочинений: 1. „Кукла и женщина“, роман (2 изд.)	1 р. 15 к.
2. „Белисэнд“, роман	1 р. — к.
3. „Линда“, роман	1 р. — к.
4. „Три поколения“, роман	1 р. — к.
5. „Явайский пик“, роман	1 р. — к.
6. „Горячая кровь“, роман	1 р. 20 к.
7. „Яркая шаль“, роман	1 р. — к.
Гирели, М. —„Преступление проф. Звездочетова“, фантастический роман	1 р. 15 к.
Десбери, Л. Г. —„Голубой луч“, роман	1 р. 50 к.

- Жаколио, Луи.—„За свободу Индии“, ром. 2 р. — к.
 Жаколио, Луи.—„Грабители морей“, роман 1 р. 20 к.
 Жермен, Жозе.—„Петух“, роман . . . . . — р. 75 к.
 Жулавский, Г.—„На луна“, фантастич. роман, 2 изд. . . . . 1 р. 50 к.
 Жулавский, Г.—„Победитель“, фантастический роман, 2 изд. . . . . 2 р. — к.
 Жулавский, Г.—„Возвращение на старую землю“, фант. роман . . . . . 1 р. — к.
 Запольская, Г.—„То, о чем даже думать не хотят“, роман . . . . . 1 р. 40 к.
 Ирinson, Я.—„Завет предка“, роман . . . 1 р. 15 к.
 Клемент, А.—„Под дном морским“, фантастич. роман . . . . . 1 р. 25 к.
 Левидов, А.—„Диктатура пустыков“ (Англия в памфлете) . . . . . — р. 60 к.
 Ле Фор и Графиньи.—„Вокруг солнца“, фантастический роман . . . . . 1 р. 50 к.
 Лидин, В.—„Голубое и желтое“ . . . . . 1 р. — к.
 Лясисто, Ш.—„Записки шпиона“, роман . 1 р. 15 к.
 Лямандэ А.—„Дети века“, роман . . . . . 1 р. — к.
 де-Миоландр, Ф.—„Случай“, роман . . . . 1 р. — к.
 Ницулин, Л.—„Тайна сейфа“, фантаст. роман . . . . . 1 р. 20 к.
 Ницулин, Л.—„Хмель“, роман . . . . . 1 р. — к.
 Обручев, В.—„Земля Санникова“, фант. ром. 2 р. — к.
 Обручев, В.—„Золотоискатели в пустыне“, роман . . . . . 1 р. 75 к.
 Потехин, Ю.—„Ошибка Оскара Буш“, фант. роман . . . . . 1 р. 25 к.
 де-Пувурвиль, Альберт.—„Китайские тени“, роман . . . . . — р. 80 к.
 Ренар, М. и Нам, А.—„Тайна Ришара Сегора“, роман . . . . . 1 р. 40 к.

- Ренар, М.—„Кто“, роман . . . . . 1 р. 35 к.
 Сель, А.—„Бунт машин“, роман . . . . . 1 р. — к.
 Тагор, Р.—„В четыре голоса“, роман . . . — р. 50 к.
 Трот-де-Баржи.—„В стране минувшего“, фантаст. роман . . . . . 1 р. 50 к.
 Уздсли, О.—„Иногда“, роман . . . . . 1 р. 60 к.
 Уздсли, О.—„Любовь Сары Дезанж“, ром. 1 р. 50 к.
 Уздсли, О.—„Песок“, роман . . . . .
 Фаррер, Нлод.—„Маленькая женщина с большим характером“, роман (2 изд) . 1 р. — к.
 Форбен, В.—„Тайна жизни“, фант. ром. 1 р. 20 к.
 Фридман, Д.—„Мендель Маранц“, роман . 1 р. 35 к.
 Хаггард, Р.—„Братья-волки“, роман . . . 1 р. — к.
 Хаггар, Р.—„Сердце мира“, роман . . . . 1 р. 35 к.
 Хаггарт, Р.—„Дочь повелителя Анахуака“, роман . . . . . 1 р. 25 к.
 Честер, Д.—„Как они становятся миллионерами“, роман . . . . .
 Шолом-Алейхем.—„Потоп“, роман . . . . 1 р. 75 к.
 Шолом-Алейхем.—„Актеры“, роман . . . . 1 р. 50 к.
 Шолом-Алейхем.—„Скитальцы“, роман . 1 р. 50 к.
 Шолом-Алейхем.—„Кровавая шутка“, ром. 2 р. — к.
 Шолом-Алейхем.—„С ярмарки“, роман, автобиография . . . . . 1 р. 50 к.
 Шолье, А. и Лесбро, А.—„Через Атлантику на гидроплане“, фант. роман . . . . . 1 р. — к.
 д'Эм, Жан.—„Красные боги“, фант. ром. — р. 90 к.
 Зренбург, И.—„Акц. О-во Mercure de Russie“, роман . . . . . 1 р. — к.
 Зренбург, И.—„Лик войны“ . . . . . — р. 95 к.
 Эрхардт, П.—„Последняя власть“, роман-утопия . . . . . 1 р. 20 к.

II. ОТДЕЛ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ.

- Ван-Лун, Г., проф.**—„История человечества“ (для юношества), в 2-х том., с многочисленными иллюстрац. За каждый том . . . . . 2 р. — к.
В самой популярной форме автор излагает историю человечества от основания мира до наших дней. Переведенная на все европейские языки книга проф. Ван-Луна имеет настолько большой успех в Америке и Европе, что ежемесячно выходит новым изданием.
- Валентайн, Н., проф.**—Психология красоты . . . . . 1 р. 35 к.
- Виноградов, Н., проф.**—„Очерки по истории идей дошкольного воспитания“ . . . 1 р. — к.
- Голенин, М. проф.**—„Растительный мир как производительная сила природы“ . . . — р. 80 к.
- Древер, Д., проф.**—„Психология труда“ . . . 1 р. 35 к.
- Зее, Д. и Стрели, Ж.**—„Подвижные игры и физические упражнения“, с 43 рис. . . . — р. 75 к.
- Козо-Полянский, Б., проф.**—„Новый принцип биологии“ . . . . . 1 р. 20 к.
- Кулагин, Н., проф.**—„Животные организмы как производительная сила природы“ . . . — р. 80 к.
- Лютц, К., проф.**—„Психология животных“ (Зоопсихология) . . . . . 1 р. 20 к.
- Мельцер, Э.**—„Право на убийство“ (Борьба с вырождением), под ред. и вступ. статей д-ра Л. М. Василевского . . . . . 1 р. 35 к.
- „Методика геоботанических исследований“**—сборник статей проф. В. Алена, В. Доктуровского, А. Жадовского и А. Ильинского . . . . . 1 р. 20 к.

Прогулки по отраслям промышленности
(Серия популярных книг, знакомящих с главнейшими производствами, под ред. инж. С. Муромова):

1. Бумага и печать . . . . . 60 к.
2. Воздухоплавание . . . . . 60 к.
3. Гончарное производство . . . . . 55 к.
4. Железо . . . . . 50 к.
5. Железные дороги . . . . . 60 к.
6. Кожевенное производство . . . . . 60 к.
7. Лен и конопля . . . . . 40 к.
8. Судостроение . . . . . 60 к.
9. Уголь . . . . . 55 к.
10. Хлопок . . . . . 60 к.
11. Цемент . . . . . 60 к.
12. Шелк . . . . . 50 к.
13. Шерсть . . . . . 60 к.

- Стенли-Холл, проф.**—„Очерки по изучению ребенка“ . . . . . 1 р. — к.
- Стовичен, В.**—„Загадочная планета“ (Марс) . . . . . 1 р. 20 к.
- Фламарион, К., проф.**—„Прогулка по звездам“ . . . . . — р. 90 к.

Фрязинов, С.—„Великая французская революция“ (популярный очерк) . 2 р.— к.
(Из отрыва газеты „Правда“ № 34 от 11/II—27 г.):

„... книга тов. Фрязинова написана интересно, читается легко и может быть вполне рекомендована широкому кругу читателей“). Книга допущена Научно-Политической Секцией Гусса для библиотек школ взрослых.

Издательство „ПУЧИНА“

Москва, Петровские линии, 1/20, тел. 4-90-76.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

ГЕНДРИК ВАН-ЛУН

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

**С ПОРТРЕТОМ АВТОРА И С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ
ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ В ТЕКСТЕ.**

В двух томах. Цена каждого тома 2 руб.

**Авторизованный перевод с английского П. ОХРИМЕНКО
под редакцией проф. В. РОЖИЦЫНА.**

В самой популярной форме автор излагает историю человечества от основания мира до наших дней. Переведенная на все европейские языки книга проф. Ван-Луна имеет настолько большой успех в Америке и Европе, что ежедневно выходит новым изданием.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ БЫЛО РАСПРОДАНО В ДВЕ НЕДЕЛИ.

**Отзывы о книге „ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“—проф. Ван-Луна,
данные в лучших американских журналах известными американскими
педагогами.**

Доктор Сальвин Шапиро в „THE NATION“ говорит:

„Есть только одно слово, которое определяет оригинальность проф. Ван-Луна, его тонкий ум, его понимание детей и любовь к ним, его способность придавать трудному материалу ясную драматическую простоту. Слово это—
гений.“

Фанни Бутчер в „CHICAGO TRIBUNE“ пишет:

„Эта книга, быть может, является самой лучшей книгой, когда-либо написанной для детей“.

Гарри Хансен в „CHICAGO NEWS“.

„Какой чудесный способ учить детей истории“.

Чарльз Бирд в „THE NEW REPUBLIC“ говорит:

„Родители, заботящиеся о том, как наилучше подготовить своих детей к борьбе с силами мрака и сусерья, найдут в проф. Ван-Луна лучшего наставника. Он прекрасно знает историю, а в его изложении много простоты, вкуса и юмора. Проф. Ван-Лун написал великую книгу, которая перейдет к потомству“.

„Рабочая Газета“, Москва, № 151:

„Оригинальная и интересная книга. Это действительно история человечества, но не обычного типа тек скучных историй, толстых томов, которые пишут ученые всех стран, а увлекательные рассказы о вечной борьбе за жизнь...“

Ван-Лун—социалист и верит, что будущее принадлежит трудящимся классам, что только они завоюют мир для человечества.

Книгу Ван-Луна как полезное и увлекательное чтение, надо рекомендовать каждому рабочему читателю“.

91
19181
Цена 1 р. 75 к.

Обложка
художника
В. СМЕРНОВА

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Москва, Петровские линии, 1/20
Тел. 4-90-76

WA